

Национальный центр
правовой информации
Республики Беларусь

Кафедра ЮНЕСКО
по информационным
технологиям и праву

ISSN 1997-7328

Право.by

Научно-практический журнал

Читайте в номере:

- *Информационное право в системе российского законодательства*
- *Принципы социального права как новой, формирующейся отрасли права*
 - *Структура международных договоров Содружества Независимых Государств*
- *Концептуальные подходы систематизации нормативных правовых актов Республики Беларусь в сфере государственной охраны*

Право.by

2 (22) 2013

Научно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с июня 2008 г.

С июня 2008 года журнал включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований (действующий перечень утвержден приказом Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 1 февраля 2012 г. № 21).

Учредитель и издатель

**Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь**

Главный редактор

Балашенко С.А.

Заместитель главного редактора

Гаев А.А.

Ответственный секретарь редакционной коллегии

Браусов А.М.

Редакционная коллегия

Абрамович А.М.

Батлер У.Э.

Бобцов А.В.

Василевич Г.А.

Гавриш А.Н.

Годунов В.Н.

Гущин И.В.

Каменков В.С.

Князев С.Н.

Курбацкий А.Н.

Морозов А.В.

Просяной А.А.

Радиванович Н.Н.

Сивец С.М.

Судиловская Н.В.

Шаршун В.А.

В 2013 году исполняется 15 лет со дня основания журнала

«ЮСТЫЦЫЯ БЕЛАРУСІ»!

Научно-практический журнал «Юстыцыя Беларусі» издается с мая 1998 года и является официальным изданием Министерства юстиции Республики Беларусь.

Для научно-практического издания пятнадцатилетие – это свидетельство признания и востребованности. Все эти годы коллективу редакции удается своевременно и качественно предоставлять читателям актуальные материалы в соответствии с современными тенденциями отечественной и зарубежной юридической практики.

Журнал вносит весомый вклад в формирование белорусской юридической мысли, повышение профессионального, культурного и идеологического уровня юристов. Все эти годы издание является примером компетентного освещения сложных, комплексных проблем развития права в республике.

Дорогие коллеги!

*Поздравляем вас со знаменательной датой
и желаем изданию дальнейшего развития,
увеличения читательской аудитории,
творческого долголетия и успешной реализации
самых смелых проектов!*

Редакция журнала «Право.by»

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ПРАВО НА СЛУЖБУ ЛЮДЯМ

Государственная адресная социальная помощь: проблемы и пути их решения (<i>Гуцко П.А.</i>)	5
---	---

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Становление и развитие правового регулирования воинской службы в истории Беларуси (IX — конец XVIII века) (<i>Павлющук С.В.</i>)	9
---	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Теоретические вопросы функционирования государственно-правового меха- низма защиты гражданских прав и свобод человека в Республике Беларусь (<i>Акименко К.В.</i>)	15
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Теоретические и практические аспекты самозащиты гражданских прав (<i>Вабилецвич С.С.</i>)	20
--	----

Демократические правовые режимы управления (распоряжения) и пользования объектами собственности при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования (<i>Домаков В.В.</i>)	25
---	----

Нормативные правовые акты высших органов судебной власти и Национально- го банка Республики Беларусь в системе источников гражданского права (<i>Маньковский И.А.</i>)	31
--	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Административная ответственность и иные виды юридической ответственности: общее и особенное (<i>Василевич С.Г.</i>)	36
--	----

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Понятие права собственности на землю (<i>Антончик И.Ю.</i>)	43
---	----

Объекты правоотношений по использованию земли (<i>Рудько И.С.</i>)	49
--	----

ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Принципы социального права как новой, формирующейся отрасли права (<i>Гуцун И.В., Авдей А.Г.</i>)	55
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

«Группа лиц» и «организованная группа» как необходимые квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки в статьях 185 и 384 Уголовного кодекса Рес- публики Беларусь (<i>Лапцевич И.И.</i>)	60
---	----

К вопросу о составе незаконной добычи рыбы или других водных животных, пре- дусмотренном Уголовным кодексом Республики Беларусь (<i>Ермолинский П.М.</i>)	65
--	----

КРИМИНАЛИСТИКА

Система типовых следственных ситуаций, возникающих по уголовным делам о преступлениях транснационального характера (<i>Маркова О.В., Куликовская А.И.</i>)	70
---	----

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Сравнительный анализ участия прокурора в хозяйственном (арбитражном) про- цессе стран – членов Содружества Независимых Государств (<i>Песенко С.В.</i>)	77
--	----

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Концептуальные подходы систематизации нормативных правовых актов Респуб- лики Беларусь в сфере государственной охраны (<i>Рябоволов В.А.</i>)	84
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Структура международных договоров Содружества Независимых Государств
(*Вежновец В.Н., Мукашев С.И.*)..... 91

Право на питание и его применение в национальном праве государств (*Прохазка А.А.*) 97

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Группа лиц без предварительного сговора как форма соучастия по Уголовному
кодексу Украины (*Кваша О.А.*) 102

Информационное право в системе российского законодательства (*Козориз Н.Л.*) 107

Правовое обеспечение качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в
Украине в контексте требований Всемирной торговой организации (*Полухович Л.И.*) 111

Понятие права на судебную защиту в публично-правовых спорах и его реализа-
ция в административном судопроизводстве Украины (*Трегубов Э.Л.*)..... 116

ВОПРОСЫ ПЦПИ

Виртуальное и традиционное обслуживание пользователей правовой информа-
цией: современное состояние и тенденции развития (*Знак М.В.*) 121

Развитие сети публичных центров правовой информации в Республике Беларусь
на современном этапе (*Задержковская Н.И.*) 125

ПАМЯТКА АВТОРАМ..... 128

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АДРЕСНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

ГУЦКО П.А.,

магистрант Белорусского государственного университета

В статье рассматриваются проблемы государственной адресной социальной помощи и пути их решения. Дается определение государственной адресной социальной помощи. Автор отмечает преимущества и недостатки принципа адресности.

The article deals with some of the problems of state targeted social assistance and ways to resolve them. The author gives the definition of the targeted social assistance. The author analyzes the advantages and disadvantages of the principle of targeting.

В Республике Беларусь функционирует одна из наиболее масштабных систем социальной поддержки населения. В отличие от большинства бывших советских республик, которые по финансово-экономическим причинам свернули преимущественную часть программ социальной поддержки населения, в Республике Беларусь не только сохранены ранее действовавшие, но и введен ряд новых программ. По-прежнему приоритетом социальной защиты со стороны государства остаются не малоимущие слои населения с высоким уровнем бедности, а те категории граждан, которые принадлежат к определенной группе населения без учета фактора нуждаемости. На финансирование действующей системы идет значительная часть средств, а в условиях напряженного состояния бюджета вопрос сдерживания отраслевых расходов, включая расходы на программы социальной помощи, сохраняет свою актуальность.

Цель данной работы – показать проблемы государственной адресной социальной помощи, пути их решения, а также определить преимущества и недостатки принципа адресности.

С 1 апреля 2012 г. вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 41 «О государственной адресной социальной помощи» (далее – Указ «О государственной адресной социальной помощи») [1]. Государственная адресная социальная помощь является одной из наиболее эффективных форм повышения благосостояния социальных уязвимых слоев населения, имеющих ограниченные материальные ресурсы (малообеспеченные граждане, неполные и многодетные семьи, инвалиды и др.).

В Республике Беларусь определение понятия государственной адресной социальной помощи законодательно не закреплено. В науке даются различные дефиниции. Так, Д.Е.Кожевников рассматривает государственную социальную помощь как «вид социального обеспечения, который состоит в предоставлении государством малоимущим семьям или малоимущим одиноко проживающим гражданам за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации на период нуждаемости денежных выплат и натуральных выдач в целях удовлетворения основных потребностей и доведения их доходов до прожиточного уровня» [2, с. 6].

Т.В.Деркачева утверждает, что «государственная система социальной помощи – это совокупность способов материальной защиты населения от социального риска бедности путем предоставления социальных выплат или услуг за счет средств бюджетов различных уровней» [3, с. 38].

Всемирный банк рассматривает социальную помощь как общественное воздействие, направленное на рост человеческого капитала, помогающее людям, домашним хозяйствам и социальным группам лучше управлять рисками и поддерживающее их в случае крайней бедности [4, с. 4].

Экономист Е.Л.Ли дает довольно простое определение адресной денежной социальной помощи – это помощь бедным, оказываемая в денежной форме [5, с. 8].

О.А.Лышова под адресной социальной поддержкой понимает процесс, организованный таким образом, что помощь, выделенная конкрет-

ному индивиду, точно рассчитана на его персональные потребности, которые он не в состоянии удовлетворять самостоятельно. Эта помощь должна быть направлена на поддержание величины доходов граждан на уровне не ниже прожиточного минимума [6, с. 13].

В.В.Тихомирова дает следующее определение адресной социальной помощи: «...социальные пособия в денежном выражении, натуральная помощь и помощь в виде услуг, предоставляемые малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации по независящим от них причинам и имеющим среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума [7, с. 13].

По мнению автора, определение социальной помощи должно рассматриваться в широком и узком смысле.

В широком смысле социальная помощь – оказание содействия гражданам в поддержании достойного уровня жизни. Это понятие практически тождественно социальному обеспечению в целом, является его синонимом. В узком смысле социальная помощь – это государственная адресная социальная помощь.

Определение государственной адресной социальной помощи должно содержать следующие элементы:

- 1) кто оказывает материальное содействие;
- 2) кому оказывается материальное содействие и на каком основании;
- 3) виды материального содействия.

По нашему мнению, государственная адресная социальная помощь – это деятельность государства по оказанию материального содействия семьям и гражданам, среднедушевой доход которых ниже величины бюджета прожиточного минимума, в виде пособий, установленных законодательством, на период нуждаемости.

Четкость определения понятия государственной адресной социальной помощи в дальнейшем будет предупреждать совершение ошибок по ее назначению и предоставлению.

Основанием, определяющим право на социальную помощь, является нуждаемость (бедность). Сегодня главнейшие вопросы, которыми озабочено не только государство, но и большинство квалифицированных и работоспособных граждан, – преодоление бедности.

Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 27 марта 1997 г. № 255 «О Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь» одной из главных целей устойчивого развития является максимальное сокращение бедности путем предоставления бедным более широкого доступа к ресурсам, необходимым для нормальной жизни, к услугам здравоохранения, культуры, образования, жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, связи и др. [8].

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1475 «Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы» (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь от 16 мая 2008 г.) стратегической целью социально-экономического развития Республики Беларусь в 2006–2015 годах является динамичное повышение уровня благосостояния народа на основе сбалансированного и устойчивого экономического роста, обеспечения рациональной занятости населения и приближения благосостояния и качества уровня жизни граждан республики к уровню экономически развитых европейских государств. Одной из задач, решение которой необходимо для достижения данной цели, является снижение уровня малообеспеченности (бедности) [9].

Термин «бедность» используется в законодательстве Республики Беларусь только в вышеуказанных нормативных правовых актах. Ни в Указе «О государственной адресной социальной помощи», ни в Законе Республики Беларусь от 6 января 1999 года «О прожиточном минимуме в Республике Беларусь» [10], ни в других правовых актах бедность не включается в социальный риск и не дается ее определение. В отечественном законодательстве используются понятия «малообеспеченность», «нуждаемость».

Однако определение понятия «бедность» оказывает непосредственное влияние на формирование и эффективность государственных мер по ее снижению. При выборе завышенной черты бедности по сравнению с бюджетными возможностями большая доля населения будет относиться к формально бедным и в равной степени сможет претендовать на социальную помощь. При этом социальная помощь, которой в такой ситуации на всех не хватает, достанется с большей вероятностью наиболее обеспеченным из числа формально отнесенных к бедным. Е.Е.Мачульская и Т.В.Деркачева предлагают закрепить в законодательстве понятие «бедность».

На практике по-прежнему имеют место некоторые проблемы, связанные с предоставлением государственной адресной социальной помощи. Основные из них – значительные расходы на социальные программы, социальное иждивенчество и нецелевое использование средств. Эти проблемы являются подтверждением низкого уровня адресности как самой государственной адресной социальной помощи, так и государственной социальной поддержки населения в целом.

Первоначально система государственной социальной поддержки в Республике Беларусь начала формироваться по образцу советской, основывалась на признании ведущей роли государства в обеспечении социального развития, до-

минировали уравнивательные тенденции в социальной помощи. В Республике Беларусь до 2001 года преобладали социальные программы, ориентированные на массовый охват населения, включая социальные льготы и привилегии для различных категорий граждан. В 2001 году введена система государственной адресной социальной помощи, что явилось важным шагом в переходе от патернализма к принципу адресности.

Ученые характеризуют понятие «адресность» как оказание помощи лицам, располагающим доходом ниже установленного уровня [11, с. 80].

Основными задачами государственной адресной социальной поддержки населения являются:

усиление поддержки тех категорий граждан, которые реально нуждаются в ней;

предотвращение необоснованного распыления бюджетных средств и распределения денежной помощи в пользу наиболее обеспеченных граждан.

Преимуществами адресности является не только эффективное расходование бюджетных средств на борьбу с бедностью, но и установление социальной справедливости, поскольку распределение помощи в пользу наиболее нуждающихся, как правило, соответствует общественному представлению о социальной справедливости.

Адресность не только соответствует общественным ожиданиям, но и обеспечивает достижение:

вертикального равенства (перераспределение средств в пользу граждан с более низкими доходами с тем, чтобы они смогли получить доступ к основным благам и услугам);

горизонтального равенства (обеспечение различным группам общества – национальным меньшинствам, инвалидам, семьям с детьми, тому подобным, представленным среди бедного населения, равного доступа к общественным благам или услугам) [12, с. 59].

При выделении преимуществ адресности делается акцент на процедуре отбора участников адресных программ, требующей точного определения того, кто является бедным. Универсального, наилучшего для всех возможных случаев способа не существует. Это влечет за собой основные недостатки и издержки внедрения адресного подхода:

- 1) высокие административные расходы;
- 2) возникновение негативных стимулов;
- 3) частные (альтернативные) издержки получателей помощи;
- 4) эффект социального клейма;
- 5) общественные издержки и политическая неустойчивость [12, с. 60].

Использование механизмов обеспечения адресности может привести к двум видам ошибок: ошибкам включения и ошибкам исключения.

Ошибка включения – включение в программы адресной социальной помощи тех, кто на самом деле не является малоимущим.

Ошибка исключения – исключение малоимущих из программ помощи.

Однако несмотря на все недостатки, адресность социальных расходов – это ключевой инструмент по снижению уровня бедности.

Выводы.

1) В связи с важностью общественных отношений, регулирующих порядок назначения и предоставления социальной помощи, считаем необходимым закрепить право гражданина претендовать на определенный вид социальной помощи на уровне закона, четко определив понятие «государственная адресная социальная помощь» и ее принципы.

2) Определение понятия «бедность» оказывает непосредственное влияние на формирование и эффективность государственных мер по ее снижению, что требует дальнейшего закрепления этого понятия в законодательстве.

3) Развитие принципа адресности является ключевым направлением совершенствования системы государственной адресной социальной помощи и способом разрешения таких важных проблем, как снижение расходов на социальные программы и нецелевое использование средств.

4) Основными радикальными направлениями по совершенствованию системы социальной поддержки в целом являются сокращение пособий с неудовлетворительной адресной направленностью, перераспределение части сэкономленных средств на адресные программы в целях сокращения расходов на социальную помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. О государственной адресной социальной помощи: Указ Президента Респ. Беларусь, 19 янв. 2012 г., № 41 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Кожевников, Д.Е. Государственная социальная помощь гражданам: правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Д.Е. Кожевников; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2010. – 26 с.

3. Деркачева, Т.В. Правовое регулирование государственной социальной помощи (федеральный и региональный аспекты): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Т.В. Деркачева; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – 189 с.
4. Залесский, М. Адресная социальная помощь / М. Залесский, Л. Седач, И. Ковалевская. – Минск, 2000. – 26 с.
5. Ли, Е.Л. Влияние адресной денежной социальной помощи на снижение уровня бедности в регионе (на примере Хабаровского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.Л. Ли; Ин-т экон. исслед. ДВО РАН. – Хабаровск, 2006. – 26 с.
6. Лышова, О.А. Адресная социальная поддержка населения: опыт моделирования: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / О.А. Лышова; Моск. гос. социол. ун-т. – М., 2001. – 24 с.
7. Тихомирова, В.В. Адресная социальная помощь в системе социальной защиты населения (на примере Республики Коми): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / В.В. Тихомирова; С.-Петербург. гос. ун-т. экон. и финансов. – СПб., 2011. – 26 с.
8. О Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 марта 1997 г., № 255 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
9. Об утверждении Основных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2015 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 нояб. 2006 г., № 1475: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 16 мая 2008 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
10. О прожиточном минимуме в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 1999 г., № 239-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 дек. 2007 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
11. Сморгочка, В.М. Адресность государственной социальной поддержки населения: проблемы и перспективы / В.М. Сморгочка // Тр. Минск. ин-та упр.: науч. журн. – 2009. – № 1 (9). – С. 76–81.
12. Управление программами социального обслуживания и социальной помощи / под ред. А.Л. Александровой. – М.: Фонд «Институт экономики и города», 2007. – 346 с.

Дата поступления статьи в редакцию 10.01.2013

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ (IX — конец XVIII века)

ПАВЛЮЩИК С.В.,

начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры
юридических дисциплин Военной академии Республики Беларусь

Статья посвящена организационным и правовым основам воинской службы в истории Беларуси (IX – конец XVIII века). В рамках проведенного исследования автором на основе изучения историко-правовой литературы, мнений известных ученых высказан ряд суждений, связанных с истоками формирования и генезисом нормативного закрепления воинской службы в рассматриваемый период истории Беларуси.

The article is devoted to organizational and legal basics of military service in the history of the Republic of Belarus in the 9th – the end of the 18th centuries. Within the conducted research, based on study of historical and legal literature, opinions of famous scholars, the author makes judgments concerned with the source of formation and the genesis of normative consolidation the military service in the history of the Republic of Belarus in considered historical period.

Введение

История учит многому, в особенности – быть внимательными в межгосударственных отношениях, реально оценивать происходящие в мире события. В этой связи в современных геополитических условиях, когда обостряется соперничество между государствами в отдельных сферах жизнедеятельности, вопросы защиты Отечества приобретают особую значимость [1, с. 35]. Центральное место в этом общенародном деле занимают военнослужащие, проходящие воинскую службу – особый вид государственной службы, относительно модели правового регулирования которой в ученой среде продолжают дискуссии. Как следствие, возникает потребность в осмыслении правовых норм, регулирующих воинскую службу, в процессе их формирования, то есть в контексте основных эпохальных событий в истории государства и права Беларуси.

Анализ работ ученых Г.К.Аргучинцева, А.Ф.Вишневого, Т.И.Довнар, М.В.Довнар-Запольского, В.В.Коледы, И.Н.Кузнецова, В.А.Шелкопляс, В.А.Шаршуна, Я.И.Трещенка и других служит предпосылкой в дальнейших рассуждениях придерживаться следующей периодиза-

ции многовековой истории развития белорусской государственности и права: древнебелорусский период (IX – первая половина XIII века); период Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) (вторая половина XIII – первая половина XVI века); государство и право Беларуси в период Речи Посполитой (вторая половина XVI – конец XVIII века); Беларусь в составе Российской империи (конец XVIII века – 1917 год); государство и право Беларуси в советский период (октябрь 1917 года – начало 90-х годов XX века); Беларусь на современном этапе (начало 90-х годов XX века – начало XXI века).

Целью работы является исследование правового регулирования воинской службы до вхождения Беларуси в состав Российской империи, выявление в военном законодательстве этих лет применительно к воинской службе основных тенденций и закономерностей.

Основная часть

Истоки правового регулирования воинской службы необходимо искать в древнем государственном устройстве и в обычном праве, преобладавшем на территории Беларуси до середины

XV века, которое в дальнейшем вытеснялось правом писаным «в виде многочисленных грамот, листов, привилеев, статутов и других правовых актов» [2, с. 131].

Нужно отметить, что в первых веках нашей эры территорию Беларуси занимали балтские и славянские племена, синтез которых в VIII–X веках привел к возникновению новых этнических славянских союзов: дреговичей, радимичей и кривичей (кривичей-полочан) [3, с. 34–37; 4, с. 6; 5, с. 57; 6, с. 17]. Эти союзы постепенно перерастали в княжества: Полоцкое и Туровское (IX–XI века), Городенское, Новоградское и Смоленское (XII–XIII века) [5, с. 104], Пинское, Витебское, Берестейское, Минское, Слуцкое, Мстиславское (IX–XIII века) [7, с. 35–36].

Время создания этих государств-княжеств – раннефеодальных монархий по форме правления, с вооруженными силами, состоявшими из дружин великого князя, местных князей, феодалов и народного ополчения во время войны [4, с. 186; 8, с. 11], – можно назвать периодом активного развития белорусской государственности, начало возникновения которой ученые датируют VI–VII веками [3, с. 32–33; 7, с. 34; 9, с. 33; 10, с. 16–17]. Полоцкое княжество – «выток беларускай дзяржаўнасці» [5, с. 92]. Историю Полоцкой земли М.В.Довнар-Запольский характеризует как самую интересную: «Она выразилась в своеобразном развитии политической жизни, и первый период ее знаменовался вековой борьбой с крупнейшими центрами тогдашней Руси – Новгородом и Киевом» [11, с. 36].

Для надежной обороны государств-княжеств, поддержания порядка внутри них в X–XI веках предусматривалось комплектование небольших по численности дружин, временами включавших в свой состав «замежных наймітаў – ваяроў» [12, с. 21]. Характерным признаком построения дружин было наличие строго установленной структуры. Например, у полоцких князей они состояли из двух групп: в первую, старшую, входили «бояры», «сильные мужи», во вторую, младшую, которая жила при дворе князя, – «гридь», «отроки», «детские». Земские ратники, которые не относились «да сталага княжацкага войска» («сталы» означает «постоянный») [13, с. 208], носили наименование «вои» [10, с. 20]. Отметим, что «вои» в X–XII веках созывались и в Древней Руси для обороны княжеств и борьбы с врагом [14, с. 259]. «Именно этому периоду свойственны отчаянное сопротивление полочан, туровичей, пинчуков, городенцев любому посягательству на их свободу: будь то римские миссионеры, немецкие крестоносцы, крымские татары, московские князья или бесчисленная Золотая Орда. ...Они давали отпор и тем и другим» [9, с. 34].

В таких сложных условиях, под воздействием процесса «збліжэння і аб'яднання княстваў

будзінска-крывіцкіх земляў у больш цесны палітычны саюз» формировалась правовая культура белорусского народа [7, с. 62]. Первыми нормативными актами писаного права были грамоты князей, договоры 1229, 1263 годов и др. [4, с. 9; 10, с. 32; 12, с. 31–32]. Несмотря на то, что в них отсутствовали нормы права, посвященные рыцарской службе, они имели важнейшее значение для военной безопасности государств-княжеств – были направлены на поддержание мира с соседями. Так, в тексте договора Смоленского, Витебского и Полоцкого княжеств с Ригой, Готландской землей и немецкими городами 1229 года (Рижская редакция) отмечено «абы мир не раздрушен...» [15, с. 20], а в договорной грамоте князя Герденя с ливонским магистром (Конрадом фон Мандерном) и городами Ригой, Полоцком и Витебском 1263 года говорится «как не вступатися на тую землю... более того на ту землю не поискывати» [16, с. 35]. В договорной грамоте князя полоцкого Изяслава с ливонским магистром и г. Ригой (около 1265 года) закреплялось «любовь имети и мир, как было при первых князьях» [16, с. 36].

Белорусский народ миролюбив и сегодня – это его основная отличительная черта, унаследованная от уважаемых предков. Вместе с тем «хочешь мира – готовься к войне». Возможно, эта известная пословица была так же актуальна и в те времена, в 1240, 1242, 1258, 1275, 1277, 1278, 1315, 1325, 1333 годах, когда продолжались набеги монголо-татар в западнорусские, белорусские и литовские земли [9, с. 62].

Следуя логике рассуждений, сделаем вывод о возрастании практической значимости издания правовых норм, регулирующих вопросы обороны и рыцарской службы «княжацкага войска». Предположение о том, что на белорусских землях первые военно-правовые нормы появились одновременно с первыми государственными образованиями, подкрепляется мнением ученого В.В.Коледы [17, с. 25].

Таким образом, к первой половине XIII века возникают объективные исторические предпосылки: торгово-экономические, идеологические, нравственные и, наконец, военно-политические – для регулирования правом писаным растущих потребностей развивающихся государств-княжеств в обеспечении своей военной безопасности.

В этой связи интерес представляют памятники нормотворчества периода ВКЛ, активное становление которого проходило во второй половине XII века [3, с. 82; 4, с. 10; 7, с. 61–62] и продолжалось в XIII–XIV веках, когда к нему были присоединены украинские и некоторые русские княжества [10, с. 39].

Вооруженная защита ВКЛ основывалась на «земской службе», к особенностям которой можно отнести: необходимость ее «отбывать на

коне»; «повинность земской службы» определялась не по личности воина, а земельным участком, находившемся в его владении, — «военная земская служба» шла с владельца земельного участка [18, с. 105].

Несли эту службу бояре (земяне, шляхта) и мещане некоторых городов. К боярам в конце XIV века относилась основная масса землевладельцев, которая не имела княжеского титула. В южных областях государства вместо термина «боярин» чаще употребляется термин «земянин», а с протяжением времени оба термина заменяются польским термином «шляхтич» (от нем. *schlacht* — битва) [19, с. 65, 106]. Ниже боярства-земянства (бояр-шляхты) по классу были мелкие землевладельцы — крестьяне православной веры, в своем большинстве не вошедшие в сословие шляхты и называвшиеся «бояре панцерные, бояре путные, бояре-слуги» [12, с. 39].

Привилеем короля польского и великого князя литовского Ягайлы 1387 года вооруженная защита государства становится всеобщей обязанностью при организации войска в «военный поход» (обязанность только для рыцарей за счет собственных средств и расходов) и «погоню» (обязанность каждого мужчины, способного носить оружие) [15, с. 40]. Более того, «каждый, хто ся шляхтичом быти менить и войну служити повинен» [20, с. 137]. В памятниках права Беларуси этого периода находим упоминание о главном воинском ритуале — рыцарской присяге, служившей подтверждением святых намерений и принимаемых обязательств соблюдать почтительность и уважение для государя-короля и его соправительницы и короны Польской [16, с. 57–58].

Однако привилеи 1387 года, как и привилеи 1413 и 1447 годов, лишь приблизительно регулировал вопросы организации обороны государства [21, с. 10]. Обращает на себя внимание закрепленное в пункте 5 привилея 1447 года ограничение в правах для князей, рыцарей, шляхтичей, бояр добровольно выезжать за границы государства — на неприятельскую сторону «для лепшого щастья набытья» [22, с. 428].

Первыми же воинскими законами были постановления Новоградского (1502 год), Виленского (1507 год), Менского (1507 год) и других сеймов. Так, по постановлению сейма 1502 года все князья, паны, земяне и дворяне должны были выставлять с каждых 10 крестьянских дворов одного рыцаря на коне и с копьем [23, с. 230]. О воинской повинности говорится в привилее Витебской земли 1503 года: «...на войну бытии им с нами посполу готовым» [15, с. 66].

В истории Беларуси XVI век — это начало первого этапа систематизации военного законодательства [24, с. 92]. Действительно, именно в начале XVI века (1517–1519 годы) Ф.Скорина наряду с другими отраслями выделяет «рыцар-

ское» право [25, с. 96]. Сегодня, как справедливо утверждает С.Б.Матвийчук, в рамках института административного права и самостоятельной отрасли законодательства активно развивается военное право, имеющее, заметим, все дальнейшие перспективы для своего закрепления в качестве основного структурного звена отечественной системы права [26, с. 51–54].

Но вернемся к XVI веку, когда основой формой мобилизации военнообязанного населения и комплектования войска ВКЛ было посполитое рушение (феодалное ополчение); принцип соотношения понятий «земля — война — шляхта» был взаимозависимым и взаимоподразумеваемым [27, с. 108–110]; когда «пачынаецца паступовы зварот у бок найманага войска, не такога шматлікага, як паспалітае рушэнне, ала сталага, пастаянна гатовага да вядзення баявых дзеянняў...» [28, с. 10].

Вопросам организации войска были посвящены военные уставы 1508, 1511, 1514, 1522, 1528 годов и др. [17, с. 26]. В конце второго десятилетия XVI века происходит корректировка нормативного вооружения за счет его облегчения [29, с. 247].

Таким образом, при рассмотрении вопросов организации обороны государства, комплектования и вооружения войска возрастает роль писаного права. Однако по-прежнему детальной правовой регламентации отношений рыцарской службы не происходит. Вместе с тем в памятниках права Беларуси XIV–XVI веков отражается формирование правовых основ обороны земской и института рыцарской (воинской) службы, основанной на воинской повинности, субъектами которой были как привилегированное сословие населения — владельцы (собственники) земельных участков, так и все жители государства, в том числе «наймиты».

Впервые в истории Беларуси организационные вопросы военной службы и условия воинской повинности были юридически упорядочены в разделе II «Об обороне земской» статута ВКЛ [30–32].

Так, в артикуле 1 раздела II «Об обороне земской» Статута 1529 года «Повинен кождый войну служити» закреплялось: «Уставляем с призволенем рад наших зуполных и всих подданных, иж кождый князь и пан, и дворянин, и вдова, также иж который сирота, лета зуполные маючи або не маючи, и всякий иной чоловек, лета зуполные маючи и земское имене маючи, часу потребы с нами и с потомки нашими або при гетманех наших повинен войну служити и выправляти на службу военную...» [30, с. 42].

В Статуте 1566 года учтены положения постановления Виленского сейма от 19 июня 1563 г., на котором великий князь Сигизмунд Август дал ответы: «объ обороне земской»; «об организациі сборовъ поветов въ военной

службе и объ ихъ поведеніи во время похода»; «объ определеніи стоимости коней и вооруженія, с которыми шляхта должна являться на военную службу, и о конфискаціи половины имущества у техъ, кто ее не соблюдеть»; «объ освобожденіи шляхты отъ сторожевой службы»; «о выставленіи панами-радою и всеми земскими урядниками, не вносящими платовъ въ господарскій скарбъ, по конному ратнику съ десяти волокъ»; «о непременномъ участіи въ сборе войска должностныхъ лицъ»; «объ отбываніи военной службы и уплате установленной сеймомъ серебрянныи съ именій, находящихся подъ опекою»; «объ участіи гостей-иностранцевъ въ повинности земской службы...» и др. (всего 21) [33, с. 314–315].

В статутах 1529 и 1566 годов в артикуле 11 для лиц «которые для немоцы свое не можеть на войну ехати» [30, с. 44; 31, с. 70] устанавливалась возможность, скажем, применяя современную юридическую терминологию, отсрочки от военной службы по состоянию здоровья [34, ст. 32]; в артикуле 24 закреплялось право за землевладельцами нести службу земскую на своих поместьях [31, с. 74]. Однако если в артикуле 1 Статута 1529 года устанавливался срок военной службы «а тую уставу военную подданные наши мають держати до десяти лет; а как десят лет выйдеть, тогда кождый маеть военную службу служити подле наибольшое можности свое, как и перед тым служили» [30, с. 42–43], то в артикуле 1 Статута 1566 года такого указания на десятилетний срок военной службы нет [31, с. 66]. В артикуле 12 Статута 1566 г. был увеличен на один год возраст (не ниже 18 лет) для сыновей «за отца войну служыти с почтомъ отца своего» [31, с. 71]. Сегодня эта правовая норма нашла отражение в действующем белорусском законодательстве [34, ст. 30].

Статутное законодательство об обороне земской в дальнейшем совершенствовалось благодаря изданию артикулов военных: артикулы военные, изданные на старобелорусском языке в 1535 году королем и великим князем Сигизмундом I; артикулы для ротмистров на замке в Пернаве, выданные 2 мая 1562 г. гетманом дворным Григорием Ходкевичем; артикулы военные Яна Ходкевича, старосты жмудского, для армии на квартирах, изданные под Улой в 1564 году; артикулы военные Григория Ходкевича, изданные в 1566 году; артикулы военные короля и великого князя Стефана Батория от 10 августа 1581 г.; артикулы пушкарские 1557 и 1567 годов [17, с. 27; 23, с. 231].

После Люблинской унии от 1 июля 1569 г. в Европе возникло новое конфедеративное многонациональное государство – Речь Посполитая [10, с. 125]. Она «составляла целое только вовне, тогда как внутри всегда существовало разделе-

ние на Корону (Польшу) и Великое княжество Литовское, которое сохранило свои центральные учреждения, собственную казну, армию и свое право – Статут 1588 г.» [4, с. 61]. В разделе II «Об обороне земской» Статута 1588 года подробно регламентированы вопросы уголовной ответственности воинов. В «шляхетском государстве» и для господствующего класса сохранялась обязанность участвовать в шляхетском ополчении. Идеалами внутрисословного положения страны для шляхты белорусских земель считались домашний мир и жизнь «у міласці і згодзе» [35, с. 12–13]. При возникновении угрозы вторжения на земли ВКЛ собирались соймки и «вайскавыя шляхеція з'езды» для сборов посполитого ружения. Для обороны также привлекались и наемные «жаўнеры» [36, с. 224–227].

В период Речи Посполитой издаются: артикулы военные гетманские 1609 года; артикулы иноземному войску Владислава IV; солдатские артикулы гетмана Григория Ходкевича; военные артикулы, данные гетманом Янушем Радзивиллом под Глуском; военные артикулы гетмана Михаила Казимира Паца; военные артикулы гетмана Михаила Казимира Радзивилла 1746 года; книга «Артикулы военные» (1754 год); сборник артикулов военных «Валоміна легум» (1732–1782 годы) [17, с. 27; 23, с. 231].

Особое значение для развития правового регулирования воинской службы имел раздел XI «Народные вооруженные силы» Конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г., в котором усматриваются такие существенные принципы воинской службы, как: обязательность решений органов исполнительной власти для армии; эффективность воинской службы и постоянная боевая готовность; идеологические аспекты – всенародный характер, верность народу и принесение военной присяги; единоначалие [37, с. 791–798]. Однако органы власти Речи Посполитой не обеспечили жизнеспособность конфедеративного государства, что привело к трем разделам Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 годы), включению территории Беларуси в состав Российской империи, под влиянием законодательства которой, как следствие, осуществлялось дальнейшее развитие правового регулирования воинской службы.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. С появлением государственности на территории Беларуси исторически возникает необходимость в вооруженной защите белорусских земель от нападения извне. В древнебелорусский период нормы права, посвященные рыцарской (воинской) службе, отсутствовали.

2. К первой половине XIII века создаются исторические предпосылки для регулирования правом писаным растущих потребностей развивающихся государств-княжеств в обеспечении своей военной безопасности. Возникшие в недрах обычного права подходы князей к организации войска – организованность и единоначалие, оптимальность структуры, использование при комплектовании постоянного войска и ополчения во время войны, привлечение наемников-профессионалов – нуждались в закреплении правом писаным.

3. Рыцарская служба носила важный государственный характер – именно с ней связывались надежды на сохранение «старажытнай» белорусской культуры и развитие белорусской государственности.

4. С XIV века на все население ВКЛ распространялась «повинность земской службы», как

следствие, военную службу для обороны земской должны были нести князи, паны, средние и мелкие землевладельцы (бояре, боярешляхта, или земяне-шляхта, или шляхта), крестьяне.

5. В разделе II «Об обороне земской» статут ВКЛ термин «воинская служба» отсутствовал – вместо него употреблялись термины «военная служба», «военная земская служба», «повинность земской службы». Отдельные положения статутного законодательства «сквозь призму столетий» дошли и до наших дней.

6. Во второй половине XVI – конце XVIII века издаваемые государством правовые нормы о воинской повинности и военной службе имели конституционную основу, все тверже закрепляли принципы института рыцарской (воинской) службы, главным из которых стал принцип законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлющик, С.В. Воинская служба в государственно-правовом механизме Республики Беларусь / С.В. Павлющик // Право.by. – 2012. – № 5. – С. 32–38.
2. Шаршун, В.А. Генезис и периодизация истории обнародования (официального опубликования) правовых актов в Беларуси / В.А. Шаршун // Право.by. – 2012. – № 5. – С. 131–135.
3. Гісторыя Беларусі: у 2 ч.: вучэб. дапам. / пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – Ч. 1: Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. – 416 с.
4. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси: пособие для студ. высш. учеб. завед. / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. – Минск: Тесей, 2004. – 320 с.
5. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.
6. Пичета, В.И. История белорусского народа / В.И. Пичета. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003. – 184 с.
7. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / Т.І. Доўнар. – Мінск: ДКСТ БДУ, 2011. – 552 с.
8. Аргучинцев, Г.К. История государства и права Республики Беларусь: в вопросах и ответах / Г.К. Аргучинцев. – Минск: Амалфея, 2012. – 216 с.
9. Малиновский, В.И. История белорусской государственности: учеб. пособие для студ. вузов, слушателей системы последиplomного образования / В.И. Малиновский. – Минск: Беларусь, 2002. – 199 с.
10. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 319 с.
11. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.
12. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – Мінск: Амалфея, 2007. – 400 с.
13. Мясникова, О.А. Белорусско-русский и русско-белорусский словарь: 42 000 слов / О.А. Мясникова, В.В. Мясникова; под ред. А.И. Журавского. – 8-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2007. – 480 с.
14. Ваенная энцыклапедыя Беларусі / рэдкал.: Л.У. Языковіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 1136 с.
15. Вишневский, А.Ф. История государства и права Беларуси в документах и материалах (с древних времен до наших дней): учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Я.А. Юхо; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – 2-е изд., доп. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003. – 320 с.
16. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Ин-т ист. СССР, Акад. наук СССР. – М.: Ин-т ист. АН СССР, 1977. – 226 с.
17. Коледа, В.В. Основные тенденции развития военного законодательства Великого Княжества Литовского в XVI в. / В.В. Коледа // Вести ин-та совр. знаний. – 2008. – № 2. – С. 25–29.

18. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1994. – 510 с.
19. Грицкевич, А.П. Формирование феодального сословия в Великом Княжестве Литовском и его правовые основы (XV–XIV) / А.П. Грицкевич // Первый Литовский статут 1529 года. – Вильнюс, 1982. – 154 с.
20. Литовская метрика / Ин-т история Литвы. 7: Книга публичных дел (1553–1567) / подгот. А. Балюлис. – Вильнюс, 1996. – 205 с.
21. Каляда, В.В. Вайсковае заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага ў XVI стагоддзі: аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.01 / В.В. Каляда. – Мінск, 2010. – 20 с.
22. Вялікае Княства Літоўскае: энцыкл. Т. 3. Дадатак. А–Я / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 696 с.
23. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам.: у 2 ч. / Я.А. Юхо. – Мінск: Рэсп. ін-т выш. шк. Беларус. дзярж. ун-та, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
24. Шаршун, В.А. Аб некаторых пытаннях сістэматызацыі ваеннага заканадаўства Беларусі / В.А. Шаршун // Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І.А. Юхо, Мінск, 18–19 сак. 2011 г. – Мінск: БДУ, 2011. – 199 с.
25. Прадмовы і пасляслоўі / АН БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 240 с.
26. Матвийчук, С.Б. Становление военного права в Республике Беларусь / С.Б. Матвийчук, С.В. Павлющик // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 3. – С. 51–54.
27. Лойка, П.А. Афармленне шляхецкага саслоўя ў Вялікім Княстве Літоўскім / П.А. Лойка // Працы гіст. фак. БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2010. – Вып. 5. – С. 102–115.
28. Бохан, Ю.М. Наёмная войска ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVI ст.ст. / Ю.М. Бохан. – Мінск: Ін-т гіст. НАН Беларусі, 2004. – 91 с.
29. Бохан, Ю.М. Узбраенная войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. / Ю.М. Бохан. – Мінск: Экаперспектыва, 2002. – 335 с.
30. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / К.И. Яблонский [и др.]; под общ. ред. К.И. Яблонского. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 254 с.
31. Статут Великого Княжества Литовского 1566 года / Т.И. Довнар [и др.]; под общ. ред. Т.И. Довнар. – Минск: Тесей, 2003. – 352 с.
32. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года / пер. на беларус. мову А.С. Шагун. – Мінск, 2002. – 207 с.
33. Литовская метрика: отд. 1–2, ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1 / ред. И.И. Лаппо. – Юрьев, 1914. – 976 с.
34. О воинской обязанности и воинской службе: Закон Респ. Беларусь, 5 нояб. 1992 г., № 1914-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 дек. 2011 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
35. Лойка, П.А. Асноўныя прынцыпы дзяржаўнай ўлады ў поглядах Льва Іванавіча Сапегі / П.А. Лойка // Леў Сапега (1557–1663) і яго час: зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2007. – С. 11–15.
36. Радаман, А. Вайсковыя шляхецкія з'езды (попісы і зборы паспалітага рушэння) Наваградскага павета ў другой палове XVI ст. / А. Радаман // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XIII стагоддзях: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск – Навагарадак, 23–24 ліст. 2007 г. / навук. рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. – Мінск: БІП-С плюс, 2008. – С. 221–231.
37. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / В.М. Корецкий [и др.]; под общ. ред. В.М. Корецкого. – М.: Госюриздат, 1961. – 960 с.

Дата поступления статьи в редакцию 15.01.2013

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

АКИМЕНКО К.В.,

доцент учреждения образования «БИП – Институт правоведения», кандидат юридических наук

Статья посвящена теоретическим вопросам функционирования государственно-правового механизма защиты гражданских прав и свобод человека в Республике Беларусь.

Рассматривается система конституционно-правовых гарантий прав и свобод личности, под которыми понимаются общие условия и специальные (юридические) средства, закрепленные в конституции и других нормативных правовых актах, создающие фактическую возможность пользоваться основными правами, удовлетворять интересы и надежно защищать их.

В заключении автор приходит к выводу, что защита и обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, включая и гражданские права, личная безопасность, повышение качества и уровня жизни всегда должны диктоваться национальными интересами страны и находиться в сфере внимания всех ветвей власти.

The article is devoted to theoretical issues of functioning of state-legal mechanism for the protection of civil rights and freedoms in the Republic of Belarus.

The author considers the constitutional and legal guarantees of rights and freedoms, which are defined as the general conditions and the special (legal) means allocated in the Constitution and other legal acts that create the actual access fundamental rights, the interests and protecting them.

In conclusion, the author decides that the protection and enforcement of constitutional rights and freedoms of citizens, including civil rights, personal safety, quality and living standard improvement should always be dictated by national interests and be in the spotlight of all branches of government.

Формирование любого демократического правового государства предполагает решение сложного и многогранного комплекса проблем. В таком государстве должны признаваться плюрализм мнений и верховенство права, принцип разделения властей и гарантироваться права и свободы личности. Защита и обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, включая и гражданские права, личная безопасность, повышение качества и уровня жизни всегда должны диктоваться национальными интересами страны и находиться в сфере внимания всех ветвей власти.

Главным и в конечном счете высшим критерием и важнейшим принципом любого правового государства является его способность обеспечить и защитить права и свободы личности.

Права человека должны являться главным ориентиром в деятельности государства, всех его властных структур и должностных лиц, а государственно-правовой механизм защиты гражданских прав и свобод человека и конституционные гарантии защиты прав и свобод личности тесно взаимодействуют друг с другом и призваны обеспечивать эффективную защиту прав и свобод человека в государстве.

Права человека прошли длительный эволюционный путь развития. По мнению профессора Е.А.Лукашевой, «права человека – это определенные нормативно-структурированные свойства и особенности бытия личности, которые выражают ее свободу и являются неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами» [1, с. 3].

Устав ООН от 26 июня 1945 г. (абзац второй преамбулы) вновь утвердил веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство прав больших и малых наций [2, с. 15].

Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. «О государственном суверенитете Республики Беларусь» [3] провозгласила, что государственный суверенитет Республики Беларусь утверждается во имя высшей цели – свободного развития и благополучия, достойной жизни каждого гражданина республики на основе обеспечения прав личности в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и ее международными обязательствами (ст. 3).

Таким образом, по существу с 1990 года права человека в Республике Беларусь впервые стали рассматриваться в качестве высшей цели государства.

Следующим этапом в формировании системы защиты гражданских прав человека в государстве явились разработка и принятие Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года [4].

Как отмечает профессор А.А. Головкин, «разработчики проекта Конституции 1994 года считали недопустимым механическое перенесение в нее статей ранее действующей Конституции 1978 г. При определении набора (объема) основных прав, свобод и обязанностей граждан разработчики Конституции изучили и учли опыт конституционного закрепления прав человека всеми государствами мира, а также международные акты, подписанные представителями СССР и Белорусской ССР» [5, с. 86].

Из 146 статей Конституции 1994 года – 77 (свыше 50 %) посвящено определению правового статуса личности. В этой связи профессор С.Г. Дробязко справедливо отмечает, что «непосредственно правовой статус личности исходит из свободы человека, являющейся предпосылкой реализации его природы, его сущности как величайшей ценности. И именно право, такое законодательство, которое олицетворяет общесоциальную политическую справедливость, призвано своими принципами и нормами определить юридическое состояние личности вообще в ценностном ракурсе и отдельного человека в конкретном обществе на соответствующем этапе его развития» [6, с. 11].

По мнению белорусского исследователя В.Н. Кивеля, «в Конституции Республики Беларусь 1994 года в основном сохранена классификация основных прав и свобод граждан, закрепленная ранее в главе 5 и ст. 37 Конституции БССР 1978 г. Однако последовательность их изложения была изменена – личные права и свободы граждан, политические права и свободы, социально-экономические права. Глава «Равно-

правие граждан» была упразднена. Такая классификация позволила охватить всю широту прав и свобод граждан, а выдвигание на первое место личных прав и свобод подчеркивает применение концепции естественных прав человека в деятельности нашего государства» [7, с. 89].

Конституция Республики Беларусь 1994 года впервые закрепила право на жизнь, отсутствовавшее ранее в Конституции БССР 1978 года, и обязала государство защищать жизнь человека от любых противоправных посягательств (ст. 24). В ней впервые в Республике Беларусь официально устанавливался запрет на проведение медицинских или иных опытов без согласия человека (ст. 25). К числу судебно-процессуальных гарантий в Конституции 1994 года впервые закреплялся запрет принуждения к даче показаний и объяснений против самого себя, а также членов своей семьи и близких родственников (ст. 27). В ст. 32 Конституции впервые устанавливалось, что не только брак, семья, материнство и детство, но и отцовство находятся под защитой государства.

Важнейшим правом, призванным обеспечивать независимость средств массовой информации, стал установленный в Конституции запрет на монополизацию средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами (ст. 33).

В Конституции 1994 года впервые также закреплялось право каждого человека сохранять свою национальную принадлежность и устанавливался запрет принуждения к определению и указанию своей национальной принадлежности (ст. 50). Исходя из данного положения, в ныне действующих паспортах граждан Республики Беларусь, а также в иных юридических документах обязательное указание на национальную принадлежность было устранено законодательно. В таком же порядке закреплялось право каждого человека, проживающего на территории Республики Беларусь, пользоваться своим родным языком и выбирать язык общения (часть третья ст. 50).

Таким образом, Конституция Республики Беларусь 1994 года закрепила новые нормы в области защиты гражданских прав личности, отсутствовавшие ранее в конституциях БССР 1937 и 1978 годов.

Логическим продолжением формирования системы защиты гражданских прав человека в Республике Беларусь стало принятие на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. Конституции Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями) [8].

В отличие от Конституции Республики Беларусь 1994 года, в действующей редакции Конституции права человека провозглашаются не только в качестве высшей цели, но и высшей ценности общества и государства (часть первая ст. 2).

В ней также впервые была установлена ответственность государства перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности (часть вторая ст. 2).

Новеллой действующей Конституции стало положение о праве каждого на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий человека (часть вторая ст. 21).

Применительно к защите гражданских прав женщин и детей действующая Конституция развила положения Конституции 1994 года, установив, что дети могут быть отделены от своей семьи против воли родителей и других лиц, их заменяющих, только на основании решения суда, если последние не выполняют своих обязанностей (часть четвертая ст. 32).

В связи с резким обесцениванием личных сбережений граждан в ходе проведения экономических реформ в начале 1990-х годов в действующей Конституции было закреплено положение, согласно которому государство поощряет и охраняет сбережения граждан и создает гарантии возврата вкладов (часть четвертая ст. 44).

Таким образом, как справедливо отмечает профессор Г.А.Василевич, «Конституция Республики Беларусь не только зафиксировала уровень политического и социального развития, но и определила дальнейшее направление конституционного строительства. В этом отношении потенциал конституционных принципов и норм неисчерпаем. Конституционные нормы и принципы формируют правовую парадигму, поскольку они отражают и одновременно формируют концепции законодательного развития государства и общества» [9, с. 3].

Базой (фундаментом) конституционно-правовых основ защиты гражданских прав и свобод человека в Республике Беларусь является формирующийся *государственно-правовой механизм защиты гражданских прав и свобод человека*, определение которого до сих пор не выработано в отечественной юридической литературе. Термин «механизм» в государственно-правовой литературе обычно употребляется в переносном смысле. Государство является основным элементом политической системы общества, организующим, направляющим и контролирующим совместную деятельность и отношения людей, общественных групп, классов и ассоциаций. Оно представляет собой определенным образом организованную систему разнообразных органов и учреждений, находящихся во взаимной связи и зависимости. Термин «механизм» означает, что все его многочисленные элементы действуют согласованно, проникнуты внутренним единством и подчинены «единой воле». Государственный механизм является единой системой, осуществляющей конкретные функции в соответствии со своими полномочиями. В то же

время для него характерна разветвленность на определенные элементы – блоки, институты, ветви власти, которые находятся в определенных взаимоотношениях и связаны началами координации и субординации. А государственно-правовой механизм является совокупностью государственного механизма органов законодательной, исполнительной, судебной власти, контрольно-надзорных органов, а также взятой в комплекс с ними системы правовых средств, благодаря которым государство осуществляет свои функции. В этой связи представляется, что права человека как сложный правовой феномен нуждаются в механизме защиты, поскольку его отсутствие приведет к тому, что, несмотря на их закрепление в нормативных правовых актах, они окажутся лишь продекларированными, а не реально соблюдаемыми и исполняемыми органами государственной власти. Иными словами, государство должно не только провозгласить права человека, но и создать эффективный механизм их правовой защиты. Исходя из этого, можно сделать вывод, что государственно-правовой механизм защиты гражданских прав и свобод человека – это деятельность органов государственной власти Республики Беларусь, направленная на обеспечение гражданских прав личности на основе норм Конституции, международного права и иных нормативных правовых актов.

Характерной особенностью государственно-правового механизма защиты гражданских прав личности является его специфическая направленность в процессе осуществления внутренних функций государства.

Структуру государственно-правового механизма защиты гражданских прав и свобод человека можно представить следующим образом:

- 1) Президент Республики Беларусь;
- 2) Национальное собрание Республики Беларусь;
- 3) Правительство – Совет Министров Республики Беларусь, министерства, государственные комитеты и иные республиканские органы государственного управления, в деятельности которых проблемы защиты гражданских прав человека занимают приоритетное направление;
- 4) Конституционный Суд Республики Беларусь, Верховный Суд Республики Беларусь и нижестоящие суды;
- 5) прокуратура и ее органы на местах;
- 6) органы местного управления и самоуправления и др.

Эффективное функционирование государственно-правового механизма защиты гражданских прав и свобод человека в Республике Беларусь невозможно без соблюдения **конституционных гарантий прав человека**.

Как справедливо отмечает белорусский исследователь А.И.Курак, «права и свободы могут быть реализованы только тогда, когда им будет

соответствовать чья-то обязанность их обеспечить. И эта обязанность возлагается в первую очередь на государство, которое должно гарантировать реальное осуществление этих прав и свобод всеми доступными ему средствами» [10, с. 222]. Исследуя вопросы гарантий прав личности в Республике Беларусь, профессор Г.Б.Шишко обоснованно полагает, что «все конституционные права граждан характеризуются постоянным повышением уровня гарантий их реализации... С помощью различных, в том числе правовых средств, оно оказывает содействие гражданам в реализации ими конституционных прав» [11, с. 242].

Российский профессор К.К.Гасанов определяет, что под конституционными гарантиями основных прав человека в целом следует понимать «общие условия и специальные (юридические) средства, закрепленные в конституции и других нормативных правовых актах, создающие фактическую возможность пользоваться основными правами, удовлетворять интересы и надежно защищать их» [12, с. 193].

Полагаем, что система гарантий прав человека в Республике Беларусь включает в себя две группы:

1. **общие гарантии** – это объективные материальные и духовные условия реализации основных прав и законных интересов физических лиц в Республике Беларусь. К ним следует отнести следующие их виды: экономические, политические, социальные и духовные.

Экономические гарантии должны создавать объективные условия, в которых индивид должен получать материальные возможности для реального осуществления своих прав и законных интересов. Основными составляющими данного вида гарантий должны являться право собственности и право на труд.

Политические гарантии обеспечивают возможность реализации гражданами Республики Беларусь своих политических прав и свобод, установленных в Конституции и иных нормативных правовых актах государства.

Социальные гарантии включают в себя деятельность государственных органов Республики Беларусь, направленную на создание высокого жизненного уровня в государстве и реализацию социальных прав личности (право на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, поддержка института семьи, материнства, детства, отцовства и др.).

Духовные гарантии являются средством реализации духовных запросов личности (право исповедовать религию, посещать кино, театры, библиотеки и т.д.);

2. **юридические гарантии** – это система взаимосвязанных механизмов, форм и средств (нормативных, институционных и процессу-

альных), обеспечивающих реализацию прав и свобод человека в Республике Беларусь. К ним следует отнести следующие их виды: собственно гарантии охраны прав человека, юридические гарантии квалифицированной правовой помощи и организационные гарантии.

Гарантии охраны прав человека – закрепленные в Конституции Республики Беларусь пределы прав и законных интересов физических лиц на ее территории, а также меры поощрения и стимулирования правомерной и инициативной реализации их прав.

Юридические гарантии квалифицированной правовой помощи – установленные государством возможности использования помощи адвоката в уголовном, административном и гражданском судопроизводстве, а также гарантии оказания консультационных услуг государственными органами, общественными объединениями и адвокатскими коллегиями.

Организационные гарантии – это система правовых (в том числе локальных) норм, устанавливающих сферы и содержание управленческой деятельности, осуществляемой органами государственной власти и органами местного самоуправления Республики Беларусь, а также общественными организациями и должностными лицами. Данные гарантии реализуются не через процессуальную или юрисдикционную деятельность, а через организационную работу.

Член-корреспондент НАН Беларуси, профессор В.И.Шабайлов справедливо отмечает, что «по мере расширения демократии и углубления демократии возрастут и гарантии реализации личных прав и свобод человека и гражданина, а основания их ограничений будут сокращаться» [13, с. 106].

Следует также отметить, что все группы и виды конституционных гарантий защиты прав и свобод человека (включая и гражданские права личности) являются неделимыми и взаимосвязанными.

Таким образом, права человека в любом современном обществе неотделимы от его социальной деятельности, общественных отношений и являются важнейшим институтом, с помощью которого регулируется правовой статус личности.

Гражданские права человека формировались из многократно повторяющихся актов деятельности людей и формирующихся правовых связей. В процессе человеческой деятельности, включающей множество индивидов со своими интересами, потребностями и целями, неизбежно возникало столкновение и противоборство зачастую разнонаправленных ориентиров поведе-

ния людей. Однако при всем разнообразии поступков и действий участников общественных отношений кристаллизовались и определенные устойчивые нормы, эталоны и ценности, которые способствовали упорядочению процесса взаимодействия людей и сочетания интересов различных индивидов с учетом исторически складывающегося бытия, духовной культуры и государственности. Каждый человек имеет притязания на определенный объем благ, получению которых должны содействовать общество и государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Права человека / под ред. Е.А. Лукашевой. – М.: Инфра-М: Норма, 2013. – 560 с.
2. Права человека: междунар.-правовые документы и практика их применения / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск: Амалфея, 2009. – С. 15.
3. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верхов. Совета Респ. Беларусь, 27 июля 1990 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 31. – Ст. 536.
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1994. – № 9. – Ст. 144.
5. Головкин, А.А. Концепция прав человека в Конституции Республики Беларусь / А.А. Головкин // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 1998. – Вып. 9. – С. 84–98.
6. Дробязко, С.Г. Личность в праве / С.Г. Дробязко // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; гл. ред. В.Н. Бибило. – Минск: БГУ, 2005. – Вып. 16. – С. 3–16.
7. Кивель, В.Н. Конституционные права личности и их защита / В.Н. Кивель. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 319 с.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп.): принята на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.
9. Василевич, Г.А. Конституция твоей страны: к десятилетию Основного Закона / Г.А. Василевич // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2004. – № 1. – С. 3.
10. Курак, А.И. Конституционные гарантии прав и свобод человека: понятие, виды, содержание / А.И. Курак // Государство. Демократия. Закон: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию проф. А.А. Головкин / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. Г.А. Василевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – С. 222–241.
11. Шишко, Г.Б. Конституционные гарантии права на труд / Г.Б. Шишко // Там же. – С. 242–259.
12. Гасанов, К.К. Конституционный механизм защиты основных прав человека / К.К. Гасанов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 431 с.
13. Шабайлов, В.И. Реализация прав и свобод граждан: сочетание непосредственного и опосредованного действия конституционных норм / В.И. Шабайлов // Обеспечение непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан: опыт, проблемы, перспективы: сб. докл. и тез. выступлений науч.-практ. конф., Минск, 17 нояб. 1998 г. – Минск, 1998. – С. 105–107.

Дата поступления статьи в редакцию 13.11.2012

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

ВАБИЦЕВИЧ С.С.,

доцент филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, кандидат юридических наук

В статье проводится анализ сформировавшихся в науке гражданского права подходов к пониманию самозащиты гражданских прав. Определяются содержательные границы самозащиты гражданских прав. Формулируются основные черты самозащиты как одной из форм защиты субъективных гражданских прав.

In the article the analysis generated in a science of civil law of approaches to understanding of self-defence of the civil rights is carried out; substantial borders of self-defence of the civil rights are defined; the basic lines of self-defence as one of forms of protection of the subjective civil rights are formulated.

Согласно одному из принципов отечественного гражданского права граждане и организации вправе осуществлять самозащиту гражданских прав с соблюдением пределов, определенных гражданско-правовыми нормами (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [1]. Самозащита гражданских прав впервые законодательно закреплена в ст. 11 действующего ГК в качестве способа защиты гражданских прав. В доктрине российского гражданского права неоднократно отмечалось, что самозащита представляет собой форму защиты, в рамках которой применяются соответствующие способы защиты (ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) [2].

В соответствии с нормативной характеристикой самозащита включает непосредственные действия лица, права которого нарушаются, при условии, что такие действия не сопряжены с нарушением правовых предписаний. Не рассматривается в качестве такого нарушения самозащита гражданских прав, осуществленная с причинением вреда в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны, если действия защищающегося были соразмерны характеру и опасности нарушения и не вышли за пределы его предупреждения или пресечения (ст. 13 ГК). Российский же законодатель, допустив самозащиту гражданских прав, сформулировал требования о соразмерности нарушению и соответствию пределам действий, необходимых для его пресечения, в качестве общих, то есть распро-

странил их на все способы самозащиты, а не только на те, которые применяются в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны (ст. 14 ГК Российской Федерации). Ниже попытаемся доказать, что такой подход с точки зрения практической реализации норм о самозащите представляется более последовательным.

В гражданско-правовой науке отсутствует единство в понимании самозащиты. Принципиальное отличие в предлагаемых определениях связано с возможностью включения в содержание самозащиты действий юридического характера. Определение самозащиты гражданских прав как совершаемых управомоченным лицом действий фактического порядка, соответствующих закону и направленных на охрану материальных и нематериальных благ, было дано В.П.Грибановым [3, с. 168]. Данная точка зрения также воспроизводится в ряде современных работ. Ее сторонники усматривают отличие фактических действий, связанных с самозащитой права, от действий юридических, именуемых мерами оперативного характера, объясняемое тем, что:

1) меры оперативного воздействия направлены на обеспечение договорного обязательства, а самозащита – на охрану личности гражданина, прав собственности или иных прав организаций и граждан, носящих вещно-правовой характер [3, с. 133];

2) меры оперативного характера «принимаются в нормальных <...> условиях, при наличии

альтернативы этим мерам в виде возможности обращения за судебной защитой, досудебного урегулирования спорной ситуации путем переговоров и т.д.» [4, с. 344], самозащита же применяется в такой чрезвычайной ситуации, при которой в силу особых обстоятельств обеспечить защиту гражданских прав в судебном или административном порядке не представляется возможным, соответственно, под самозащитой понимается исключительный порядок защиты гражданского права [5, с. 170–177];

3) для мер оперативного характера свойственно «не физическое, а правовое воздействие на должника, хотя, как и самозащита, они используются управомоченным лицом самостоятельно без обращения в суд» [6, с. 103];

4) действия по применению мер оперативного характера всегда являются односторонними сделками, влекущими изменение прав и обязанностей участников относительного гражданского правоотношения [7, с. 425].

В соответствии со вторым мнением самозащита гражданских прав рассматривается как совокупность действий и фактического, и юридического порядка, то есть меры оперативного воздействия являются разновидностью мер самозащиты. Самозащита гражданских прав при этом понимается как «допускаемые законом или договором действия управомоченного лица, направленные на обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения и ликвидацию последствий этого нарушения» [8, с. 35].

Представители данной позиции не усматривают достаточных оснований для противопоставления мер оперативного воздействия мерам самозащиты, поскольку и тем и другим присущи такие свойства, как самостоятельное применение потерпевшим и направленность на пресечение правонарушения и уменьшение его отрицательных последствий [9, с. 556, 559].

В рамках третьей точки зрения «предусмотренные законом односторонние действия юридического или фактического характера, применяемые управомоченным на их совершение субъектом и направленные на пресечение действий, нарушающих его имущественные или личные права» [10, с. 5–17] также относятся к самозащите, но на том основании, что к мерам самозащиты не должны относиться необходимая оборона и крайняя необходимость, так как «в случае, когда лицо защищает собственные права и интересы «физическими» (фактическими) действиями (а гражданско-правовые меры самозащиты неразрывно связаны с охраной собственных прав и интересов управомоченного), это не самозащита в правовом смысле, а фактические действия, хотя основанные на норме права, но с правовым воздействием на правонарушителя не связанные. Необходимая оборона и крайняя необходимость – это действия фактического («физиче-

ского»), но не правового свойства. Фактические же действия, совершаемые управомоченным субъектом, могут быть мерами самозащиты лишь в том случае, когда они носят характер действий, пресекающих правонарушение правовыми средствами» [11, с. 48].

На наш взгляд, определяя содержательные границы самозащиты гражданских прав, необходимо учитывать следующие обстоятельства.

1) Попытка разграничения оперативных мер и мер самозащиты по сферам их применения (первые применяются в договорных, вторые – во внедоговорных отношениях), основанная на принципиальном разграничении фактических и юридических действий, имеющем, кстати, достаточно условный характер, не дает желаемого результата, поскольку и в договорных отношениях находят применение фактические действия управомоченной стороны, например, самостоятельное устранение покупателем недостатков товара с последующим возмещением расходов (ст. 445 ГК), производство арендатором капитального ремонта с последующим взысканием с арендодателя стоимости ремонта или зачета ее в счет арендной платы (ст. 587 ГК) и др. Что же касается мер оперативного воздействия, то таковые применяются стороной обязательственного правоотношения.

2) Называемый в литературе признак исключительности не характерен для самозащиты в ее современном понимании. Если в гражданском праве советского периода, особенно в его начале, самостоятельная защита рассматривалась в виде исключения [12, с. 248], то в действующем ГК закреплена универсальная норма, допускающая самостоятельную защиту своих прав, более того, как указывалось выше, возможность самостоятельной защиты гражданских прав отнесена к принципам современного гражданского права.

3) Самозащита гражданских прав предполагает непосредственные действия лица, права которого нарушаются, на что отечественный законодатель, в отличие от российского, прямо указывает в нормах ст. 13 ГК. В этой связи в ситуации, когда третье лицо будет оборонять потерпевшего от нападения, о самозащите можно говорить только в отношении прав и интересов обороняющегося. Что же касается третьего лица, то оно защищает права другого субъекта. Этот вывод применим и к классической ситуации, приводимой В.А.Беловым при рассмотрении вопроса о соразмерности применяемых мер самозащиты характеру правонарушения. Одному из участников похода становится плохо с сердцем; другие участники, не обладающие профессиональными (медицинскими) знаниями, опасаясь задержки приезда автомобиля службы скорой (неотложной) медицинской помощи ввиду отдаленности места их нахождения, завладевают автомобилем без разрешения его собствен-

ника, с тем чтобы доставить пострадавшего в больницу. В данном случае, безусловно, имеет место совершение действий в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК Российской Федерации, ст. 936 ГК) независимо от последующего установления факта отсутствия объективной необходимости в экстренной помощи потерпевшему, состояние которого позволяло дожидаться приезда автомобиля службы скорой (неотложной) медицинской помощи [9, с. 558], но указанные действия совершены не потерпевшим, права которого к тому же не нарушались, и, следовательно, к самозащите данная ситуация не имеет никакого отношения. Таким образом, действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости совершаются в рамках самозащиты только в случае устранения потерпевшим угрожающей ему опасности.

По указанным выше причинам нельзя согласиться с мнением о возможности отнести деятельность в форме патронажа к самозащите прав подопечного [13, с. 146]. Напомним, что в соответствии с пунктом 1 ст. 37 ГК по просьбе совершеннолетнего дееспособного гражданина, который по состоянию здоровья не может самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять обязанности, над ним может быть установлен патронаж. Кроме того, необходимо учитывать, что для назначения попечителя гражданин обращается в компетентный орган – орган опеки и попечительства.

Не заслуживает поддержки и предложение о том, что «в случае невозможности самостоятельной защиты своих гражданских прав потерпевшей стороной она может обратиться за помощью в осуществлении права на самозащиту к другим лицам (то есть прибегнуть к так называемой товарищеской взаимопомощи)» [14]. Приведенное предложение высказано применительно к следующему распространенному в российской юридической литературе примеру. В соответствии с вступившим в законную силу судебным решением гражданин С. должен был передвинуть свою изгородь и устранить препятствия в пользовании земельным участком, принадлежащим гражданину К. Поскольку по прошествии двух лет судебное решение С. исполнено не было, К. перенес изгородь с помощью своих знакомых. В данном случае, во-первых, имеет место нарушение установленного нормами права порядка исполнения судебного решения, во-вторых, даже если бы действия по переносу изгороди не были бы сопряжены с нарушением правовых предписаний, «товарищеская взаимопомощь» не охватывается понятием самозащиты, так как оказывается управомоченному лицу в рамках иных правоотношений. То обстоятельство, что российский законодатель не конкретизирует лиц, имеющих право на самостоятельную защиту

своих гражданских прав (что и не является обязательным, поскольку сам термин «самозащита» свидетельствует о дозволении потерпевшему защищать свое нарушенное право), не отменяет возможность ее осуществления только управомоченным лицом, чье право нарушено.

4) Причиной нарушения прав, самостоятельно защищаемых управомоченным лицом, могут быть не только противоправные посягательства, но и иные действия и события. Классический пример: лицо использует чужое имущество (транспортное средство, сельскохозяйственный инвентарь) для тушения пожара собственного дома, в который ударила молния. Ключевым является тот факт, что в любом случае основанием для применения самозащиты будет процесс умаления личного или имущественного права лица. Соответственно, неверной представляется позиция хозяйственного суда Могилевской области, квалифицировавшего в качестве самозащиты действие ответчика по зачету суммы убытков, причиненных утратой груза, и суммы провозной платы (дело № 125-12/2006). В данном случае при оценке правомерности действий стороны должны были применяться не правила о правомерности самозащиты, а нормы ст. 381 ГК, определяющей условия, при которых допускается зачет.

5) Фактические действия, совершаемые в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, не имея изначально законодательной регламентации (в отношении способов и последовательности совершения), оказывают воздействие на личность или имущество правонарушителя или третьих лиц, которое в случае наличия отрицательного результата все же приводит к последствиям, имеющим юридическое значение. Кроме того, законодатель устанавливает пределы совершения таких действий. Они должны: 1) быть соразмерны характеру и опасности нарушения; 2) не выходить за пределы его предупреждения или пресечения.

6) Условия совершения действий в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости имеют, как правило, чрезвычайный характер, но все же с формальной точки зрения, во-первых, ситуации, в которых возникает необходимость самостоятельной защиты собственной личной или имущественной сферы, не сводятся к этим состояниям, во-вторых, невозможность защиты гражданского права в судебном или административном порядке не является обязательным условием для применения самозащиты. Иными словами, в нормах ГК отсутствует запрет на использование самозащиты при наличии у управомоченного лица возможности обратиться за защитой в суд или иной юрисдикционный орган.

7) Не приводит к положительному результату распространенный аргумент в пользу проти-

вопоставления мер самозащиты и мер оперативного воздействия, основанный на необходимости соблюдения при применении мер оперативного воздействия требований, предъявляемых к самозащите, а именно требований о соразмерности способов защиты нарушению и их соответствии пределам действий, необходимых для его пресечения. «Последнее является неприемлемым для интенсивных и сложных по своей структуре современных предпринимательских отношений, поскольку в каждом случае применения оперативных мер управомоченное лицо встречалось бы по крайней мере с необходимостью тщательно оценивать экономические и правовые последствия своих действий для недобросовестного контрагента в целях сопоставления их...» [15, с. 38] с указанными требованиями.

Обосновывая отсутствие оснований к отнесению права удержания к самозащите, С.В.Сарбаш утверждает, что в этом случае «ретентор (кредитор, удерживающий вещь), всякий раз применяя право удержания, должен оценивать, соответствует ли оно в данном случае нарушению и не причинит ли он должнику больший вред, чем размер его требований. Очевидно, что такой режим для права удержания неприемлем» [5, с. 172]. Думается, что подобные «препятствия» для применения мер оперативного воздействия вовсе не означают неограниченный характер последних. В таких случаях принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений не прекращает свое действие.

Данный вывод подтверждается примерами из практики российских арбитражных судов. В одном из судебных актов обнаруживаем следующий вывод: «...самозащита хранителем своего права на получение вознаграждения за хранение посредством удержания товара была признана несоразмерной, так как плата за хранение была крайне невысока (не более 5 % от стоимости товара) по сравнению с его стоимостью» (постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 10 октября 2006 г. № А09-11799/04-9).

Следовательно, невзирая на то, что состав мер оперативного воздействия, возможность и порядок их применения, в отличие от мер самозащиты, нашли свое нормативное закрепление, существенные препятствия к рассмотрению первых в качестве разновидности вторых отсутствуют. Как указывалось выше, отдельные фактические действия, совершаемые в порядке самостоятельной защиты гражданских прав в обязательственных отношениях, названы в нормах права.

Изложенное выше также позволяет сформулировать основные черты самозащиты, осуществляемой в рамках гражданского права.

Во-первых, самозащита представляет собой одну из форм защиты гражданских прав, в отно-

шении которой установлен общий режим дозволения. Применяемые в рамках самозащиты меры позволяют наиболее оперативно и ненаказуемо (при соблюдении ряда условий) защитить гражданские права.

Во-вторых, термин «самозащита» предполагает, что процесс умаления гражданских прав уже существует, можно определить его вредоносный характер и установить соразмерные ему меры отражения. Данный вывод следует также из словосочетания «права которого нарушаются» (часть первая ст. 13 ГК). В противном случае совершаемые действия будут направлены не на самозащиту, а на охрану гражданских прав. В этой связи, на наш взгляд, в норме части второй ст. 13 ГК речь должна идти только о пресечении нарушения, поскольку предупреждение, исходя из толкования этого слова, совершается в рамках охраны.

В-третьих, самозащита осуществляется в одностороннем порядке, то есть только лицом, права которого нарушены, без обращения в компетентные органы.

В-четвертых, самозащита может иметь место во всех случаях нарушения гражданских прав, независимо от причин его возникновения: в число таковых входят как противоправные посяательства на личную или имущественную сферу потерпевшего, так и иные юридические факты, например события.

В-пятых, самозащита должна быть правомерной, то есть, совершая самостоятельные действия, направленные на пресечение нарушения своих гражданских прав, потерпевший не должен нарушать правовые предписания. Если в результате таких разновидностей самозащиты, как действия в состоянии крайней необходимости и (или) необходимой обороны, причинен вред гражданским правам других лиц, самозащита в соответствии с позицией белорусского законодателя является правомерной при соблюдении двух условий: 1) соразмерность способов защиты нарушению; 2) их соответствие пределам действий, необходимых для его пресечения.

Применительно к названным разновидностям отметим следующее. Закрепление в ст. 13 ГК условий правомерности самостоятельных действий, совершаемых для защиты гражданских прав в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, не препятствует применению специальных норм ст.ст. 935 и 936 ГК, предусматривающих последствия причинения вреда в ходе этих действий, и самостоятельного практического значения не имеет. Из перечисленных норм следует, что необходимая оборона исключает гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный нарушителю, при условии соблюдения ее пределов. Иными словами, необходимая оборона – это правомерные

действия и повторять этот факт в норме ст. 13 ГК нет никакой необходимости. Суд может освободить лицо, самостоятельно защищавшее свои гражданские права, от обязанности возместить вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, под которой понимается невозможность при данных обстоятельствах устранить иными средствами угрожающую этому лицу опасность. Существование данного правила лишает всякого смысла дополнительное закрепление условий правомерности действий, совершенных в состоянии крайней необходимости.

Наличие этих условий в любом случае будет устанавливаться при применении правил ст. 936 ГК. Таким образом, приходим к выводу, что с позиции системности и последовательности в изложении правового материала, а также в целях обеспечения соблюдения пределов осуществления гражданских прав, в том числе права на самозащиту, целесообразным является распространение названных в части второй ст. 13 ГК условий правомерности на все способы самозащиты, как это сделано в части второй ст. 14 ГК Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. // Эталон–Россия [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Рос. право, 1992. – 207 с.
4. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / В.В. Байбак [и др.]; под ред. Ю.К. Толстого. – 7-е изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – Т. 1. – 784 с.
5. Сарбаш, С.В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств / С.В. Сарбаш. – Изд. 2-е, испр. – М.: Статут, 2003. – 251 с.
6. Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / М.И. Брагинский [и др.]; отв. ред. О.Н. Садиков. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
7. Гражданское право: учеб.: в 2 т. / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – Т. 1. – 958 с.
8. Свердлык, Г. Способы самозащиты гражданских прав и их классификация / Г. Свердлык, Э. Страунинг // Хоз-во и право. – 1999. – № 1. – С. 32–38.
9. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. Лица, блага, факты: учеб. / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2011. – 1093 с.
10. Стоякин, Г.Я. Меры защиты в советском гражданском праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Г.Я. Стоякин. – Свердловск, 1973. – 26 с.
11. Стоякин, Г.Я. Меры самозащиты в гражданском правоотношении / Г.Я. Стоякин // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сб. уч. тр. СЮИ. Вып. 39 / Свердлов. юрид. ин-т; редкол.: С.А. Верб [и др.]. – Свердловск, 1975. – С. 42–51.
12. Гражданское право: учеб.: в 2 т. / С.Н. Братусь [и др.]; под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. – Т. 1. – 419 с.
13. Свердлык, Г.А. Защита и самозащита гражданских прав: учеб. пособие / Г.А. Свердлык, Э.Л. Страунинг. – М.: Лекс-книга, 2002. – 208 с.
14. Лебедко, М.М. Самозащита как особая форма защиты гражданских прав / М.М. Лебедко, О.В. Ципилева // Вестн. филиала Рос. гос. соц. ун-та. Гос-во и право [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.kraspubl.ru>. – Дата доступа: 20.09.2012.
15. Карпов, М.С. Гражданско-правовые меры оперативного воздействия / М.С. Карпов. – М.: Статут, 2004. – 141 с.

Дата поступления статьи в редакцию 11.10.2012

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ УПРАВЛЕНИЯ (РАСПОРЯЖЕНИЯ) И ПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТАМИ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ОРИЕНТАЦИИ НА МЕНЯЮЩУЮСЯ СРЕДУ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

ДОМАКОВ В.В.,

профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор экономических наук, доктор технических наук

В статье рассмотрено правовое представление общепринятых категорий «управлять (распоряжаться)» и «пользоваться» объектами собственности при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования и определены соответствующие демократические правовые режимы для обеспечения жизнедеятельности общества и его предпринимчивой части.

The article is oriented to the changing economic environment of generally accepted categories of legal representation «to control (manage)» and «use» of property and there are set out the democratic legal regimes for the life of the society and its enterprising side.

Правовые режимы использования объектов собственности, которые при стабильной направленности социально-экономической сферы включают в себя «управление и распоряжение» ими, были рассмотрены В.К.Андреевым [3], А.А.Уваровым [14], Р.О.Халфиной [15], Л.С.Явичем [18], В.П.Камышанским [8], А.П.Корневым [10], В.И.Курдиновским [11] и другими, а также нашли свое отражение в нормативном акте [13]. При этом правовой режим «пользования», в основу которого было положено специфическое смысловое наполнение понятия «пользоваться», связанного с «извлечением из имущества выгоды, для которой оно предназначено...» [9, с. 416], должного освещения в научной литературе не получил.

Целью работы является демократическое правовое представление при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования общепринятых категорий «управлять (распоряжаться)» и «пользоваться» объектами собственности.

В настоящее время социально-экономическая сфера, под которой понимаются общество и экономика (хозяйство страны), связанные хозяйственными отношениями и удовлетворяющие жизненные потребности людей, отобразилась стабильными формационными и иными мо-

делями с весьма большой степенью гомоморфизма, воспроизводящими реальную меняющуюся среду хозяйствования, в которой при взаимодействии субъектов и объектов собственности имелись неподконтрольные субъектам собственности компоненты, способные к активному воздействию на возможность и субъектов, и объектов собственности. Указанные модели на основе двух существенных признаков – собственности и стабильности – до сих пор активно используются для исследования возможностей хрематистики. Это, в частности, привело к применению для правового обеспечения использования объектов собственности, «управления и распоряжения» ими, которые имеют отличное от общепринятого специфическое смысловое наполнение, при котором «распоряжение» позволяет менять юридическую судьбу объекта собственности, а также к уравниванию права собственности со специально введенными другими вещными правами (правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления, вещным правом на землю и т.п.), и, как следствие, к превращению государства и его социальных институтов в фактические юридические лица, занимающиеся извлечением прибыли. Реализацию такого «управления и распоряжения» объекта-

ми собственности вынуждено осуществлять посредством комплекса средств, характеризующих «особое сочетание взаимодействующих между собой только дозволений, запретов, а также позитивных обязываний» [2, с. 185], которые и определяют фактически режим их правового регулирования.

При ориентации на меняющиеся условия хозяйствования правовой режим «управления и распоряжения» трансформируется в режим «управления (распоряжения)» собственностью, который представляет собой в рамках установленных пределов, запретов, ограничений, дозволений и позитивных обязываний точно установленный порядок, обеспечивающий выявление рассогласования между управляющим воздействием и его результатами и изменение этого рассогласования для создания условий по максимальному извлечению из них полезных свойств. Применение разрешительного, правоохранительного и общедозволительного порядков для обеспечения управления (распоряжения) собственностью приводит к изменению функций социальных институтов, которые обеспечивают:

- самоуправление каждым отдельным видом деятельности;
- процесс взаимодействия и кооперирования всех субъектов частных отношений, включая и общество;
- процесс взаимодействия субъектов публичных отношений, которые должны быть лишены права одновременно выступать и в роли субъектов частных отношений.

При таком подходе публичная и частная собственность оказываются непосредственно направлены на обеспечение жизнедеятельности населения и его предприимчивой части. Здесь публичная собственность по смыслу представляет собой общую совместную собственность, сособственниками которой должны быть граждане без выделения их доли, что становится материальной основой их гражданства и, как следствие из этого, социального обеспечения их рождения, учебы, здоровья, обеспечения жильем, безопасности и тому подобного, а частная собственность обеспечивает не только обогащение и избыточную жизнедеятельность частных собственников, но и принимает также активное участие в наполнении бюджета страны. Для всех третьих лиц такие виды собственности должны быть чужими, не принадлежащими им.

В рамках указанных возможных пределов при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования рассмотрим влияние на управление (распоряжение) собственностью ограничений и запретов, которые вытекают из содержания разрешительного порядка. Они оказываются «особенно тесно связаны с умалением, то есть уменьшением материального содержания основ-

ных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю», при этом ограничения и запреты на отдельные правомочия такого собственника могут быть подразделены на две группы [16, с. 230]:

- 1) запреты и ограничения, осуществляемые в интересах публичного и частного собственников;
- 2) запреты и ограничения, умаляющие возможность иных лиц управлять (распоряжаться) публичной и частной собственностью.

Для первой группы, с учетом мнения В.П. Камышанского, можно утверждать, что, например, запреты и ограничения в публичной и частной собственности будут определяться их содержанием и не могут выходить за их установленные пределы [8]. В то же время поскольку, по мнению В.И. Курдиновского, «собственность есть власть лишь над своей, а не над своей и в известном отношении над чужой вещью» [11, с. 13], то запрет вообще лишает таких собственников этой власти, а при ограничении «правомочие, подлежащее ограничению, не исключается из права собственности, оно остается в праве собственности, но не может быть осуществлено во всем своем содержании: собственник может осуществлять это правомочие лишь настолько, насколько это возможно при ограничении» [11, с. 21].

Однако с таким мнением применительно к любому правомочию согласиться нельзя, если рассматривать правомочия публичного и частного собственников в соответствии с общепринятым пониманием. При таком подходе наложение запрета на публичную или частную собственность может означать только запрет на правомочие владения, при этом объект собственности однозначно будет менять собственника, а само правомочие владения автоматически восстановиться уже не может.

Наоборот, ограничение на публичную или частную собственность может проявляться через запрет и ограничения только на правомочия «пользования и управления (распоряжения)» ею, которые должны сдерживать собственников при осуществлении ими своих прав в течение определенного времени, вплоть до их устранения. После снятия такого рода запретов и ограничений указанные правомочия автоматически восстанавливаются.

Для второй группы запретов и ограничений весьма важным ограничением, умаляющим возможность всех других лиц и общества в целом управлять (распоряжаться) составляющей казну публичной собственностью, является предоставление в настоящее время ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) правомочий «владения, пользования и распоряжения» конкретным органам власти, а также по специальному поручению юридическим лицам и гражданам.

В принципе сегодня это открывает простор для обхода интересов общества путем изъятия из казны объектов, например федеральной собственности, внесения их в уставный капитал субъектов частных отношений, после государственной регистрации которых в большинстве случаев эта собственность приобретает статус частной. Очевидна логическая нелегитимность такого рода акций, поскольку от имени общества, являющегося, по сути, фактическим собственником взятой для примера федеральной собственности, указанные правомочия осуществляют органы власти, которые в свою очередь поручают подчиненным им органам и должностным лицам фактически изменять юридическую судьбу объектов собственности, по праву принадлежащих всему обществу. Такой подход может быть оправдан только большим желанием предпринимчивой части общества в лице государства обеспечить себе получение прибыли и стабилизацию этой ситуации в предположении о том, что после ее обогащения сразу же наступит и благоденствие большинства. Отсюда следует, что разрешительный порядок с помощью запретов и ограничений сужает условия для управления (распоряжения) публичной и частной собственностью в интересах общества и его предпринимчивой части.

Рассмотрим далее при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования влияние на пределы управления (распоряжения) объектами публичной и частной собственности дозволений, которые расширяют меру возможного, а также позитивных обязываний, которые заставляют собственников реализовывать свои правомочия в указанном направлении в рамках возможного, вытекающих из содержания правоохранительного порядка. Как видно, они также могут выражаться через правомочия собственников. При таком подходе использование дозволения и позитивного обязывания в публичной или частной собственности может означать их инвариантность к правомочию владения, и наоборот, проявление через правомочия «пользования и управления (распоряжения)». После их снятия указанные правомочия автоматически восстанавливаются.

Наконец, рассмотрим при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования влияние особенностей общедозволительного порядка на управление (распоряжение) объектами частной и публичной собственности.

Если в отношении частной собственности использование определяемого интересами предпринимчивой части общества общедозволительного порядка нашло историческое отражение в ряде работ [4, с. 145; 5, с. 386; 12, с. 51; 17], то введение вместо форм собственности в рамках ст. 244 ГК Российской Федерации публичной собственности требует определенного уточнения.

Поскольку публичная собственность при обслуживании интересов общества и его предпринимчивой части приобретает в целом статус частной, то ей оказываются свойственны и все соответствующие признаки. Они нашли свое отражение у Ю.С.Адушкина, который понимал под общедозволительным порядком «установленную возможность соответствующего органа или должностного лица избирать при решении <...> дела наиболее целесообразный, на его взгляд, вариант поведения, как определенный альтернативно юридическими нормами, так и вообще ими нерегламентированный» [1, с. 260].

Отсюда следует, что при реализации общедозволительного порядка свобода общества как частного собственника будет определяться его интересами в отношении принадлежащих ему объектов собственности, совокупностью их потребительских свойств и реальными условиями хозяйствования. В этом случае указанная свобода дает такому частному собственнику возможность самоуправления каждым отдельным видом своей деятельности, которая обеспечивает, прежде всего, учет его интереса как предпринимателя и связана со свободой его действий: частный собственник (общество) не подчиняется никому, кроме установленных рыночных законов. Здесь свобода зависит только от воли такого частного собственника: он самостоятельно выбирает вариант поведения на рынке с целью удовлетворения своего интереса и, прежде всего, сам решает – реализовывать или не реализовывать предоставленную ему законом возможность. В то же время свободу общедозволительного порядка нельзя считать равносильной произволу с его стороны, поскольку произволу должны препятствовать объективно существующие экономические законы, которым общество естественно безоговорочно должно следовать в меняющихся условиях хозяйствования.

Что же касается государственной казны, то общедозволительный порядок управления (распоряжения) ею оказывается ограниченным только пределами хозяйствования. Господство общества над объектами публичной собственности, составляющими их казну, в рамках общедозволительного порядка выражено в его праве по своему усмотрению совершать в отношении них любые действия, не противоречащие принятым в интересах общества и его предпринимчивой части законам. Следуя логике, при реализации общедозволительного порядка свобода субъектов собственности должна определяться интересами и его предпринимчивой части в отношении фактически принадлежащих ему всех объектов собственности, совокупностью их потребительских свойств и реальными условиями хозяйствования.

Реализующие в меняющихся условиях хозяйствования управление (распоряжение) пуб-

личной собственностью социальные институты право владения ею теряют, поскольку собственником выступает общество, а сособственниками – его граждане. Свобода их действий будет определяться правовым статусом и проявится только через установленную собственником возможность избирать наиболее целесообразный вариант поведения.

Правовой режим пользования объектами публичной и частной собственности при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования, безусловно, зависит от того, кто является собственником такого рода объектов: в правовом режиме пользования публичной собственностью собственником является общество, а в правовом режиме пользования частной собственностью – лица, занимающиеся извлечением прибыли. Здесь смысловое наполнение понятия «пользоваться» возвращается к общепринятому его пониманию и означает «приносить пользу, быть полезным» [7, с. 220] людям, то есть, по сути, связано с извлечением полезных свойств из объектов собственности от такого их использования, а поскольку частный собственник за пользование своими объектами собственности сам себе не платит, то такое их использование членами общества должно по смыслу носить безвозмездный характер. В то же время любой собственник по смыслу своего статуса должен в рамках своих обязанностей нести бремя по содержанию принадлежащих ему объектов собственности и не нарушать права третьих лиц.

Такой правовой режим пользования естественно распространяется на объекты публичной собственности социального, культурного, бытового, историко-культурного назначения, которые являются объектами природного наследия, в том числе на художественные ценности, учреждения культуры, а также автомобильные, железные дороги, речные и морские пути общего пользования, за пользование которыми общество как собственник и каждый сособственник платить не должны.

Поскольку пользование такими объектами публичной собственности осуществляют граждане как сособственники без выделения их доли, то по отношению к другим странам она является односубъектной. По этой причине все другие государства и их граждане, а также лица без гражданства как несобственники автоматически обязаны воздерживаться от совершения каких бы то ни было действий, препятствующих собственнику в осуществлении по его усмотрению права публичной собственности, и могут пользоваться такими объектами собственности только возмездно, поскольку для них извлечение «пользы» оказывается связано с «корыстованием <...> либо выгодой» [6, с. 220], выражающейся в денежном исчислении.

Отсюда правовой режим пользования объектами публичной и частной собственности представляет собой точно установленный порядок, позволяющий в рамках определенных для этого пределов, запретов, ограничений, дозволений и позитивных обязываний выявлять несогласование между управляющим воздействием и его результатом, устранять для поддержания сохранности такого рода объектов (правовое регулирование) и изменять его для извлечения полезных свойств в интересах собственника (правовое управление). Это, естественно, требует уточнения применения разрешительного, правоохранительного и общедозволительного порядков использования публичной и частной собственности, при которых социальные институты должны приобретать новые функции по обеспечению:

- самоуправления сохранности объектов публичного пользования;
- процесса взаимодействия сособственников объектов публичного и частного пользования»;
- процесса взаимодействия субъектов публичных отношений, которые должны быть лишены права одновременно выступать и в роли субъектов частных отношений.

При таком подходе пользование объектами публичной собственности оказывается непосредственно направлено на обеспечение жизнедеятельности всего населения, включая и его предприимчивую часть, путем обеспечения личных нужд семьи или коллективных хозяйств, потребностей в образовании, науке, искусстве, религии и тому подобном, а пользование объектами частной собственности – на получение прибыли и обеспечение избыточной жизнедеятельности.

В рамках указанных возможных пределов при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования рассмотрим влияние на пользование объектами собственности ограничений и запретов, которые вытекают из содержания разрешительного порядка. Они оказываются «особенно тесно связаны с умалением, то есть уменьшением материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю», при этом ограничения и запреты на отдельные правомочия публичного собственника могут осуществляться только в интересах общества и его граждан.

С учетом мнения В.П.Камышанского можно утверждать, что запреты и ограничения на пользование объектами собственности полностью определяются их содержанием и не могут выходить за установленные для них пределы. Поскольку наложение запрета на пользование объектами собственности может означать только запрет на правомочие владения и такой объект собственности однозначно должен менять

собственника, то применительно к рассматриваемому случаю использоваться в принципе не может.

Ограничение на пользование объектами публичной собственности может проявляться через запрет и ограничения только на правомочие «пользоваться» ею, которое должно сдерживать собственника при осуществлении им своих прав в течение определенного времени, вплоть до его устранения. После снятия такого рода запретов и ограничений указанные правомочия автоматически восстанавливаются.

Что касается влияния на пределы пользования объектами собственности дозволений, которые расширяют меру возможного, а также позитивных обязываний, которые заставляют субъектов собственности реализовывать свои правомочия в указанном направлении в рамках этого возможного, вытекающих из содержания правоохранительного порядка, они, как и дозволения, могут выражаться через правомочия собственника публичной собственности. Тогда использование дозволения и позитивного обязывания может означать их инвариантность к правомочию владения или проявление через правомочие «пользоваться». После его снятия указанные правомочия автоматически восстанавливаются.

Наконец, рассмотрим при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования влияние на

пользование объектами публичной собственности особенностей общедозволительного порядка. Поскольку объекты «пользования» приобретают статус частных только в отношении иных государств, их граждан и лиц без гражданства, то в этом плане им оказываются свойственны все соответствующие признаки частной собственности.

Таким образом, при ориентации на меняющуюся среду хозяйствования демократические правовые режимы управления (распоряжения) и пользования объектами публичной и частной собственности представляют собой в рамках, определенных посредством пределов, запретов, ограничений, дозволений и позитивных обязываний возможностей, точно установленный порядок, обеспечивающий в режиме управления (распоряжения) максимизацию наполнения бюджета государства за счет оптимального сочетания публичной и частной собственности, а в режиме пользования – безвозмездное пользование частными собственниками своими объектами собственности и всеми гражданами объектами социального, культурного, бытового, историко-культурного назначения и тому подобного с обязанностью их содержания и дополнительное получение прибыли за счет пользования объектами публичной собственности иностранными государствами, их гражданами и лицами без гражданства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адушкин, Ю.С. О принципах процессуальной экономики и административного усмотрения в дисциплинарном производстве / Ю.С. Адушкин // Правопорядок и правовой статус личности в развитии социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. – Саратов, 1980. – С. 260.
2. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 286 с.
3. Андреев, В.К. Правовые проблемы распоряжения и управления федеральной собственностью / В.К. Андреев // Гос-во и право. – 1999. – № 4. – С. 43–52.
4. Боден, Ж. Шесть книг о государстве: в 4 т. / Ж. Боден. – М., 1970. – Т. 2: Антология мировой философии. – С. 145.
5. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 2: И–О. – 672 с.
7. Там же. – Т. 3: П–Р. – 576 с.
8. Камышанский, В.П. Пределы и ограничения права собственности / В.П. Камышанский; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. акад. – Волгоград: ВА МВД РФ, 2000. – 219 с.
9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О.Н. Садилов. – М.: Юрид. фирма КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 1997. – XXII. – 778 с.
10. Коренев, А.П. Толкование и применение норм советского административного права / А.П. Коренев // Сов. гос-во и право. – 1971. – № 1.
11. Курдиновский, В.И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону / В.И. Курдиновский. – Одесса, 1904. – 389 с.

12. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: Планета, 1990. – 79 с.
13. О делегировании полномочий Правительства Российской Федерации по управлению и распоряжению объектами федеральной собственности: постановление Правительства Рос. Федерации, 10 февр. 1994 г., № 96: в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 16 марта 2000 г. // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. – 1994. – № 8. – Ст. 593.
14. Уваров, А.А. Муниципальная собственность: проблемы формирования и управления / А.А. Уваров // Журн. рос. права. – 1999. – № 3/4.
15. Халфина, Р.О. Право как средство социального управления / Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
16. Хвостов, В.М. Система римского права: учеб. / В.М. Хвостов. – М.: Спарк, 1996. – С. 230.
17. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – СПб.: Наука, 1998. – 656 с.
18. Явич, Л.С. Экономика, право и управление / Л.С. Явич // Сов. гос-во и право. – 1988. – № 5.

Дата поступления статьи в редакцию 22.10.2012

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ВЫСШИХ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

МАНЬКОВСКИЙ И.А.,

заведующий кафедрой частного права, начальник центра частноправовых исследований
Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений
Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

Рассматриваются место актов высших органов судебной власти и Национального банка Республики Беларусь в системе гражданского законодательства, соотношение актов указанных государственных органов с нормативными правовыми актами иных органов государственного управления, содержащими нормы гражданского права. Делается вывод о необоснованности включения в систему гражданского законодательства актов высших органов судебной власти.

The place of certificates of the supreme bodies of the judicial power and National bank of the Republic of Belarus in system of the civil legislation, a parity of certificates of the specified state bodies with the standard legal certificates of other state bodies containing norms of civil law are considered, the conclusion about groundlessness of inclusion in system of the civil legislation of certificates of the supreme bodies of the judicial power is done.

Акты Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда и Национального банка Республики Беларусь, во-первых, нормами ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон о нормативных правовых актах) признаны нормативными правовыми актами и, во-вторых, нормами ст. 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) включены в систему гражданского законодательства, следовательно, могут содержать правовые нормы, регулирующие гражданские отношения, в силу чего официально признаются источниками гражданского права.

По юридической силе нормативные правовые акты указанных государственных органов согласно их месту в системе законодательства Республики Беларусь, определенному нормами ст. 10 Закона о нормативных правовых актах, а также месту в системе гражданского законодательства, определенному нормами ст. 3 ГК, находятся в подчиненном положении по отношению к постановлениям Совета Министров Республики Беларусь и всем законодательным ак-

там. При этом согласно месту нормативных правовых актов Национального банка в системе законодательства, определенному нормами ст. 10 Закона о нормативных правовых актах, указанные акты находятся в подчиненном положении по отношению к нормативным правовым актам высших органов судебной власти.

Возникает, во-первых, вопрос о том, соответствуют ли нормы ст.ст. 2 и 10 Закона о нормативных правовых актах и ст. 3 ГК Конституции Республики Беларусь в части установления приоритета актов высших органов судебной власти над нормативными правовыми актами министерств, иных республиканских органов государственного управления и Национального банка, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, во-вторых, вопрос об обоснованности придания актам Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда юридической силы нормативных правовых актов и, в-третьих, вопрос о правомерности включения в систему гражданского законодательства актов высших органов судебной власти и Национального банка.

Для ответа на поставленные вопросы проведем анализ компетенции Национального банка по регулированию общественных отношений.

Так, придание актам Национального банка юридической силы нормативных правовых актов никаких возражений не вызывает, что подтверждается нормами ст. 24 Банковского кодекса Республики Беларусь, согласно которым Национальный банк является государственным органом, регулирующим в соответствии с нормами ст. 136 Конституции кредитные отношения, денежное обращение, определяющим порядок расчетов и обладающим исключительным правом эмиссии денег. Безусловно, выполнение регулирующей функции общественных отношений, закрепленных в ст. 136 Конституции, возможно только в том случае, если актам Национального банка будет придана юридическая сила нормативных правовых актов, то есть актов, рассчитанных на неопределенный круг лиц и на неоднократное применение.

Далее возникает вопрос об обоснованности включения нормативных правовых актов Национального банка в систему гражданского законодательства.

Исследование спектра общественных отношений, которые составляют предмет гражданско-правового регулирования, показывает, что в определенных случаях нормативные правовые акты Национального банка оказывают регулирующее воздействие на развитие гражданско-правовых отношений и, следовательно, могут быть включены в систему гражданского законодательства. В частности, Национальный банк устанавливает размер ставки рефинансирования, которая используется в отдельных гражданско-правовых отношениях, например для определения размера ответственности за неисполнение денежного обязательства (ст. 366 ГК).

Нормативные правовые акты Национального банка в соответствии с нормами пункта 4 ст. 51 ГК определяют правовое положение представительств и филиалов (отделений) банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, которые являются субъектами гражданского права и, следовательно, создаются на основании норм гражданского права, но с учетом специфики, определенной в нормативных правовых актах Национального банка.

Согласно нормам ст. 144 ГК депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка являются ценными бумагами и относятся к объектам гражданских прав, но выдаются в порядке, определяемом Национальным банком.

Примеры отсылок к нормативным правовым актам Национального банка, содержащихся в ГК, можно продолжить.

Изложенное позволяет утверждать, что нормативные правовые акты Национального банка

содержат нормы гражданского права и, следовательно, входят в состав системы гражданского законодательства Республики Беларусь, что обусловлено национальной спецификой ее построения.

В отличие от Национального банка, который является органом государственного управления, относящимся к системе органов исполнительной власти, Конституционный Суд, Верховный Суд, Высший Хозяйственный Суд занимают иное место в системе государственных органов, определенное, в первую очередь, нормами ст. 6 Конституции, в соответствии с которой государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную.

Судебная власть, согласно утверждению Г.А.Василевича, представляет собой разновидность государственной власти, осуществляемой судами в рамках установленной законом процедуры по рассмотрению дел о конституционности нормативных правовых актов, разрешению уголовных, гражданских, административных и иных споров [1, с. 623].

В соответствии с нормами ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс о судостроительстве и статусе судей), судебная власть принадлежит судам, осуществляется только судами посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства, является самостоятельной и взаимодействует с законодательной и исполнительной властями.

«Роль судебной власти, – указывает Г.А.Василевич, – состоит в том, чтобы в связи с возникновением юридического конфликта обеспечить верховенство права, выраженного в общепризнанных принципах международного права, Конституции, законах, международных договорах Республики Беларусь, иных актах общегосударственного и иного уровня» [1, с. 624].

Судебную систему, согласно нормам ст. 5 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, составляют Конституционный Суд, общие суды во главе с Верховным Судом, хозяйственные суды во главе с Высшим Хозяйственным Судом.

Задачи Конституционного Суда определены нормами ст. 116 Конституции, нормами ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей и нормами ст. 5 Закона Республики Беларусь от 30 марта 1994 года «О Конституционном Суде Республики Беларусь».

Согласно названным нормам Конституционный Суд призван обеспечивать верховенство Конституции и ее непосредственное действие на территории Республики Беларусь, для чего рассматривает дела и дает заключения о соответствии нормативных правовых актов системы законодательства и международных договоров Кон-

ституции, а также нормативных правовых актов друг другу в соответствии с их юридической силой.

Из целей создания и компетенции Конституционного Суда, определенных нормами Конституции и вышеуказанных нормативных правовых актов, следует, что у Конституционного Суда отсутствует компетенция в области регулирования гражданских отношений, на что обращает внимание В.И.Реут [2, с. 62]. Вместе с тем следует отметить факт наличия у Конституционного Суда косвенной возможности регулирующего вмешательства в развитие гражданско-правовых отношений. В частности, Конституционный Суд, согласно утверждению В.И.Реута, может действовать в качестве так называемого «негативного законодателя» посредством исключения из системы гражданского законодательства нормативных правовых актов вследствие признания их в установленном порядке не соответствующими Конституции [2, с. 62].

Так, например, Конституционный Суд:

15 июня 2000 г. принял решение № Р-99/2000 «О некоторых вопросах, связанных с правовым положением частных нотариусов», в котором констатировал факт отсутствия законных оснований для обязательной регистрации частных нотариусов в качестве индивидуальных предпринимателей;

29 мая 2002 г. принял решение № Р-143/2002 «О правовом регулировании приема наличных денежных средств индивидуальными предпринимателями с использованием кассовых суммирующих аппаратов», на основании которого предложил Совету Министров Республики Беларусь и Минскому городскому исполнительному комитету внести изменения в принятые ими нормативные правовые акты.

Конституционный Суд принимал и другие решения по различным вопросам правового регулирования общественных отношений, входящих в предмет гражданского права.

Все принятые решения содержат рекомендации по изменению действующего законодательства либо позицию Конституционного Суда по рассматриваемому вопросу.

Таким образом, принимая решения в области гражданско-правового регулирования, Конституционный Суд вносит предложения и рекомендации по приведению законодательства в соответствие с Конституцией, а также содержания нижестоящих нормативных правовых актов в соответствие с вышестоящими, но не принимает новых норм гражданского права.

Следует отметить тот факт, что по состоянию на 6 июля 2012 г. в открытом доступе находилось 533 решения Конституционного Суда по самым различным вопросам. При этом ни одно из

решений, принятых в сфере гражданско-правового регулирования, не содержало нормы гражданского права*.

В связи с изложенным можно сделать вывод, во-первых, о необоснованности включения в систему гражданского законодательства нормативных правовых актов Конституционного Суда и, во-вторых, об отсутствии такой необходимости, что подтверждается многолетней практикой деятельности указанного высшего органа судебной власти.

Задачи общих и хозяйственных судов Республики Беларусь определены нормами ст. 6 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, в соответствии с которыми общие и хозяйственные суды призваны защищать права и свободы граждан и организаций, конституционный строй, обеспечивать правильное применение законодательства при осуществлении правосудия, способствовать укреплению законности и предупреждению правонарушений.

Исходя из норм, определяющих задачи общих и хозяйственных судов, закрепленных в Кодексе о судостроительстве и статусе судей, а также из провозглашенного в Конституции принципа разделения властей, можно сделать обоснованный вывод о том, что в компетенцию органов судебной власти входит деятельность исключительно по осуществлению правосудия, которая не предполагает принятие правовых норм, регулирующих общественные отношения, в том числе составляющих предмет гражданско-правового регулирования.

Наш вывод в отношении Верховного Суда подтверждается нормами ст.ст. 46 и 51 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, определяющими компетенцию Верховного Суда и Пленума Верховного Суда, а в отношении Высшего Хозяйственного Суда – нормами ст.ст. 69 и 74 Кодекса о судостроительстве и статусе судей, определяющими компетенцию Высшего Хозяйственного Суда и Пленума Высшего Хозяйственного Суда.

Названные правовые нормы устанавливают компетенцию как Верховного Суда, так и Высшего Хозяйственного Суда исключительно в сфере судопроизводства, при осуществлении которого указанным судам предоставлено право:

- обращения в Конституционный Суд с предложением о даче заключений по вопросам соответствия нормативных правовых актов Конституции;
- разработки предложений по совершенствованию законодательства, регулирующего соответствующие общественные отношения;
- обобщения практики применения судами законодательства.

* По данным ООО «Информационно-правовое агентство «Регистр».

Таким образом, ни Конституция, ни Кодекс о судостроительстве и статусе судей не содержат правовых норм, предусматривающих возможность осуществления органами судебной власти нормотворческой деятельности, в том числе в сфере гражданско-правового регулирования.

Вместе с тем как Верховный Суд, так и Высший Хозяйственный Суд принимают нормативные правовые акты, содержащие нормы, направленные на регулирование различных сфер общественных отношений, на что обращал внимание Конституционный Суд [3; 4].

Изложенное позволяет сделать вывод о необоснованности включения в систему гражданского законодательства нормативных правовых актов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда как органов, уполномоченных исключительно на осуществление правосудия.

При этом нормотворческую деятельность высших органов судебной власти, направленную на принятие правовых норм, регулирующих общественные отношения, в том числе входящие в предмет гражданского права, следует признать не соответствующей Конституции и, в частности, закрепленному в ст. 6 Конституции принципу разделения властей.

Учитывая объем и содержание компетенции высших органов судебной власти, установленной правовыми нормами, можно сделать вывод о неправомерности признания нормами ст. 10 Закона о нормативных правовых актах и нормами ст. 3 ГК за актами высших органов судебной власти большей юридической силы по отношению к нормативным правовым актам министерств, иных республиканских органов государственного управления и Национального банка, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

Наш вывод основан на том, что все вышеперечисленные органы относятся к органам исполнительной ветви власти, подчинены Совету Министров и осуществляют свою деятельность, в том числе по регулированию соответствующих общественных отношений, вне рамок судопроизводства.

Кроме того, следует отметить необоснованность придания актам Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда юридической силы нормативных правовых актов, то есть актов, рассчитанных на неопределенный круг лиц и неоднократное применение. Исходя из направленности действия, акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда следует отнести к локальным правовым, то есть к актам, действие которых ограничено рамками одной или нескольких организаций (в данном случае рамками системы общих или хозяйственных судов), что следует, в том числе, из содержания постановлений Пленума Верховного Суда

и Высшего Хозяйственного Суда либо их названий.

Так, любое постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда, направленное на разъяснение порядка применения норм гражданского права, после слов «Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь <...> ПОСТАНОВЛЯЕТ:» начинается обращением непосредственно к хозяйственным судам:

«1. Хозяйственным судам Республики Беларусь следует обеспечивать <...>» (пункт 1 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров»);

«1. Обратить внимание хозяйственных судов <...>» (пункт 1 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2003 г. № 10 «О некоторых вопросах, связанных с субсидиарной ответственностью местных исполнительных и распорядительных органов, выступающих гарантами или поручителями»);

«1. Разъяснить хозяйственным судам Республики Беларусь <...>» (пункт 1 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 21 января 2004 г. № 1 «О некоторых вопросах применения норм Гражданского кодекса Республики Беларусь об ответственности за пользование чужими денежными средствами»).

Указание на суды также содержится непосредственно в названиях постановлений (например, постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» и др.).

То же относится и к постановлениям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (например, постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2011 г. № 9 «О практике рассмотрения судами земельных споров» и др.).

Изложенное позволяет сделать обобщающий вывод о том, что акты высших органов судебной власти не могут содержать нормы гражданского права по причине отсутствия у названных государственных органов компетенции по регулированию соответствующих общественных отношений, в силу этого не должны рассматриваться в качестве источников гражданского права и входить в систему гражданского законодательства. Кроме того, акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда по своей сути должны быть признаны локальными правовыми актами, действие которых ограничено рамками системы общих и хозяйственных судов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2002. – 686 с.
2. Реут, В.И. Иерархия нормативных правовых актов в Республике Беларусь / В.И. Реут // Право Беларуси. – 2003. – № 10. – С. 61–67.
3. О несоответствии подпункта 7.4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 4/3 «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами» законам Республики Беларусь: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 12 июля 2001 г., № Р-124/2001 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Об определении понятия «доход» для целей квалификации незаконной предпринимательской деятельности при привлечении к уголовной ответственности: решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 12 нояб. 2002 г., № Р-151/2002 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи в редакцию 10.07.2012

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИНЫЕ ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

ВАСИЛЕВИЧ С.Г.,

начальник отдела по надзору за соблюдением законодательства о несовершеннолетних и молодежи прокуратуры г. Минска, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются различные виды юридической ответственности, отмечаются их общие и отличительные черты. Исследование показывает, что действующее законодательство в данной сфере не вполне сбалансировано, имеются противоречия, которые следует устранить. Вносятся предложения по совершенствованию юридической ответственности, гармонизации различных ее видов.

The article analyzes the various types of legal liability, showing their common and distinctive features. The analysis shows that the existing legislation in this area is not quite balanced, there are contradictions that should be eliminated. Suggestions for improvement of legal liability, harmonizing its various kinds, are made.

Введение

В юридической литературе традиционно выделяют следующие виды юридической ответственности: дисциплинарную, материальную, гражданско-правовую, административную и уголовную. Хотя в последние годы много внимания уделяется обоснованию и иным видам ответственности, например, конституционно-правовой.

Ученые дают различные определения юридической ответственности. Общее, что объединяет точки зрения этих ученых, – указание на то, что юридическая ответственность – это форма (мера) государственного принуждения [1, с. 432; 2, с. 94]. Отдельные исследователи определяют юридическую ответственность как правоотношение, в котором у каждой из сторон есть свои права и обязанности [3, с. 503]. Другие под юридической ответственностью предлагают понимать «особую правовую реакцию общества по защите публичных интересов, оформленную совокупностью материальных и процессуальных норм, в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевания неблагоприятных для него последствий» [4, с. 49].

Основная часть

Особое место среди указанных видов занимает административная ответственность. Это про-

является в существенном динамизме норм об административной ответственности, многочисленности административных правонарушений, их многообразии, преобладании штрафных санкций среди взысканий и др.

Проблемам административной ответственности, в том числе вопросам, касающимся административных взысканий, в юридической литературе уделяется постоянное внимание.

В определениях административной ответственности авторы обычно указывают на такой признак административной ответственности, как претерпевание лишения личного или имущественного характера.

Под административной ответственностью в юридической литературе принято понимать применение в установленном порядке уполномоченными на то органами и должностными лицами административных взысканий, сформулированных в санкциях административно-правовых норм, к виновным в совершении административных проступков, содержащее государственное и общественное осуждение, порицание их личности и противоправного деяния, выражающееся в отрицательных для них последствиях, которые они обязаны исполнить, и преследующие цели их наказания, исправления и перевоспитания, а также охраны общественных отношений в сфере государственного управления.

Некоторые авторы, по сути, отождествляют административную ответственность и административные взыскания. В этом отношении отличается позиция В.А.Круглова, который определяет административную ответственность как один из видов юридической ответственности, представляющий собой правоотношение между лицом, совершившим деяние, нарушающее установленный административно-деликтным законодательством запрет, и государством, связанное с применением или отказом от применения к указанному лицу санкций, выражающих оценку его поведения, и с исполнением принятого решения [5, с. 51].

Удачным, на наш взгляд, является предложенное Д.Н.Бахрахом определение административной ответственности как «официального признания деяния административным правонарушением, осуждения виновного и применения к нему уполномоченными субъектами административной власти административных наказаний в урегулированном КоАП порядке» [6].

Для различных видов юридической ответственности присуще нечто общее и особенное. В юридической науке предлагались различные критерии с целью отграничения одного вида юридической ответственности от другого [7, с. 91–92; 8, с. 43–50]. Однако наиболее удачными для отграничения видов юридической ответственности являются критерии, предложенные И.А.Галаганом. На примере отличия административной ответственности от иных видов юридической ответственности автор предлагает руководствоваться следующими критериями: 1) органы, применяющие взыскание; 2) правовые последствия ответственности; 3) круг субъектов ответственности; 4) основания применения; 5) процессуальная процедура [9, с. 177]. Схожей позиции придерживается и известный белорусский ученый А.Н.Крамник, который акцентирует внимание на содержании ответственности [10, с. 284].

Основанием ответственности является правонарушение – общее для всех требование, но содержание правонарушения различно: в уголовном праве – это преступление, то есть общественно опасное деяние, в других случаях (административное, трудовое правонарушение) оно менее опасно. Все правонарушения (административно-деликтные, уголовные, гражданско-правовые, дисциплинарные и др.) объединяет общественная вредность (иначе не устанавливалась бы ответственность), различаются они по степени общественной опасности.

Перечень и составы административных правонарушений определяются законодательством с учетом экономических и социальных потребностей, сложившихся традиций и других обстоятельств. В нашей республике административная ответственность направлена на защиту

экономических основ государства, прав и свобод граждан, обеспечение надлежащего выполнения ими своих обязанностей. Иногда на уровень и содержание административной ответственности оказывают влияние и традиции. Например, в мусульманских странах не применяется ответственность за управление транспортным средством или появление в общественном месте в парандже, но иначе к этому относятся во Франции.

Аналогичная ситуация и в уголовном праве, для которого также характерен динамизм: в одних случаях наблюдаются декриминализация составов правонарушений и перевод их в разряд административных правонарушений, а в других – дополнение Уголовного кодекса Республики Беларусь [11] (далее – УК) новыми статьями об уголовной ответственности. Более стабильно в этом отношении трудовое законодательство, в котором институты дисциплинарной и материальной ответственности устоялись и в последние годы не подвержены существенным коррективам.

Для административной ответственности источником является Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [12] (далее – КоАП), а также декреты и указы Президента Республики Беларусь, для уголовной – только УК. Для гражданской ответственности наряду с Гражданским кодексом Республики Беларусь [13] (далее – ГК) могут быть использованы и иные нормативные правовые акты, для дисциплинарной и материальной – Трудовой кодекс Республики Беларусь [14] (далее – ТК) и иные акты трудового законодательства. Причем в трудовом праве достаточно развита практика локального правового регулирования, в том числе посредством принятия на предприятии, в организации правил внутреннего трудового распорядка, коллективного договора, за нарушение которых может наступать дисциплинарная ответственность. В УК и КоАП много бланкетных норм, однако соответствующие акты принимаются на республиканском уровне (законы, декреты, указы, ведомственные акты). Для гражданско-правовой ответственности характерно решение ряда вопросов об ответственности на уровне договоров между сторонами.

Различие нормативных оснований ответственности обуславливает специфику процессуальных форм их осуществления. Лишь для трудового права характерно отсутствие кодифицированного процессуального акта, что восполнено сложившейся практикой, в том числе и судебной.

По содержанию есть виды административных взысканий, которые в определенной степени схожи с уголовными мерами (штраф, арест, исправительные работы). Однако по своей суро-

ности меры уголовной ответственности более существенны. За административное правонарушение наступает менее строгая ответственность, чем за уголовное. Административный арест за одно правонарушение возможен максимум на 15 суток, других взысканий, посягающих на свободу, в КоАП нет (можно назвать еще депортацию как меру, посягающую на свободу передвижения). В УК также предусмотрен арест на срок до 6 месяцев, есть пожизненное лишение свободы и даже исключительная мера. Максимальный размер штрафа по КоАП (ст. 6.5) на физическое лицо за одно правонарушение – до двухсот базовых величин, по УК – до одной тысячи базовых величин. Административные взыскания в значительной степени носят имущественный характер (штрафы, конфискация), а дисциплинарные – моральный, здесь штрафы запрещены, можно лишь в связи с проступком не премировать (но премия не обязательно выплачивается, то есть ее не лишают, а не выплачивают). В трудовом праве предусмотрено три вида дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, увольнение за некоторые виновные действия. Причем право выбора меры взыскания принадлежит работодателю. Как отмечено в ст. 198 ТК, при выборе меры взыскания должны учитываться тяжесть дисциплинарного проступка, обстоятельства, при которых он совершен, предшествующая работа и поведение работника на производстве.

Актуальность имеет вопрос неотвратимости ответственности. А.П.Клюшниченко отмечает, что при всей универсальности принципа неотвратимости наказания «наступление административной ответственности далеко не всегда фатально неизбежно и, несомненно, не так часто неизбежно, как в уголовном праве» [15, с. 35].

Вместе с тем обратим внимание на то, насколько обязательно привлечение к административной ответственности. В свое время П.А.Фефелов утверждал, что, кроме уголовного права, неотвратимость ответственности в административном и иных отраслях права не находит своего закрепления [16, с. 69]. С этим мнением отчасти можно согласиться. С одной стороны, есть факты привлечения к дисциплинарной и иной ответственности должностных лиц, не принявших мер к лицу, совершившему административное правонарушение, а с другой – во многих случаях, несмотря на явное нарушение закона, уполномоченные лица ограничиваются устным замечанием, которое в отличие от предупреждения не является взысканием. Так, в первые дни после введения с 23 февраля 2010 г. административной ответственности за распитие пива в общественном месте сотрудники органов внутренних дел не во всех случаях составляли протокол об административном правонарушении, а в основном разъясняли необходимость соблюдения

запрета. Вместе с тем для белорусской действительности присуще усиление принципа неотвратимости ответственности. В трудовом праве он давно получил свое воплощение при решении вопроса о материальной ответственности: всегда существовал спрос с руководителей, если они не возместили ущерб, причиненный организации, за счет виновного работника. Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» [17] предусмотрены дополнительные основания досрочного расторжения контракта по инициативе нанимателя, в частности, за необеспечение надлежащей трудовой дисциплины подчиненных, а равно сокрытие фактов нарушения ими трудовой и исполнительской дисциплины либо непривлечение без уважительных причин виновных лиц к установленной законодательством ответственности за такие нарушения. Поэтому после издания названного Декрета строгий спрос стал предъявляться к руководителям, в случае если они не реагировали на нарушения трудовой дисциплины, в том числе в виде пьянства на работе. На строгом контроле также административная и иная ответственность родителей, не занимающихся воспитанием детей, не возмещающих расходы на содержание детей в случае их отобрания у таких лиц или лишения родительских прав.

Отдельные авторы указывают, что применение мер административной ответственности даже за административно-дисциплинарные правонарушения не является основанием для увольнения или перевода на нижестоящую должность. Из этого правила есть много исключений. Так, за хищение по месту работы, факт которого установлен судом, распитие спиртных напитков в рабочее время или на рабочем месте возможно увольнение согласно пунктам 7, 8 ст. 42 ТК. Более того, наложение административного взыскания в виде административного ареста за появление в общественном месте в нетрезвом состоянии в тот день, когда лицо должно было находиться на работе, например, перед своей рабочей сменой, может повлечь, на наш взгляд, увольнение за прогул (пункт 5 ст. 42 ТК). Полагаем, что сложившуюся практику в указанной ситуации следовало бы изменить. Таким образом, совершение административного правонарушения часто является основанием и для привлечения к дисциплинарной ответственности.

Обратим при этом внимание на некоторые неточности, содержащиеся в нормах административного и трудового законодательства, которые следует устранить. Так, согласно части 2 ст. 17.3 КоАП за нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии алкогольного, нарко-

тического или токсикоманического опьянения предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере от одной до десяти базовых величин. Однако следует различать рабочее место и место работы. Последнее понятие является более широким и по существу охватывает все случаи, ради которых, видимо, и была сформулирована часть 2 ст. 17.3 КоАП. При такой редакции части 2 названной статьи нельзя привлекать к административной ответственности работника с нормированным рабочим днем, если он в нетрезвом состоянии находится вне рабочего места, но присутствует в организации, с которой состоит в трудовых отношениях. Поддерживая подход законодателя о более строгой ответственности по сравнению с частью 1 указанной статьи, вместе с тем полагаем, что редакция части 2 не вполне удачна. Так как на практике имеются случаи нахождения в состоянии опьянения в рабочее время, но не на рабочем месте или, наоборот, на рабочем месте, но не в рабочее время.

В этой связи предлагаем диспозицию части 2 ст. 17.3 изложить в следующей редакции: «2. Нахождение по месту работы в состоянии алкогольного, наркотического или токсикоманического опьянения – ». При такой редакции будут все законные основания привлекать к административной ответственности рабочего или иного трудящегося с нормированным рабочим днем, оказавшегося в нетрезвом виде по месту работы или употребившего спиртное после окончания своей рабочей смены (рабочего дня) и находящегося в своей организации.

Для привлечения к различным видам юридической ответственности установлены соответствующие сроки давности. В административном праве, как правило, они определены от двух до шести месяцев, есть более длительные сроки (7.6 КоАП). По УК эти сроки более продолжительны и зависят от категории преступления (не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие, особо тяжкие). Согласно ст. 200 ТК, дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка, не считая времени болезни работника и (или) пребывания его в отпуске. Днем обнаружения дисциплинарного проступка считается день, когда о проступке стало известно лицу, которому работник непосредственно подчинен. При рассмотрении материалов о дисциплинарном проступке правоохранными органами дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела. Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев, а по результатам ревизии, проверки, проведенной компетентными государственными органами или организациями, – позднее двух лет со дня совер-

шения дисциплинарного проступка. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу.

Согласно уголовному законодательству, допускается досрочное снятие судимости. В соответствии со ст. 203 ТК, если в течение года со дня применения дисциплинарного взыскания работник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, он считается не подвергавшимся дисциплинарному взысканию. При этом дисциплинарное взыскание погашается автоматически без издания приказа (распоряжения), постановления. Орган (руководитель), применивший взыскание, имеет право снять его досрочно до истечения года по собственной инициативе, по ходатайству непосредственного руководителя, профсоюза или иного представительного органа (представителя) работников, а также по просьбе работника. Досрочное снятие дисциплинарного взыскания оформляется приказом (распоряжением), постановлением.

В административном законодательстве такой возможности нет. В этой связи было бы полезно использовать подход, закрепленный в уголовном и трудовом законодательстве, и предусмотреть право органа, наложившего административное взыскание, снять его досрочно. Это было бы стимулом для исправления поведения таких лиц. Основой для принятия подобного решения могут быть характеристика лица по месту работы или жительства, ходатайство общественных организаций и т.п.

Последствиями привлечения к ответственности также могут быть: при уголовной ответственности – судимость, запрет принимать на работу судимых; при административной – увольнение с некоторых должностей. В некоторых случаях наличие административного взыскания может быть препятствием для приема на работу, например в органы прокуратуры.

Административная преюдиция в ряде случаев предшествует привлечению к уголовной ответственности (примером могут быть ст. 18.16 КоАП и ст. 317¹ УК). Для привлечения к уголовной ответственности иногда необходима дисциплинарная преюдиция, которой в КоАП нет.

Отметим в этой связи несбалансированность ряда норм административного и уголовного законодательства. Например, согласно ст. 86 УК лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление и возместившее ущерб, либо уплатившее доход, полученный преступным путем, либо иным образом загладившее нанесенный преступлением вред, может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, если будет признано, что его исправление возможно без применения наказания или иных мер уголовной ответствен-

ности. В частности, на него может быть наложен штраф в пределах от пяти до тридцати базовых величин. Однако в КоАП имеются статьи, санкции которых за аналогичные деяния (различие лишь в размере ущерба) предусматривают административный штраф в значительно большем размере. Так, это касается ответственности (уголовной или административной) за уклонение от уплаты налога. Поэтому в ст. 86 УК следовало бы сделать оговорку, что при освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности «штраф налагается в пределах от пяти до тридцати базовых величин, если более высокий размер штрафа не предусмотрен соответствующей статьей КоАП».

Обратим внимание еще на противоречия в КоАП и УК в части сроков. Согласно ст. 2.8 КоАП физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, если в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания не совершит нового административного правонарушения. К уголовной ответственности по ряду статей УК можно привлечь, если ранее лицо привлекалось к административной ответственности, например, по ст. 317¹. Но в УК ответственность увязывается с годичным сроком со дня наложения административного взыскания. Это, конечно же, неверно, так как не всегда лицо в день наложения взыскания его исполняет: вправе его обжаловать, а это может занять длительный срок, кроме того, исполнение может быть рассрочено. Но что еще более существенно, лицо может уклоняться без уважительных причин от исполнения взыскания в виде штрафа, и «поощрять» его таким образом не следует. Сбалансированный подход в части согласования сроков в административном и уголовном законодательстве установлен в Российской Федерации.

Существует возможность освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной, но не наоборот. Исключается одновременное привлечение к административной и уголовной ответственности за одно и то же деяние. Приговор за преступление возможен только по суду (здесь действует конституционный принцип – никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда), административное взыскание налагают суды и другие уполномоченные органы, в том числе создаваемые из представителей государственных органов и обществ.

К административной и гражданско-правовой ответственности могут быть привлечены юридические лица. В УК такой нормы нет, ответственность несут граждане и должностные лица. Административная и уголовная ответственность в некоторых случаях наступает только при наличии умысла.

Всем видам юридической ответственности присущ принцип презумпции невиновности лица, однако имеются исключения. Например, в административном праве в случае фиксации превышения скорости движения транспортного средства работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, собственник (владелец) транспортного средства должен доказать, что он не управлял транспортным средством в данный момент. В трудовом праве возможно исключение из принципа презумпции невиновности: материально ответственное лицо, которому переданы ценности под сохранность, должно доказать отсутствие своей вины в недостатке вверенных ценностей. Конечно, если есть признаки совершения посторонними лицами преступления, например кражи, то обязанность правоохранительных органов – найти преступника. В недостатке вверенных ценностей презюмируется вина всех членов бригады (коллектива), если был заключен договор о бригадной (коллективной) материальной ответственности. Эти подходы законодателя вполне справедливы и исходят из природы и содержания нарушения, статуса лиц, предположительно их совершающих.

Что касается дисциплинарной ответственности, то ее субъектом является работник, то есть лицо, с которым заключен трудовой договор (контракт). Допустимо сочетание дисциплинарной и административной ответственности (например, за распитие спиртных напитков на рабочем месте), то есть привлечение к этим двум видам юридической ответственности.

В административном и уголовном законодательстве предусматривается возможность назначения основных и дополнительных наказаний (взысканий). В трудовом праве сочетание дисциплинарных взысканий исключено: либо замечание, либо выговор, либо увольнение, однако допустимо применение иных мер дисциплинарного воздействия (перенос отпуска, невыплата премии, лишение определенных гарантий, установленных коллективным договором, и др.). В трудовом законодательстве ряд увольнений за виновные действия по каким-то причинам не отнесен к мерам дисциплинарного взыскания (например, увольнение согласно пунктам 2 и 3 ст. 47 ТК). Полагаем, что законодателю давно следовало их отнести к указанным мерам. При необходимости установления особенностей при их применении это вполне можно было бы сделать (например, в части установления более длительного срока, в течение которого можно произвести увольнение по данным основаниям).

В трудовом законодательстве право выбора меры взыскания принадлежит нанимателю. Причем в ТК нет увязки конкретного правона-

рушения с конкретной мерой взыскания (замечанием, выговором или увольнением), а в КоАП определено, за какое правонарушение допустимо взыскание, либо устанавливаются варианты, но они указаны.

Сроки для привлечения к дисциплинарной ответственности более короткие: месяц со дня обнаружения, не считая времени болезни работника и (или) пребывания в отпуске. Причем днем обнаружения считается день, когда о проступке стало известно лицу, которому работник непосредственно подчинен. Если правоохранительными органами рассматривались материалы о дисциплинарном проступке, то к дисциплинарной ответственности можно привлечь не позднее одного месяца со дня отказа в возбуждении уголовного дела. Дисциплинарное взыскание не может быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка. Более длительные сроки (не позднее двух лет) установлены, если проступок выявлен по итогам ревизии и проверки, проведенным компетентными государственными органами или организациями. В КоАП (ст. 7.6) общий срок для наложения взыскания – в пределах двух месяцев со дня совершения. При совершении некоторых правонарушений есть увязка с днем обнаружения. Имеются более длительные сроки со дня обнаружения (до трех лет). При этом следовало бы определить, кто должен обнаружить правонарушение – орган, уполномоченный составлять протокол, привлекать к ответственности, или иной субъект. На наш взгляд, течение срока следует увязать с днем, когда о правонарушении стало известно любому государственному органу (должностному лицу).

Сроки и порядок погашения дисциплинарных и административных взысканий также различаются. Согласно ст. 203 ТК, если в течение года со дня применения дисциплинарного взыскания работник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию, он считается не подвергавшимся дисциплинарному взысканию, оно погашается автоматически без издания приказа. Его можно также досрочно снять приказом нанимателя по собственной инициативе последнего либо по ходатайству профсоюза, иного представителя работников либо самого работника. Дисциплинарное взыскание в трудовую книжку не вносится, но в отделе кадров либо иной соответствующей службе нанимателя ведется учет взысканий, административные взыскания заносятся в базу правонарушений, которая ведется органами МВД.

Как отмечалось, согласно ст. 2.8 КоАП физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, если в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания не со-

вершит нового административного правонарушения. Эти подходы схожи в трудовом и административно-деликтном праве. Но в административно-деликтном праве, как уже указывалось, не предусмотрено досрочное снятие взыскания.

Сроки для вступления в силу решения о наложении взыскания также различаются. Дисциплинарное взыскание оформляется приказом, который объявляется работнику под роспись, отказ от ознакомления с приказом оформляется актом с указанием присутствующих при этом свидетелей, до применения взыскания затребуются объяснение работника. При неознакомлении с приказом работник считается не имеющим взыскания. Привлечение к дисциплинарной ответственности не исключает привлечения к материальной ответственности по нормам трудового права (полной или ограниченной материальной ответственности).

Гражданско-правовая ответственность может наступать при отсутствии вины. Допустимо сочетание уголовной, административно-деликтной, дисциплинарной, материальной с гражданско-правовой ответственностью. Материальная ответственность отличается от гражданско-правовой тем, что работник несет ответственность за прямой действительный ущерб, неполученные доходы не учитываются. При этом материальная ответственность «перерастает» в гражданско-правовую (в этом случае ущерб исчисляется в полном объеме), если работник причиняет ущерб нанимателю не при исполнении трудовых обязанностей, например, использует служебный автомобиль в личных целях и повреждает его.

Доказывание вины при привлечении к административной ответственности является обязанностью органа, ведущего административный процесс.

Заключение

Виды юридической ответственности имеют как общие, так и отличительные черты. Общим, что их объединяет, является наличие правонарушения, деликтоспособность виновного лица, отличительными признаками – различные правовые источники, различные правовые последствия, которые наступают в связи с привлечением к ответственности. Анализ показывает, что действующее законодательство в данной сфере не вполне сбалансировано, имеются противоречия, которые следует устранить. Среди таких противоречий следует отметить несогласованность норм, касающихся различных видов ответственности, дисбаланс санкций и сроков привлечения к административной и иной юридической ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ, 2009. – С. 432.
2. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит., 1978. – 215 с.
3. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 1997. – 526 с.
4. Серков, П.П. О понятии юридической ответственности / П.П. Серков // Журн. рос. права. – 2010. – № 8. – С. 42–49.
5. Круглов, В.А. Административно-деликтное право / В.А. Круглов. – 3-е изд. – Минск: Амалфея, 2010. – 396 с.
6. Бахрах, Д.Н. Юридическая ответственность по административному праву / Д.Н. Бахрах // Административное право и процесс. – 2010. – № 1. – С. 2–5.
7. Лейст, О.Е. Санкции в советском праве / О.Е. Лейст. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. – 239 с.
8. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность / Д.Н. Бахрах. – Пермь: Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1966. – 192 с.
9. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР / И.А. Галаган. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 252 с.
10. Крамник, А.Н. Административно-деликтное право. Часть 2. Общая часть / А.Н. Крамник. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 379 с.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
13. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
14. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
15. Ключниченко, А.П. Меры административного принуждения, применяемые милицией / А.П. Ключниченко. – Киев: КВШ МВД СССР, 1979. – 87 с.
16. Фефелов, П.А. Понятие и система принципов советского уголовного права / П.А. Фефелов. – Свердловск, 1970. – С. 182.
17. О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины: Декрет Президента Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 29 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 11.01.2013

УДК 349.41

ПОНЯТИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

АНТОНЧИК И.Ю.,аспирант Гродненского государственного университета им. Я.Купалы,
магистр юридических наук

Определение права собственности представляет значительные затруднения, до сих пор в науке не установлено точное понятие о нем. В статье представлены различные точки зрения на понятие собственности и права собственности на землю, рассматриваются полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению землей. Особое внимание уделяется отличию права собственности от других вещных прав. Анализируя позиции ученых, автор приходит к выводу, что наиболее актуальным на современном этапе является исследование права собственности на землю как субъективного права. В статье сформулировано авторское определение права собственности на землю.

Definition of property right represent considerable difficulties, there is still no exact scientific concept about it. The article presents different perspectives on the concept of property rights and land ownership, addresses the credentials of the owner on possession, use and disposal of land. Particular emphasis is placed on distinguishing proprietary rights of other property law. Analyzing the scientific positions, the author concludes that the most relevant at the present stage is to research land ownership as a subjective right.

Собственности в любом обществе принадлежит важнейшее значение. Отношения собственности на землю являются неотъемлемой составной частью экономических отношений собственности в целом. Определение права собственности представляет значительные затруднения, несмотря на видимую его ясность. По наиболее распространенному определению право собственности представляет собой неограниченное и исключительное господство лица над вещью. Точное определение права собственности на землю является важнейшим условием эффективного функционирования экономики.

Право собственности – важнейшее из вещных прав. Отношения собственности получили свое закрепление и развитие в Конституции Республики Беларусь. Общее положение о праве собственности, закрепленное в ст. 13 Конституции, гласит, что государство гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Согласно ст. 44 Конституции государство гарантирует каждому право собственности, в том числе на землю; неприкосновенность собственности; право наследования собственности, которое охраняется законом [1].

В соответствии со ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) собственнику принадлежат права владения, пользо-

вания и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, а также распоряжаться им иным образом.

Владение, пользование и распоряжение земель и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законодательством, осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает права и защищаемые законом интересы других лиц. Право собственности бесспорно [2].

Являясь важнейшим из вещных прав, право собственности предполагает наличие у собственника трех юридически необходимых и исключительных правомочий: прав владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Обычно владение землей означает и пользование ею, с исключением всех других претендентов. Но не исключены случаи, когда владелец не осуществляет пользование.

Возможность легального пользования землей является «сердцевинной» не только права владения, но и права собственности. Однако многие собственники не пользуются землей непосредственно, а предоставляют ее во владение и пользование другим лицам. Особенно это характерно для такого земельного собственника, как государство. Как показывает мировой опыт, у собственника в этом случае сохраняется право на извлечение выгод из принадлежащей ему земли, но опосредованно – путем получения арендной платы за землю. Непосредственно же пользуется землей то лицо, которому она предоставлена во владение. Пользование в этом случае как бы раздваивается. Но что касается права пользования, то формально оно принадлежит владельцу земли – арендатору (а не собственнику), поскольку он эксплуатирует землю [3, с. 80].

Д.А.Ольнев резюмирует, что целесообразно представить содержание исследуемого субъективного права в виде правомочий обладания, распоряжения и естественного пользования. Объединение правомочий «владение» и «пользование» в единую возможность поведения собственника «обладание» напрашивается ввиду их тождественности, так как:

- правомочия владения и пользования нельзя практически реализовать отдельно друг от друга;
- невозможно в процессе реализации правообладателем своих правомочий четко установить, какое из них в данный момент реализуется;
- правомочия имеют один предмет – землю;
- оба правомочия могут быть реализованы только в пределах одной и той же территории;
- время начала и окончания реализации собственником указанных правомочий совпадает;
- коммерческую ценность правомочия владения и пользования, реализуемые отдельно, не представляют (договор аренды).

Установленные правомочия собственника земли не представляют возможности последнему реализовать право на землю как на основу жизни и деятельности, для этого необходимо ввести конституционное правомочие собственника земли – естественное землепользование [4, с. 19–20].

Распоряжение землей может выражаться в двух основных формах – вещественной и правовой. Правовая сторона распоряжения проявляется в праве собственника продать, заложить землю, передать ее в дар, обменять, сдать в аренду и т.д. К вещественной форме относится необратимое изменение назначения земли, на-

пример ее застройка, проведение работ, направленных на защиту и улучшение земли, иная перепланировка ландшафта [3, с. 81].

На вопрос, можно ли определить право собственности как «сумму» трех правомочий собственника: права владения, пользования и распоряжения, А.В.Венедиктов отвечает отрицательно и приводит два основания. Прежде всего, право собственности отнюдь не исчерпывается тремя названными правомочиями собственника, не «слагается из трех отдельных прав: владения, пользования и распоряжения», как это утверждал в ряде своих решений российский Сенат. Собственник может быть лишен всех трех правомочий и тем не менее может сохранить право собственности, и притом не только в качестве *dominium nudum* (голая собственность), как думал редактор М.М.Сперанский.

Решающим является второе основание. Когда перед теорией права стоит задача построить такое общее понятие права собственности, которое как всеобщее абстрактное определение могло бы быть отнесено ко всем общественным формациям именно в качестве многократно расчлененного и выраженного в различных определениях понятия, это понятие должно само по себе обязывать к раскрытию специфических классовых особенностей отдельных форм собственности в каждой формации [5, с. 18–20].

М.Н.Якунина выделяет две противоположные правовые традиции, из которых одна представляет право собственности как некий неделимый монолит (абсолютное право), а другая – как совокупность частичных правомочий. В настоящее время побеждает вторая: она берется за основу при кодификации права на международном уровне. Свойственная ей гибкость отвечает сложным экономическим, социальным и политическим реальностям капиталистического общества. Автор отмечает, что право собственности – это непрерывный ряд, а не фиксированная точка [6].

При анализе права собственности в буржуазном обществе буржуазные цивилисты наряду с традиционным перечислением трех основных правомочий собственника или вместо него нередко вводят в свои определения права собственности ряд других формальных моментов, при помощи которых стремятся отграничить право собственности от всех остальных вещных прав. С этой целью они определяют право собственности как право всеобъемлющего, высшего, наиболее полного, абсолютного или исключительного господства над вещью и с особенной настойчивостью подчеркивают так называемую «упругость» или «эластичность» права собственности: его способность автоматически приобретать нормальный объем при отпадении связывающих его ограничений [5, с. 35].

Право собственности, предложенное английским юристом А.Оноре, включает: право владения; право пользования; право управления; право на доход (право присвоения); право на капитальную стоимость вещи, предполагающее право на отчуждение, потребление, проматывание, изменение или уничтожение вещи; право на безопасность, то есть иммунитет от экспроприации; право на переход вещи по наследству или завещанию; право на бессрочность; запрет вредного использования, то есть обязанность воздерживаться от использования вещи вредным для других способом; право на ответственность в виде взыскания, то есть возможность изъятия вещи в уплату долга; право на остаточный характер, то есть ожидание естественного возврата переданных кому-либо правомочий по истечении срока передачи или в случае утраты вещи силой по любой иной причине [7, с. 11].

К.Маркс дает два общеизвестных определения собственности. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или, что является только юридическим выражением этого, с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались [8, с. 7].

Здесь собственность понимается в самом широком смысле, не только как основной институт, определяющий всю совокупность производственных отношений общества, но как юридическое выражение этих отношений в целом. Также К.Маркс использовал понятие «собственность» как присвоение.

Поскольку собственность как присвоение, особое отношение лиц, групп и классов к средствам производства образует собой самую основу всей системы производственных отношений и уже по одному этому выделяется среди всей остальной массы производственных отношений, именно понятие собственности как присвоения должно служить отправным пунктом и основой для построения юридического понятия права собственности [5, с. 31].

Таким образом, собственность в широком смысле — это система исторически изменяющихся объективных отношений между людьми в процессе производства, обмена, потребления, характеризующих присвоение средств производства и предметов потребления. В узком смысле понятие «собственность» рассматривается как имущество, принадлежащее определенному лицу на праве собственности.

Собственность — всегда общественно-производственное отношение, отношение между людьми по поводу средств и продуктов производства. В правовом опосредствовании этого общественно-производственного отношения должны найтись выражение оба элемента каждого правового отношения, в котором отражается эконо-

мическое отношение: и элемент воли, то есть признанной правопорядком за собственником власти, и элемент интереса (интереса класса, группы, отдельного лица). Именно в сочетании власти и интереса заключается специфическое отличие права собственности от других, как вещных, так и обязательственных, прав на те же объекты.

Общее определение права собственности как «всеобщее абстрактное определение» аналогично понятию производства в целом может быть отнесено ко всем формам права собственности лишь в качестве «многократно расчлененного» и выраженного «в различных определениях» понятия. Оно должно быть наполнено конкретным содержанием, выражающим специфические особенности права собственности для каждой отдельной формации и даже для отдельных форм собственности внутри одной и той же формации. Специфические черты отдельных форм права собственности определяются характером присвоения, присущим той или иной форме собственности, и поэтому проявляются именно как специфические особенности этого присвоения [5, с. 39–41, 44].

Экономическое отношение собственности представляет собой отношение между людьми по поводу конкретного имущества (материальных благ) и заключается в том, что это имущество присваивается конкретным лицом, использующим его в своих интересах, а все другие лица не должны препятствовать ему в этом. Оно включает в себя также и отношение лица к присвоенному имуществу (материальному благу, в том числе вещи) как к собственному [9, с. 302].

Порядок присвоения и использования имущества, а также охрана и защита присвоенного должны быть закреплены нормативно. Отношения собственности не могут существовать без принудительной силы, вне правовых рамок. С помощью законодательства государство устанавливает правовые нормы, которые регламентируют права и обязанности собственников. Посредством правового регулирования экономические отношения собственности приобретают юридический аспект.

Права собственности понимаются как санкционированные поведенческие отношения между людьми, которые возникают в связи с существованием благ и касаются их использования. Эти отношения определяют нормы поведения по поводу благ, которые любое лицо должно соблюдать в своих взаимодействиях с другими людьми или же нести издержки из-за их несоблюдения [6].

В.В.Подгруппа определяет собственность как систему исторически сложившихся и складывающихся объективных отношений между людьми в процессе производства, распределения, обмена, потребления, характеризующих

процесс присвоения средств производства и предметов потребления [10, с. 643].

Энциклопедический словарь определяет собственность как принадлежность средств и продуктов производства определенным лицам – индивидам или коллективам – в определенных исторических условиях, отражающих конкретный тип отношений собственности. Право собственности как право конкретных субъектов на определенные объекты (имущество) сводится, как правило, к трем правомочиям: праву владения, праву пользования и праву распоряжения имуществом. Они тесно взаимосвязаны и лишь только в комплексе составляют юридическое содержание права собственности [11, с. 498].

В.Г.Гавриленко дает следующее определение права собственности:

1) положение, установленное актами законодательства, в соответствии с которым собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения имуществом;

2) область гражданских отношений, регулируемых нормами права, призванных определять порядок действия лиц по присвоению предметов материального мира и результатов интеллектуальной деятельности человека [11, с. 417].

Право собственности – это совокупность юридических норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность (присвоенность) материальных благ собственнику, предусматривающих объем и содержание его прав в отношении принадлежащего ему (собственнику) имущества, а также способы и пределы осуществления этих прав. Право собственности на землю – это урегулированные нормами земельного и иных отраслей права общественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками гражданами, юридическими лицами и государством в лице его правомочных органов [12, с. 171].

Следует учитывать, что объектом гражданских прав является не земля в целом, а земельный участок. Право на землю имеют все люди, а на земельный участок – только некоторые субъекты. Действующее законодательство различает понятия «земля» и «недвижимость», однако определение последнего происходит через определение земельного участка и взаимосвязь иных объектов с ним.

Земля – самостоятельный компонент природной среды, подлежащий правовому регулированию в качестве объекта отношений в области охраны окружающей среды. Представляет собой поверхностный почвенный слой, выполняющий экологические (взаимосвязь всех компонентов живой и неживой природы, природной среды), экономические (средство производства в сельском и лесном хозяйстве, пространственно-территориальный ресурс в других отраслях) и социальные (основа жизни и деятельности че-

ловека) функции. В имущественных отношениях она выступает в качестве хозяйственного объекта и признается недвижимым имуществом. Земля (включая почвы) является объектом правового регулирования земельного права [13, с. 519].

В соответствии со ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле земельный участок – это часть земной поверхности, имеющая границу и целевое назначение и рассматриваемая в неразрывной связи с расположенными на ней капитальными строениями (зданиями, сооружениями). Граница земельного участка устанавливается в соответствии с требованиями ст. 11 данного Кодекса [14].

Право собственности на землю может быть рассмотрено в нескольких аспектах: в объективном смысле (как институт земельного права); как субъективное право; как особое правоотношение собственности на землю; как юридический факт, порождающий определенные правоотношения; как особый титул владения землей (на праве собственности) [15, с. 61].

Отличительными особенностями права собственности на землю являются:

- доминирующее положение граждан среди субъектов права собственности на землю;
- обширность содержания (предполагает наличие у собственника значительных правомочий, которые отсутствуют у других пользователей земли, ибо только собственник вправе распоряжаться землей в полном объеме);
- независимость собственника земли (земельного участка). Осуществляя владение, пользование и распоряжение землей, он полностью свободен, но в рамках закона;
- исключительное обладание собственником землей на основе титула как основания права на землю (иные лица титула не имеют) [12, с. 171–172].

Право собственности как правовой институт – совокупность юридических норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность (присвоенность) материальных благ определенным лицам или коллективам, предусматривающих объем и содержание прав собственника в отношении принадлежащего ему имущества, способы и пределы осуществления этих прав [16, с. 276].

Право собственности – центральный институт гражданского права, а право собственности на землю – институт не только гражданского, но и земельного права.

Правовой институт земельной собственности, являясь своеобразной общностью юридических норм внутри отрасли земельного права, обеспечивает цельное самостоятельное регулирование группы отношений земельной собственности, воплощая в своем содержании особую юридическую конструкцию.

Право собственности на землю рассматривается не только как правовой институт собственности, но и как субъективное право. Согласно положениям общей теории права, субъективное право – это обеспеченная законом мера возможного поведения субъекта права, направленного на достижение целей, связанных с удовлетворением интересов данного субъекта. В земельном праве субъективное право рассматривается как совокупность правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению землей. Оно включает в себя возможность как самостоятельно совершать определенные действия (поведение), так и требовать определенного поведения (действий или воздержания от действий) от другого лица, поскольку такое поведение обуславливает осуществление субъективного права. Такие субъективные права именуются абсолютными. Они защищаются от каждого, кто своим поведением препятствует их осуществлению [12, с. 173–174].

Содержание субъективного права, тех правомочий, которыми обладает его носитель, определяется нормами права. Поэтому при выявлении сущности права собственности следует исходить из анализа тех правомочий, которые закон предоставляет носителю права собственности, и обязанностей, которые закон возлагает на третьих лиц и на самого носителя права собственности.

Характерные особенности субъективного права собственности, в том числе и на землю, заключаются в следующем. Право собственности – субъективное право, непосредственно вытекающее из закона. Субъективное право собственности закрепляет за его обладателем экономическую власть над условиями производства, ведущегося на базе использования собственником принадлежащего ему имущества. Субъективное

право собственности обязательно предполагает возможность собственника по своему усмотрению использовать принадлежащее ему имущество [17, с. 11–12].

На наш взгляд, наиболее актуальным на современном этапе является исследование права собственности на землю как субъективного права, поскольку важен сам процесс реализации данного права, а также обеспечение реализации права собственности на землю со стороны государственных органов.

Спецификация прав собственности способствует созданию устойчивой экономической среды, уменьшая неопределенность и формируя у индивидов стабильные ожидания относительно того, что они могут получить в результате своих действий и на что могут рассчитывать в отношениях с другими экономическими агентами. Специфицировать понятие права собственности – значит точно определить не только субъект собственности, но и ее объект, а также способ надления ею. Неполнота спецификации трактуется как размывание прав собственности, которое может происходить либо по причине их неточности и плохой защиты, либо потому что они подпадают под ограничения, главным образом со стороны государства [6].

Таким образом, право собственности на землю – это вещное право субъектов общественно-производственных отношений, урегулированное нормами земельного права, гарантированное Конституцией и охраняемое законом. Оно включает в себя полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению землей в полном объеме с учетом рационального использования и охраны земли, характеризуется специфическими особенностями по отношению к форме собственности и в определенных исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 3 июля 2011 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. Жариков, Ю.Г. Земельное право России: учеб. / Ю.Г. Жариков, В.Х. Улюкаев. – М.: Былина, 1997. – 408 с.
4. Ольнев, Д.А. Конституционное регулирование права частной собственности на землю: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Д.А. Ольнев; Челябинск. гос. ун-т. – Челябинск, 2012. – 29 с.

5. Венедиктов, А.В. Избранные труды по гражданскому праву / А.В. Венедиктов. – М.: Статут, 2004. – 557 с.
6. Якунина, М.Н. Права собственности: проблемы гарантий и ответственности / М.Н. Якунина // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
7. Капелюшников, Р.И. Экономическая теория прав собственности / Р.И. Капелюшников. – М., 1990. – 216 с.
8. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 12. – 630 с.
9. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е.А. Суханов. – М.: Юристъ, 1999. – 383 с.
10. Подгруша, В.В. Гражданское право. Справочник-комментарий / В.В. Подгруша. – Минск: Кн. дом, 2003. – 832 с.
11. Гавриленко, В.Г. Капитал. Энциклопедический словарь / В.Г. Гавриленко. – Минск: Право и экономика, 2008. – 652 с.
12. Демичев, Д.М. Земельное право: учеб. пособие / Д.М. Демичев. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2009. – 368 с.
13. Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ ВГУ, 2007. – Т. 1. – 600 с.
14. Кодекс Республики Беларусь о земле: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Респ. 28 июня 2008 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 15 окт. 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
15. Станкевич, Н.Г. Земельное право Республики Беларусь: учеб. пособие / Н.Г. Станкевич. – Минск: Амалфея, 2000. – 480 с.
16. Юридический энциклопедический словарь / А.Я. Сухарев [и др.]; под общ. ред. А.Я. Сухарева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1984. – 846 с.
17. Крассов, О.И. Право частной собственности на землю / О.И. Крассов. – М.: Юристъ, 2000. – 379 с.

Дата поступления статьи в редакцию 17.12.2012

УДК 349.41(476)

ОБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЗЕМЛИ

РУДЬКО И.С.,соискатель кафедры трудового и социального права юридического факультета
Гродненского государственного университета им. Я.Купалы

Кодекс Республики Беларусь о земле указывает, что объектами земельных отношений выступают земля, земельные участки, права на них, а также ограничения (обременения). Анализируя указанные объекты, автор приходит к выводу, что все они являются объектами правоотношений по использованию земли. Проводится сравнительный анализ земельного законодательства иных государств. Результатом исследования становится необходимость признания доли в праве на земельный участок в качестве самостоятельного объекта правоотношений по использованию земли.

The Code of land of the Republic of Belarus indicates that the objects of land relations are land, plots of land, rights in land, and restrictions (encumbrances). By analyzing these objects, the author comes to the conclusion that they are the objects of legal relations on use of land. The land legislation of other states are analysed comparatively. The research is resulting the need to recognize the share in rights of land as a self-object relations on use of land.

Введение

За последние годы регулирование земельных отношений в Республике Беларусь претерпело определенные изменения, в частности, изменились методы регламентирования отношений по использованию земли, расширился их субъектный состав, а также формы их проявления, поменялось и само отношение к земле. Вместе с тем в науке земельного права категория «объект» рассматривалась исключительно с точки зрения общего объекта всех земельных правоотношений. Изучение же объекта правоотношений по использованию земли не проводилось. Именно поэтому нашей целью является исследование объектов правоотношений по использованию земли.

Основная часть

Согласно Кодексу Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) объектами земельных отношений выступают земля (земли), земельные участки, права на них, ограничения (обременения) прав на участки, в том числе земельные сервитуты [1].

Однако все ли из перечисленных объектов можно отнести к объектам правоотношений по использованию земли?

Правоотношения по использованию земли представляют собой форму общественных отно-

шений, возникающих для удовлетворения имущественных интересов субъектов в связи с осуществлением ими хозяйственной и иной деятельности на земельном участке, а также складывающихся по поводу установления ограничений в его использовании в результате воздействия норм права. Это собирательная категория. О разнообразии правоотношений по использованию земли говорят их классификации по целевому назначению земель либо по правовой природе прав на землю.

Взяв за основу такое понимание правоотношений по использованию земли, определим, какие из объектов земельных отношений, указанных в ст. 1 КоЗ, являются объектами правоотношений по использованию земли.

Земля (земли) считается традиционным объектом земельных правоотношений. В соответствии со ст. 1 КоЗ под землей понимается земная поверхность, включая почвы, рассматриваемая как компонент природной среды, средство производства в сельском и лесном хозяйстве, пространственная материальная основа хозяйственной и иной деятельности. Из определения видно, что земля рассматривается и как компонент окружающей среды, имеющий естественное происхождение, и как категория, обладающая некоторыми экономическими характеристиками.

В советское время Г.А.Аксененок отмечал, что как объект земельных правоотношений зем-

ля изучается только тогда, когда в отношении ее установлен определенный правовой режим [2, с. 137]. Иной точки зрения придерживается О.И.Крассов. Он замечает, что «земля как природный объект, как природный ресурс не может быть ни объектом земельных отношений, ни объектом собственности, ни каких-либо иных отношений... Земельные отношения не возникают по поводу земли как природного объекта или ресурса. Объектом таких отношений является индивидуализированная часть земли, то есть конкретный земельный участок» [3, с. 12].

Ошибочность данной позиции очевидна, поскольку земельные отношения возникают именно по поводу земли как природного объекта и ресурса, в то время как объектом правоотношений всегда выступает определенная юридическая категория. Так, учитывая то обстоятельство, что право при регламентировании не выделяет природных свойств земли, таких как рельеф, растительность, почвы, пространство и так далее, о земле как об объекте земельных правоотношений целесообразно говорить как о правовой категории.

Вместе с тем отдельные естественные свойства земли, в первую очередь такие, как плодородие, учитываются при определении правовых режимов и делении земель на категории. Земельное законодательство Республики Беларусь выделяет семь разных категорий в зависимости от целевого назначения земель; дополнительно осуществляется деление на виды по природно-историческим признакам земель, их состоянию и характеру использования.

Такая система позволяет не только учитывать все земли на территории Республики Беларусь, но и осуществлять полномочия собственника при предоставлении земель иным лицам. В то же время государство не осуществляет непосредственного использования земель. Для ведения хозяйственной или иной деятельности, связанной с воздействием на землю, ее изменением, земельные участки предоставляются физическим и юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям.

Вместе с тем земля выступает объектом правоотношений общего землепользования в том случае, когда эти отношения согласно ст. 263 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) осуществляются на землях, находящихся в собственности Республики Беларусь. В соответствии со ст. 263 ГК, граждане имеют право свободно, без каких-либо разрешений находиться на не закрытых для общего доступа земельных участках, находящихся в собственности Республики Беларусь, и использовать имеющиеся на этих участках природные объекты в пределах, допускаемых законодательством.

Таким образом, земля при общем землепользовании рассматривается как пространство, ис-

пользуемое для нахождения и передвижения, а также как базис нахождения иных природных ресурсов, использование которых направлено на удовлетворение потребностей общества. При этом законом не устанавливаются ограничения по поводу пребывания на землях общего пользования, в отличие от использования других природных объектов, расположенных на них. Такое использование должно осуществляться в пределах, допускаемых законодательством, иначе говоря, в соответствии с правилами пользования лесными, водными объектами, объектами растительного мира и иными природными объектами, находящимися на землях общего пользования.

Указанное позволяет считать землю объектом правоотношений по ее использованию.

И все же большинство лиц вступают в земельные отношения по поводу земельных участков, прав и ограничений (обременений) на них.

Рассмотрение земельного участка с точки зрения его принадлежности к недвижимости влечет за собой изучение проблемы соотношения правоотношений по поводу использования земельного участка и недвижимых объектов, расположенных на нем [4, с. 22]. В связи с этим возникает вопрос: что понимается под главной вещью и ее принадлежностью согласно ст. 135 ГК?

Рассуждая над этим вопросом, профессор Г.В.Чубуков приходит к выводу, что участок следует признавать главной вещью, а иные объекты недвижимости, расположенные на нем, – как принадлежность. В обоснование своей позиции ученый указывает, что «земельный участок может существовать вечно и неподвижно без возведения на нем объектов, а они немислимы и не могут существовать без такого «фундамента» – земельного участка» [5, с. 27]. Немислимость такого существования признает действующее законодательство, закрепляя в качестве одного из принципов регулирования оборота земельных участков и объектов недвижимости, на них расположенных, принцип «единства судьбы». Но, как отмечает Г.В.Чубуков, законодательство Российской Федерации развивается на основе признания земельной недвижимости принадлежностью объектов недвижимого имущества и следования его судьбе [5, с. 27]. Это утверждение справедливо можно отнести и к действующему белорусскому законодательству. Подтверждением служит содержание, к примеру, ст. 55 КоЗ, определяющей переход прав на участки при переходе прав на объекты недвижимости, расположенные на них, а также пункта 12 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» (далее – Указ № 667) [6].

Логичный выход в решении данного вопроса нашли шведские законодатели. Согласно Земельному кодексу Швеции, непосредственным

объектом земельных правоотношений собственности является обособленный физически и юридически земельный участок, а также все то, что расположено на нем и тесно связано с землей, образующее единый земельно-имущественный комплекс [7, с. 44].

Такая доктрина воспринята и российским законодательством. Согласно разработанным изменениям в Гражданский кодекс Российской Федерации земельный участок и находящиеся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь [8].

И если в гражданском законодательстве такой выход является правильным, то с точки зрения экологического законодательства невозможно определить, какая недвижимая вещь (земельный участок, участок недр или обособленный водный объект и т.п.) является главной, а какая — ее принадлежностью, поскольку природные объекты являются самостоятельными объектами правового регулирования [9, с. 10]. Поэтому в данной ситуации уместнее говорить о комплексном природопользовании.

Земельный участок в отличие от земли относится к индивидуально-определенным вещам, ибо обладает неповторимыми характеристиками. К числу таких индивидуализирующих признаков в соответствии с нормами Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 года «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» относятся кадастровый номер участка, его границы, площадь, месторасположение и назначение. С точки зрения российского исследователя проблем земельных участков А.А.Минаевой, указанные признаки могут быть разделены на две категории — отличительные и дополнительные [10, с. 11]. К первой группе признаков относятся те из них, которые являются для земельного участка основными для признания его объектом гражданских прав [11, с. 12], а именно месторасположение земельного участка, его площадь и границы. Вторую группу признаков образуют кадастровый номер и назначение участка, которые не столь важны для гражданского оборота земель. Такой подход характерен для российского земельного законодательства.

В Республике Беларусь указанные индивидуализирующие признаки земельных участков важны с точки зрения вовлечения их в гражданский оборот. Для земельного законодательства определяющее значение имеет целевое назначение участка. При этом сопоставление норм ст. 6 КоЗ и норм постановления Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 33 «Об утверждении единой классификации

назначения объектов недвижимого имущества» показывает на несоответствие целевого назначения (которое при регистрации не указывается) и назначения земельных участков как объектов недвижимости [12].

На оба признака указывается в решениях об изъятии и предоставлении земельных участков исполнительных комитетов. При этом только нарушение целевого назначения земельного участка при его использовании является основанием для принятия решения об изъятии участка.

Земельные участки могут быть делимыми и неделимыми. Делимым в силу ст. 10 КоЗ признается участок, который может быть разделен на части, каждая из которых после раздела образует новый земельный участок, и это не приведет к нарушению градостроительных регламентов, природоохранных требований, противопожарных, санитарных, строительных и иных норм и правил. Но, как заметила Р.Галиева, трудно уяснить, что служит объективным критерием для отнесения земельного участка к категории делимого или неделимого [13].

Е.В.Сырых в качестве такого критерия предлагает считать возможность сохранения правового режима на участках, образованных в результате деления [14, с. 55]. И это вполне оправдано, так как возможность рационального использования земельного участка, а следовательно, и целевого использования зависит от его размера [14, с. 55; 15, с. 50]. С этой целью на законодательном уровне закреплены минимальные размеры участков. Так, земельные участки, предоставляемые для строительства и (или) обслуживания жилого дома, квартиры в блокированном жилом доме, должны составлять от 0,05 га в городе и от 0,15 га в сельском населенном пункте, а участки, предоставляемые для садоводства или дачного строительства, не должны превышать 0,15 га на одного члена садоводческого товарищества, дачного кооператива. В то же время нормами Указа № 667 предусматривается возможность предоставления участков для строительства и обслуживания многоквартирных, блокированных жилых домов в населенных пунктах, расположенных в пригородных зонах г. Минска, областных центров и городов областного подчинения, в размере от 0,10 до 0,15 га включительно. При этом Указом № 667 установлено, что предоставление земельного участка меньше минимального размера, то есть 0,10 га, может осуществляться только с согласия лица, которому он предоставляется [6].

Как отмечалось, правоотношения по использованию земли разнообразны, в связи с чем они проявляют себя в различных формах. В соответствии с положениями КоЗ земельные участки физическим лицам предоставляются на праве частной собственности, в пожизненное наследуемое владение, во временное пользование

или аренду. Юридическим лицам участки предоставляются в частную собственность, пользование, как постоянное, так и временное, и в аренду. Наиболее ограниченными в этом плане являются индивидуальные предприниматели, которым земельные участки согласно ст. 17 КоЗ предоставляются только в аренду [1].

Таким образом, земельные участки могут быть объектом правоотношений частной собственности, землевладения, землепользования или аренды.

Регистрация создания земельного участка сопровождается, как правило, одновременной регистрацией прав, ограничений (обременений) прав на него. При этом закрепление того или иного права на земельный участок позволяет установить пределы по владению, пользованию и распоряжению участком.

В этой связи определенный интерес представляет собой точка зрения Д.Л.Мальцева, рассматривающего предоставление участка и закрепление прав на него как обособленные юридические явления. Он указывает, что предоставление земельного участка и предоставление права на земельный участок соотносятся между собой как реальное фактическое отношение и правовое отношение, которые неразрывно связаны друг с другом. Взаимозависимость между этими категориями выражается в том, что предоставление земельного участка не может быть произведено без предоставления прав на него, и наоборот, предоставление права на земельный участок без последующего фактического выделения участка не влечет возникновения реального земельного отношения [16, с. 36].

С нашей точки зрения, ошибочность мнения Д.Л.Мальцева очевидна. Нельзя получить земельный участок и не зарегистрировать своих прав на него. Это звенья одной цепи, цель которой – получение земельного участка. И правоотношения, возникающие при этом, являются формой выражения фактических реальных отношений. Именно поэтому их нельзя разделять и воспринимать как квазисамостоятельные явления.

Все права на земельные участки могут быть классифицированы: по правовой природе – на вещные (право собственности, право пожизненного наследуемого владения и право пользования) и обязательственные (право аренды (субаренды)); по объему правомочий землепользователей – на право собственности на участок и иные, производные от права собственности, права на земельные участки.

К ограничениям (обременениям) прав на участки земельное законодательство Республики Беларусь относит установление сервитутов, а также использование земельных участков для изыскательских работ, строительных линейных сооружений, размещения геодезических пунктов.

Дефиниция ограничений (обременений) прав на участки дана в ст. 1 КоЗ. В научной литературе отмечается, что ст. 1 КоЗ содержит узкое понимание ограничений (обременений) прав, тогда как в Законе Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» содержится общий подход к пониманию данного термина [17, с. 35]. В любом случае ограничение (обременение) прав – это вмешательство, установленное в публичных либо частных интересах. Полагаем, что ограничение (обременение) прав на земельный участок в общем смысле следует трактовать как закрепленное и установленное в порядке, определенном законодательством, вмешательство в частные интересы землепользователя, выраженное в установлении пределов реализации его субъективных прав [18, с. 9]. В результате фиксирования ограничений (обременений) землепользователь не может в полном объеме осуществлять свои права в отношении земельного участка. Поэтому и права, и ограничения (обременения) прав являются юридической категорией, позволяющей установить пределы правомочий того или иного лица в отношении земельного участка при его использовании, в связи с чем выступают объектами правоотношений по использованию земли.

Анализ земельного законодательства ряда зарубежных стран показывает, что в качестве объекта земельных отношений выступают доли в праве (правах) на земельный участок.

Например, согласно пункту 3 ст. 2 Земельного кодекса Украины объектами земельных отношений являются земли в пределах территории Украины, земельные участки и права на них, в том числе земельные доли (паи) [19]. В силу пункта 14 ст. 12 Земельного кодекса Республики Казахстан под объектами земельных отношений следует понимать всю землю в пределах территории Республики Казахстан, отдельные земельные участки, а также права на земельные участки и земельные доли [20].

Земельные доли, по выражению И.О.Красновой, «обособляются только юридически» [21, с. 36] и являются фикцией, призванной «регулировать отношения, возникающие при поступлении в собственность нескольких лиц одной... вещи» [22, с. 16]. Они выражаются определенным соотношением (1/2 и т.п.) и указывают на объем имущественных притязаний участников общей собственности.

Правообладатели земельных долей именуется землепользователями, вследствие чего обладают правами, обязанностями и несут ответственность наравне с иными пользователями земли. Они вправе распоряжаться своей долей, требовать ее выделения в натуре, если это не противоречит правилам деления земельных участков. Таким образом, доля в праве на зе-

мельный участок – это совокупность имущественных прав на часть земельного участка, опосредующих притязания землепользователя по осуществлению воздействия и экономического господства над частью предоставленного участка.

Содержание ст.ст. 52, 69, 70 КоЗ, ст. 4 Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», ст. 195 Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь [23] позволяет говорить, что доли в праве на земельный участок являются самостоятельным объектом правоотношений по использованию земли.

Кроме того, согласно данным, предоставленным Национальным кадастровым агентством, в Республике Беларусь по состоянию на 11 июня 2012 г. зарегистрировано 15 183 сделки купли-продажи и аренды земельных участков, совершенные в 2011 году, и 5694 сделки, совер-

шенные в течение января–мая 2012 года. Из них сделки с долями на земельный участок составили соответственно 11 % в 2011 году и 7,6 % в 2012 году.

Заключение

Проведенное исследование и полученные данные показывают, что объектами правоотношений по использованию земли являются не только объекты, закрепленные в ст. 3 КоЗ, но также и доли в правах на земельные участки. При этом признание объектом правоотношений по использованию земли долей в правах на земельные участки требует соответствующего закрепления в актах земельного законодательства норм, регламентирующих специфику таких прав и их оборот, и в первую очередь расширения перечня объектов земельных отношений, предусмотренных ст. 3 КоЗ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь о земле: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Респ. 28 июня 2008 г.: текст Кодекса по состоянию на 24 сент. 2010 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 112 с.
2. Аксененок, Г.А. Земельные правоотношения в СССР / Г.А. Аксененок. – М.: Госюриздат, 1958. – 424 с.
3. Крассов, О.И. Юридическое понятие «земельный участок» / О.И. Крассов // Экол. право. – 2004. – № 2. – С. 12–17.
4. Все о земельных отношениях: учеб.-практ. пособие / С.А. Боголюбов [и др.]; под общ. ред. С.А. Боголюбова. – М.: Проспект, 2010. – 656 с.
5. Чубуков, Г.В. Земельная недвижимость как правовая категория / Г.В. Чубуков // Нотариус. – 2003. – № 4. – С. 27–28.
6. Об изъятии и предоставлении земельных участков: Указ Президента Респ. Беларусь, 27 дек. 2007 г., № 667 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
7. Управление земельными ресурсами. Опыт Швеции / М.В. Кобаса [и др.]; под общ. ред. М.В. Кобасы. – Минск: Минскриппроект, 1999. – 120 с.
8. Проект изменений в разделы I, II, III, VI, VII Гражданского кодекса РФ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://consultant.ru/law/hotdocs/11059.html#02>. – Дата доступа: 06.06.2012.
9. Шингель, Н.А. Правовой режим земель в Республике Беларусь: курс лекций / Н.А. Шингель; ГИУСТ ВГУ. – Минск, 2006. – 135 с.
10. Минаева, А.А. Земельный участок как объект земельных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / А.А. Минаева; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 26 с.
11. Писарев, Г.А. Теоретические и практические вопросы приобретения и прекращения права собственности и других вещных прав на земельный участок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Г.А. Писарев; Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. – М., 2008. – 28 с.
12. Об утверждении единой классификации назначения объектов недвижимого имущества: постановление Ком. по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 33 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
13. Галиева, Р. Субъекты и объекты земельных прав / Р. Галиева // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2010.

14. Сырых, Е.В. Земельное право: учеб. для вузов / Е.В. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2006. – 368 с.
15. Анисимов, А.П. Правовые проблемы деления земельного фонда Российской Федерации на категории / А.П. Анисимов // Аграрное и земельное право. – 2006. – № 8. – С. 49–61.
16. Мальцев, Д.Л. Тенденции развития законодательства о предоставлении прав на земельные участки / Д.Л. Мальцев // Нотариус. – 2008. – № 3. – С. 35–39.
17. Комментарий к Кодексу Республики Беларусь о земле / С.А. Балашенко [и др.]; под общ. ред. С.А. Балашенко, Н.А. Шингель. – Минск: Дикта, 2009. – 720 с.
18. Углова, Е.В. Экологические ограничения прав граждан на землю в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Е.В. Углова; Моск. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – М., 2011. – 26 с.
19. Земельный кодекс Украины: Кодекс Украины, 25 окт. 2001 г., № 2768-III: в ред. Закона Украины, 8 июля 2010 г., № 2471-VI // Нормативные акты Украины [Электронный ресурс] / ЗАО «Информтехнология». – Киев, 2010.
20. Земельный Кодекс Республики Казахстан: Кодекс Респ. Казахстан, 20 июня 2003 г., № 442-II: в ред. Закона Респ. Казахстан, 10 июля 2012 г., № 34-V [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: www.zakon.kz/211954-zemelnyjj-kodeks-rk-2012.html. – Дата доступа: 17.09.2012.
21. Краснова, И.О. Земельное право. Элементарный курс / И.О. Краснова. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 2003. – 270 с.
22. Котарева, О.В. Земельный участок как объект гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Котарева; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2007. – 19 с.
23. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть): принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г.: одобрен Советом Респ. 18 дек. 2009 г.: текст Кодекса по состоянию на 4 янв. 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи в редакцию 16.10.2012

УДК 349.3:36

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА КАК НОВОЙ, ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ОТРАСЛИ ПРАВА

ГУЩИН И.В.,

профессор кафедры трудового и социального права

Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, доктор юридических наук

АВДЕЙ А.Г.,

заведующий кафедрой трудового и социального права

Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук

В статье впервые в отечественной юридической литературе раскрывается понятие принципов правового регулирования социального права как новой, формирующейся отрасли права республики, а также исследуются их виды. Эти принципы выработаны путем анализа объективных закономерностей и обобщения практики применения всего законодательства, регулирующего отношения по социальной защите граждан.

In the article for the first time in Belarus legal literature the concept of principles of legal regulation of the social right as new, being formed branch of the right of the republic is revealed, and also their types are investigated. These principles are developed by a way of the analysis of objective regularities and syntheses of practice of application of all legislation regulating the relations on social protection of citizens.

В юридической научной литературе имеются разработки о проблеме трансформации законодательства о социальном обеспечении граждан в более широкую систему законодательства в сфере социальной защиты [1–3]. В стороне от этих процессов не остались и ученые-правоведы нашей республики [4–6]. В работах отечественных и зарубежных авторов доказываются положения о формировании новой комплексной отрасли права – социального права, ядром которой является социальная защита [7–9].

Социальное право, как и другие отрасли права, базируется на соответствующих принципах. Принципы социального права – это основополагающие идеи, руководящие начала, характеризующие содержание этой отрасли права. Они выступают и как принципы правового регулирования отношений социальной защиты граждан, и как принципы организации и осуществления защиты социальных прав и свобод. Принципы правового регулирования отношений в сфере социальной защиты граждан – это основополагающие положения, на которых базируется действующее законодательство о социальной защите. Они замыкаются на экономических законах организации труда и социальной защиты граждан

и отражают суть правовых норм, регулирующих обширные группы отношений в сфере социальной защиты граждан.

Принципы социального права получили официальное закрепление в нормативных правовых актах о социальной защите граждан. Данный факт вносит устойчивость и стабильность в правовое регулирование общественных отношений в сфере социальной защиты и гарантирует их строгое соблюдение. Закрепление соответствующих принципов в нормах социального права способствует правильной реализации этих норм при осуществлении гражданами права на конкретные виды защиты, помогает их защите и придает им стабильность, устойчивость и законность.

Содержащиеся в принципах социального права идеи приобретают значение общих установлений регулятивного характера, которые в отличие от правовых норм, регулирующих отношения в сфере социальной защиты граждан, выступают не столь определенно. Поэтому принципы социального права устанавливают правила поведения на основе заложенных в них основополагающих идей, не содержат в себе основных элементов социальных норм. В них нет

ни гипотезы, ни диспозиции, ни санкции, принципы не призваны урегулировать конкретные отношения в сфере социальной защиты граждан. Их задачи состоят в том, чтобы содействовать пониманию сущности социальных норм, регулирующих общественные отношения, и предопределять развитие как действующих, так и будущих норм о социальной защите граждан. Данные принципы отражают совокупность всей системы норм, регулирующих социальную защиту граждан, помогая тем самым понять смысл законодательства о социальной защите граждан и его связь с экономикой и моралью общества, направить развитие законодательства о социальной защите и помочь правильно применить его нормы.

Социальное право как новая формирующаяся отрасль является комплексной отраслью права, в которой имеют место быть как общие принципы системы права Республики Беларусь, так и ее межотраслевые, отраслевые принципы. В принципах социального права следует различать основные, регулирующие начала, характеризующие содержание и внутреннее единство правового регулирования всех общественных отношений в сфере социальной защиты граждан, а также межотраслевые идеи для регулирования тех общественных отношений, которые составляют предмет правового регулирования не только социального, но и других отраслей права. Поэтому между общими, межотраслевыми принципами правовой системы белорусского права и принципами социального права существует неразрывная связь, взаимообусловленность, вытекающая из единства экономической, политической, идеологической основы нашего государства.

Из сказанного выше очевидно, что принципы социального права соотносятся с нормами действующего законодательства о социальной защите как категории сущности и явления. Эти принципы легально не сформулированы в действующем законодательстве о социальной защите. Однако их содержание не ограничивается только конкретной нормой о социальной защите, но охватывается и другими нормами, которые входят в систему иных отраслей права.

Как было отмечено выше, принципы социального права выражаются в форме не юридических прав и обязанностей субъектов этой отрасли, а основных положений, определяющих развитие и внутреннее единство всех норм социального права как новой отрасли права.

Согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь в нашей стране признается приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивается соответствие им законодательства.

Основопологающие принципы международных норм о социальной защите содержатся во

Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., а также Европейской хартии 1946 года. Особое значение для регулирования социальных отношений имеют акты Международной организации труда (МОТ). По общему правилу рекомендации МОТ применяются в национальном правовом регулировании отношений в сфере социальной защиты граждан лишь после их ратификации. В ст. 22 Всеобщей декларации прав человека подчеркнуто, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства». В ст. 23 также подчеркивается право каждого человека на справедливые и благоприятные условия труда, справедливое и удовлетворительное вознаграждение труда [10].

В названных статьях Всеобщей декларации прав человека сформирован принцип социальной справедливости касательно не только трудовых отношений, но и социальной защиты граждан. Социальная справедливость является основополагающим принципом социального права. Этот принцип реализован в законодательстве о социальной защите, в соответствии с которым субъекты социального права формально равны между собой, имеют равные возможности для реализации своих прав и обладают свободной волей. Устойчивый экономический рост нашего государства является необходимым условием для обеспечения социального развития и социальной справедливости в стране, широкой возможности предоставления нуждающимся гражданам эффективной социальной помощи и защиты в различных формах и видах.

В Декларации МОТ от 18 июня 1998 г. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации» отмечается, что она обязывает 175 государств – делегатов 86-й сессии Международной конференции труда соблюдать принципы, заложенные в 8 ключевых конференциях МОТ, и содействовать их повседневному применению. Также все государства – члены МОТ должны соблюдать изложенные в Декларации основные принципы независимо от факта ратификации соответствующей конвенции: свободы объединений и действительного признания права на коллективные переговоры; ликвидации всех форм принудительного или обязательного труда; фактического искоренения детского труда; ликвидации дискриминации в области труда и занятости [11, с. 36].

Сформулированные выше основополагающие принципы в сфере труда пользуются всеобщей

поддержкой и признанием большинства государств мирового сообщества. В ст. 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. подчеркивается, что каждый гражданин любого государства имеет право на справедливые и благоприятные условия труда: на вознаграждение, обеспечивающее как минимум всем трудящимся справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия, причем, в частности, женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины, с равной платой за равный труд; условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены; одинаковую для всех возможность продвижения в работе на соответствующие более высокие ступени исключительно на основании трудового стажа и квалификации; отдых, досуг и разумное ограничение рабочего времени и оплачиваемый периодический отпуск, равно как и вознаграждение за праздничные дни [12].

При исследовании международных принципов социального права как формирующейся отрасли права следует учесть и другие конвенции МОТ, которые были ратифицированы нашим государством, а именно: «О пособиях по безработице в случае кораблекрушения» (1920 год); «О страховании по болезни трудящихся в сельском хозяйстве» (1927 год); «О страховании по старости в сельском хозяйстве» (1933 год); «О страховании на случай инвалидности в промышленности» (1933 год); «О страховании по инвалидности в сельском хозяйстве» (1933 год); «О страховании на случай потери кормильца в промышленности» (1933 год); «О минимальных нормах социального обеспечения» (1952 год); «Об охране материнства» (1952 год) и др.

В социальном праве следует различать основные идеи, руководящие начала, характеризующие содержание и внутреннее единство правового регулирования всех общественных отношений в сфере социальной защиты граждан, а также межотраслевые идеи и руководящие начала для регулирования общественных отношений, которые составляют предмет правового регулирования как социального, так и трудового, административного, семейного, экологического, налогового, жилищного, социального обеспечения и других отраслей права.

Кроме того, в социальном праве находят отражение основные идеи и руководящие начала, характеризующие содержание и внутреннее единство правового регулирования только тех общественных отношений, которые характерны для социального права как самостоятельной отрасли. Между общими, межотраслевыми принципами правовой системы и принципами социального права имеется неразрывная связь, общающаяся взаимобусловленность, вытекающая из

единства идеологической системы нашего государства.

Основные идеи, характеризующие содержание и внутреннее единство только общественных отношений по социальной защите граждан, составляют предмет социального права как отрасли права. Общими для правовой системы Республики Беларусь являются следующие принципы:

- незыблемость многих форм собственности, их всемирная охрана;
- равные права людей на частную собственность;
- равенство всех граждан независимо от их пола, национальности и расы, социального происхождения и социального положения;
- демократия, призванная обеспечить реальное полновластие трудящихся;
- неразрывная связь равных социальных прав граждан Республики Беларусь с иными их обязанностями перед обществом;
- полнота и реальная гарантированность прав граждан.

Конституция Республики Беларусь закрепляет принцип социального обеспечения трудящихся в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца и указывает гарантии его осуществления.

К сожалению, право граждан республики на социальную защиту в Конституции Республики Беларусь не закреплено, хотя фактически действующим законодательством предусмотрены различные виды социальной защиты граждан, которые им назначаются и предоставляются в настоящее время. Это законодательство охватывает широкий круг граждан, включая как нетрудоспособных, так и трудоспособных. Думается, что в ближайшей перспективе в Конституцию нашей республики будут внесены изменения, включая и те из них, которые гарантируют нуждающимся гражданам соответствующие виды социальной защиты.

Выступая в качестве единой основы для всех форм организации труда граждан, перечисленные принципы специфично отражаются в правовых нормах, регулирующих труд отдельных категорий граждан. Так, в Законе Республики Беларусь от 16 июля 2008 года «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» имеется глава 7 «Гарантии правовой и социальной защиты работников органов финансовых расследований и членов их семей. Финансовое и материально-техническое обеспечение органов финансовых расследований»; в Законе Республики Беларусь от 16 июля 2009 года «Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь» – глава 7 «Гарантии правовой и социальной защиты работников органов

и подразделений по чрезвычайным ситуациям»; в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2007 года «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» – глава 7 «Гарантии правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел» [14–16]. Ряд норм в сфере социальной защиты имеют место и в других нормативных правовых актах [17–18].

К числу отраслевых принципов социального права следует отнести: всеобщность предоставления соответствующих видов социальной защиты; всесторонность и многообразие видов социальной защиты; единство и дифференциацию условий и правовых норм, регулирующих множественные отношения, возникающие при социальной защите граждан. Каждый из названных принципов социального права отражает лишь отдельные стороны системы социальной защиты. И это закономерно, потому что в противном случае существовал бы один всеохватывающий принцип социального права. Отдельные стороны системы нормативных право-

вых актов о социальной защите – это ее элементы как единого целого. Поэтому взаимосвязанность и взаимообусловленность принципов социального права вытекают из единого целого, каковым является вся система нормативных правовых актов, регулирующих всю совокупность общественных отношений в сфере социальной защиты. В ее пределах принципы социального права как отрасли права представляют собой единую систему, ставящую в зависимость друг от друга элементы, отражающие социальную направленность и справедливость в регулируемых отношениях в сфере социальной защиты граждан.

Раскрыть содержание названных выше и ряда других принципов социального права как новой комплексной отрасли права не позволяют рамки данного исследования. Авторы полагают, что поставленная задача будет решена при дальнейшем подробном исследовании теоретических основ социального права как формирующейся отрасли права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный опыт организации системы социальной помощи. На примере пяти стран. – М.: Междунар. бюро труда, 2004. – 124 с.
2. Лепихов, М.И. Право и социальная защита населения (социальное право) / М.И. Лепихов. – М., 2000. – 232 с.
3. Лепихов, М.И. Основные институты социальной защиты населения в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) / М.И. Лепихов. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 196 с.
4. Постовалова, Т.А. Социальное право Европейского союза / Т.А. Постовалова. – Минск: Тесей, 2007. – 333 с.
5. Николаевский, В.В. Система социальной защиты: теория, методика, практика / В.В. Николаевский; под науч. ред. акад. П.Г. Никитенко. – Минск: Право и экономика, 2004. – 461 с.
6. Федорова, М.Ю. Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования / М.Ю. Федорова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. – 355 с.
7. Гуцин, И.В. К вопросу о формировании в Республике Беларусь новой комплексной самостоятельной отрасли белорусского права – социальное право / И.В. Гуцин // Проблемы устойчивого развития региона: материалы респ. науч.-практ. конф., Могилев, 25 марта 2011 г. – Могилев: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. – 400 с.
8. Гуцин, И.В. Формирование в Беларуси новой комплексной отрасли права – социальное право, его влияние на качество юридического образования / И.В. Гуцин // Юридическое образование: традиции и инновации: сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; редкол.: Н.В. Сильченко [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 395 с.
9. Авдей, А.Г. Гарантии осуществления гражданами Республики Беларусь права на социальную защиту / А.Г. Авдей // Национальная безопасность: интересы личности, общества, государства: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 мая 2011 г. – Минск: Акад. МВД, 2011. – 288 с.
10. Всеобщая декларация прав человека / Правительство ООН в Республике Беларусь. – 2000. – 28 с.
11. Международная организация труда и права человека / авт.-сост. А.А. Войтик; рук. проекта А.Е. Вашкевич. – Минск: Тесей, 2002. – С. 36.
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией Генер. Ассамбл. ООН, 16 дек. 1966 г., № 2200 (XXI) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

13. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г., № 414-З: в ред. Закона Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

14. Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2009 г., № 45-З: в ред. Закона Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

15. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З: в ред. Закона Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

16. О ветеранах: Закон Респ. Беларусь, 17 апр. 1992 г., № 1594-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

17. О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах: Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2010 г., № 142-З: в ред. Закона Респ. Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

18. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-З: в ред. Закона Респ. Беларусь, 3 июня 2011 г., № 275-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Дата поступления статьи в редакцию 01.11.2012

«ГРУППА ЛИЦ» И «ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА» КАК НЕОБХОДИМЫЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ И ОСОБО КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ В СТАТЬЯХ 185 И 384 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ЛАПЦЕВИЧ И.И.,

аспирант Белорусского государственного университета,
помощник прокурора Фрунзенского района г. Минска

В статье исследуются актуальные теоретические и практические вопросы, касающиеся совместной деятельности виновных лиц при совершении принуждения (ст. 185 Уголовного кодекса Республики Беларусь) и принуждения к выполнению обязательств (ст. 384 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Отмечаются проблемы квалификации, связанные с совершением преступлений в соучастии; приводятся мнения ученых-юристов о необходимости дифференциации уголовной ответственности в случаях совершения преступления одним лицом, группой лиц, организованной группой. В заключении формируются предложения по совершенствованию законодательства в части закрепления квалифицирующего («группа лиц») и особо квалифицирующего («организованная группа») признаков принуждения и принуждения к выполнению обязательств.

The article provides investigation of theoretical and practical issues concerning joint actions of crime perpetrators while committing compulsion (article 185 of the Criminal Code of the Republic of Belarus) and compulsion to fulfil obligations (article 384 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). The author discusses the issues of qualification of crimes committed in complicity, cites scientist-lawyers' opinions about the necessity of differentiation of criminal liability when the crime is committed by a single person, by a group of persons or by an organized group. The author concludes with suggestions on how to improve the legislation by setting the «group of persons» as a characteristic and the «organized group» as a special characteristic of compulsion and compulsion to fulfil obligations.

Институт соучастия в преступлении является одним из самых важных и сложных в теории уголовного права. Вопросам соучастия посвятили работы В.Д.Спасович, Г.А.Кригер, М.И.Ковалев, Н.Г.Иванов, Ю.А.Красиков, Ю.И.Ляпунов, В.Алексеев, В.Быков, А.П.Козлов, С.Балеев и др.

Совершение преступления группой лиц предусмотрено законодателем в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Тем не менее, если данный признак не указан в диспозиции уголовно-правовой

нормы, то это вовсе не свидетельствует о том, что преступление не может быть совершено группой лиц. Данное обстоятельство применимо к принуждению (ст. 185 УК) и принуждению к выполнению обязательств (ст. 384 УК).

Диспозиция ст. 185 УК не содержит указание на какую-либо форму соучастия вовсе, и лица, совершившие данное преступление (единолично, группой лиц, организованной группой), несут уголовную ответственность в рамках одной санкции. Ст. 185 УК закрепляет общую норму по отношению к иным составам преступлений, предусматривающим принуждение в качестве

признака объективной стороны, и поэтому она должна как можно более полно учитывать различные варианты совершения данного преступления, в том числе и в соучастии.

В соответствии с частью 2 ст. 384 УК ответственность наступает за принуждение к выполнению обязательств только организованной группой. Группа лиц как квалифицирующий признак здесь не предусмотрен. Получается, что принуждение к выполнению обязательств единолично или группой лиц предполагает наступление уголовной ответственности по части 1 ст. 384 УК при прочих равных обстоятельствах совершения преступления. Кроме того, лицо, единолично принудившее к выполнению обязательств с применением насилия, находится на одной ступени с группой лиц и организованной группой, предпринявшими аналогичные действия. В свою очередь было бы несправедливо утверждать, что преступление, совершенное единолично, но с применением насилия или повторно (часть 2 ст. 384 УК), обладает более высокой степенью общественной опасности по сравнению с принуждением к выполнению обязательств группой лиц, но способами, предусмотренными частью 1 ст. 384 УК.

Пример 1. *Ш., применяя к потерпевшему Л. насилие (нанося многочисленные удары по телу), требовал со стороны последнего выполнения договорных обязательств и уплаты долга. В результате такого противоправного поведения Ш. причинил Л. легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья. Действия Ш. судом квалифицированы по части 2 ст. 384 УК, и назначено наказание в виде трех лет лишения свободы, на основании ст. 77 УК исполнение наказания отсрочено на два года (ранее Ш. к уголовной ответственности не привлекался) [1].*

Пример 2. *Р., Л. и П., угрожая применением насилия (угрозой переломать ноги, вывезти в лес и рытьем могилы), неоднократно (в течение суток) требовали от потерпевшего М. выполнения принятых на себя последним договорных обязательств и уплаты долга. Действия Р., Л. и П. судом квалифицированы по части 1 ст. 384 УК. За совершение данного преступления Р. и Л. судом назначено наказание в виде трех лет лишения свободы (Р. и Л. ранее привлекались к уголовной ответственности, судимости не сняты и не погашены в установленном законом порядке, кроме того, у Л. имелась не отбытая часть наказания за совершение предыдущего преступления), П. назначено наказание в виде штрафа [2].*

Сравнивая описанные примеры, сложно говорить о том, что преступление, совершенное единолично Ш., обладает более высокой степенью общественной опасности по сравнению с престу-

плением, совершенным группой лиц Р., Л. и П. (где действия всех участников были планомерными и согласованными, направленными на достижение единой преступной цели, присутствовало информирование участников группы о сделанных в отсутствие кого-либо из них действиях, осуществлялось совместное обсуждение средств достижения преступных целей и т.д.). Кроме того, самостоятельно действующий Ш. (ранее не судимый) и совершившие преступление группой лиц Р. и Л. (ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности) в целом получили одинаковое наказание в виде лишения свободы, а П. (действующий в составе группы лиц с Р. и Л.) и вовсе назначено наказание в виде штрафа. Также следует отметить, что санкция части 1 ст. 384 УК предоставляет суду широкий выбор наказания (штраф, арест, ограничение свободы, лишение свободы) и дает возможность более обстоятельно индивидуализировать ответственность в зависимости от характера и степени общественной опасности как самого совершенного преступления, так и лица, его совершившего, в то время как санкция части 2 указанной статьи является довольно строгой и предусматривает наказание только в виде лишения свободы.

Как показывает анализ судебной практики, принуждение и принуждение к выполнению обязательств совершаются единолично либо группой лиц.

Законодатель выделяет два варианта совершения преступления группой лиц:

1. совершение преступления группой лиц без предварительного сговора (часть 1 ст. 17 УК), когда соучастники не договариваются о совместном совершении преступления до начала его совершения. Вместе с тем при таком варианте соисполнительства сговор между соучастниками может возникнуть лишь в процессе исполнения объективной стороны преступления [3, с. 113]. Форма сговора может быть разной: словесной, в молчаливом согласии, выражена жестом, мимикой [4, с. 19];

2. совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (часть 2 ст. 17 УК), когда лица заранее договорились о совместном совершении соответствующего преступления. Соглашение между соисполнителями должно быть достигнуто до начала выполнения объективной стороны состава преступления, то есть на стадии приготовления к совершению преступления. При совершении преступления группой может существовать разделение ролей, но это разделение носит, как правило, технический характер и не означает наличие соучастия с разделением ролей [3, с. 113; 5, с. 112].

Принуждение и принуждение к выполнению обязательств могут быть совершены как группой лиц по предварительному сговору, так и

группой лиц без предварительного сговора. При этом следует учитывать, что участие нескольких лиц в совершении преступления по своему характеру и степени может быть различным. Однако совместность деяния будет налицо, когда преступление совершается общими, взаимно дополняемыми усилиями участников посягательства, что влечет за собой общий и единый для всех них объективный результат в виде причинения вреда охраняемым законом интересам [6, с. 8].

В соответствии с частью 3 ст. 64, отягчающее обстоятельство, предусмотренное статьей Особенной части УК в качестве признака преступления, не может учитываться при определении меры ответственности виновного. Поэтому с учетом существующих редакций ст.ст. 185 и 384 УК при совершении рассматриваемых преступлений группой лиц группа лиц по предварительному сговору может быть признана в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность виновного (пункт 11 части 1 ст. 64 УК).

Полагаем, что ст.ст. 185 и 384 УК требуют внесения изменений в части совершения рассматриваемых преступлений в соучастии, поскольку совершение преступления единолично, группой лиц и организованной группой представляет совершенно разную степень общественной опасности преступного деяния и, соответственно, уравнивание ответственности виновных лиц является неприемлемым. Л.Л.Кругликов и В.Н.Савинов отмечают, что повышенная общественная опасность групповых преступлений очевидна: при них возрастает вероятность возникновения самого посягательства, доведения его до конца, причинения вредных последствий, причинения большего вреда, чем при совершении того же преступления одним лицом. Отсюда вполне понятно и естественно включение той или иной разновидности признака «группа лиц» в составы преступлений, установление с их учетом новых пределов назначения наказания, повышенной санкции [7, с. 39].

П.А.Скобликов, А.И.Микрюков и И.В.Субботина рассматривают вопросы дифференциации уголовной ответственности при совершении преступления единолично и в соучастии на примерах ст. 330 «Самоуправство» и ст. 179 «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК Российской Федерации). Так, П.А.Скобликов, анализируя ст. 330 УК Российской Федерации, отмечает, что при существующей редакции данной уголовно-правовой нормы (группа лиц и организованная группа не предусмотрены в качестве признаков преступления) невозможно разграничить законопослушных граждан и участников преступных группировок, систематически совершающих самоуправные действия при осуществле-

нии своего криминального промысла по «выбиванию» долгов, ином решении имущественных споров. В результате необоснованно ужесточена ответственность не связанных с криминальной средой граждан, решившихся на самоуправные действия (сопровожаемые угрозой применения насилия к должнику) при урегулировании имущественных споров. В то же время действия участников организованных преступных группировок, не допустивших при истребовании долгов явных угроз применения насилия, не могут быть квалифицированы по части 2 ст. 330 УК Российской Федерации [8, с. 180; 9, с. 334].

А.И.Микрюков, рассматривая подобную ситуацию на примере ст. 179 УК Российской Федерации, отмечает, что квалифицирующим признаком данной уголовно-правовой нормы является совершение преступления организованной группой. Это означает, что следователь или прокурор при расследовании уголовного дела должен будет доказывать наличие в группе именно признаков организованности. Если же по уголовному делу такие признаки не установлены или не доказаны, но преступление совершено тем не менее группой, то привлечь преступников за групповое преступление будет невозможно. Поэтому автор предлагает группу лиц по предварительному сговору предусмотреть в качестве квалифицирующего признака, а организованную группу сделать особо квалифицирующим признаком ст. 179 УК Российской Федерации [10, с. 45].

И.В.Субботина, проводя в своей диссертационной работе анализ ст. 179 УК Российской Федерации, указывает, что принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения организованной группой существенным образом повышает степень общественной опасности преступления, и установление повышенной ответственности в пункте в) части 2 ст. 179 УК Российской Федерации следует признать вполне обусловленным. Однако автор считает, что последовательная и логичная дифференциация уголовной ответственности за групповое принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения предполагает установление различной наказуемости такого рода преступных деяний в зависимости от формы соучастия, в связи с чем предлагает в части 2 ст. 179 УК Российской Федерации установить ответственность за совершение рассматриваемого преступления группой лиц по предварительному сговору, а его совершение организованной группой признать особо квалифицирующим признаком в части 3 ст. 179 УК Российской Федерации [11, с. 148–150].

Полагаем, что приведенные суждения приемимы также к ст.ст. 185 и 384 УК. Данные мнения интересны не только в теоретическом аспекте, но и с точки зрения возможности их

практического применения в изложенных законодательством уголовно-правовых нормах.

В целом конструирование квалифицирующих составов преступлений осуществляется не спонтанно, а в соответствии с определенными правилами (относящимися к содержанию и форме). Л.Л.Кругликов и О.Е.Спиридонова, анализируя такие правила применительно к УК Российской Федерации, указывают, что чаще всего при построении квалифицированных составов «по вертикали» используется ряд связок, одна из которых «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору – организованной группой». Первое звено в этой связке (совершение преступления группой лиц по предварительному сговору) обуславливает выделение квалифицированных видов посягательств, а второе (совершение преступления организованной группой) обосновывает выделение особо квалифицированных видов преступлений. Такая ступенчатость выглядит вполне логичной и оправданной, ибо с появлением второго звена связки происходит резкий скачок в уровне (типовой степени) общественной опасности преступного поведения и возникает необходимость в установлении новых законодательных пределов наказуемости [12, с. 98–99, 126–127].

Т.А.Лесниевски-Костарева проведя системный анализ санкций УК Российской Федерации, для определения пределов изменения типового наказания квалифицирующими признаками, относящимися к блоку «группа лиц» («группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору», «организованная группа лиц»), указывает, что различные признаки, входящие в блок (например, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа; группа лиц и два названных признака), нередко закрепляются в одной части статьи и, следовательно, одинаково влияют на типовое наказание. Тем не менее, по убеждению автора, квалифицирующие признаки, отражающие существенно различный уровень общественной опасности, должны влечь

различное изменение типового наказания [13, с. 333–337].

В УК 1960 года по части 2 ст. 151-6 «Принуждение к заключению договора или выполнению обязательств» наступала уголовная ответственность за совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, а по части третьей – организованной группой. Преемственность сохранится в действующем уголовном законе: в части 2 ст. 246 «Принуждение к заключению сделки или к отказу от ее совершения» УК содержится квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору», а в части 3 – особо квалифицирующий признак «организованная группа». Выделение квалифицирующего признака «группа лиц по предварительному сговору» и особо квалифицирующего признака «организованная группа» позволяет лучшим образом дифференцировать уголовную ответственность в рамках уголовно-правовой нормы.

Таким образом, полагаем необходимым дифференцировать уголовную ответственность за принуждение и принуждение к выполнению обязательств в зависимости от формы соучастия (группа лиц, организованная группа). Такая дифференциация является логичной и будет соответствовать приведенным требованиям к конструированию квалифицирующих и особо квалифицирующих составов преступлений.

В целях дальнейшего совершенствования законодательства и практики его применения, постановки и теоретического обсуждения вопроса предлагаем:

1. статью 185 УК дополнить частью 2, в которой «группу лиц» определить в качестве квалифицирующего признака, а также частью 3 – с особо квалифицирующим признаком «организованная группа»;

2. в части 2 ст. 384 УК в качестве квалифицирующего признака предусмотреть «группу лиц» и, соответственно, «организованную группу» как особо квалифицирующий признак поместить в часть 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив суда Оршанского района и г. Орши за 2010 г. – Уголовное дело № 1-253/10.
2. Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2005 г. – Уголовное дело № 1-739/05.
3. Правила регистрации, учета и квалификации преступлений: науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / Н.А. Бабий [и др.]; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; под общ. ред. Н.А. Бабия. – Минск: Тесей, 2008. – 744 с.

4. Филатов, А.М. Ответственность за посягательства на личную собственность / А.М. Филатов. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
5. Шевцов, Ю.Л. Уголовно-правовая борьба с вымогательством имущества (по материалам Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.Л. Шевцов. – Минск, 1992. – 157 л.
6. Безбородов, Д. О понятии «общий результат» в совместно совершенном преступлении / Д. Безбородов // Уголов. право. – 2006. – № 6. – С. 8–10.
7. Кругликов, Л.Л. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений: учеб. пособие / Л.Л. Кругликов, В.Н. Савинов. – Ярославль: Яросл. ун-т, 1989. – 88 с.
8. Скобликов, П.А. Самоуправство при решении имущественных споров: вопросы уголовно-правового противодействия / П.А. Скобликов // Изв. вузов. Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 173–182.
9. Скобликов, П.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованными и иными криминальными проявлениями в сфере имущественных споров в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / П.А. Скобликов. – М., 2001. – 410 л.
10. Микрюков, А.И. Уголовно-правовая охрана гражданско-правовых сделок. Проблемы совершенствования законодательства / А.И. Микрюков // Закон и право. – 2005. – № 3. – С. 44–46.
11. Субботина, И.В. Уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.В. Субботина. – Пятигорск, 2006. – 197 л.
12. Кругликов, Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, О.Е. Спиридонова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 336 с.
13. Лесниевски-Костарева, Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М., 2003. – 493 л.

Дата поступления статьи в редакцию 21.09.2012

УДК 343.772(476)

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ЕРМОЛИНСКИЙ П.М.,

профессор кафедры частного права Международного университета «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент

Исполнилось 12 лет со вступления в законную силу действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь. Несмотря на то что названный Закон в целом соответствует требованиям текущего дня, законодательная практика требует постоянного изучения, осмысления и совершенствования.

Настоящая статья посвящена исследованию института незаконной добычи рыбы или других водных животных в целях сохранения биоразнообразия Республики Беларусь.

It had passed 11 years since the date when Criminal Code of the Republic of Belarus came into effect. In spite of the fact that the Criminal Code in common complies with modern requirements, lawmaking practice requires constant study, understanding, improvement.

The present article is dedicated to research of illegal fishing or capturing shellfishes institute in purpose of biodiversity preservation in The Republic of Belarus.

Охрана окружающей природной среды в настоящее время является одной из важных проблем национального и международного уровней. Составной ее частью являются вопросы, решение которых необходимо в целях регулирования охраны и использования животного мира, в том числе рыбы и других водных животных.

За последние десятилетия рыбные ресурсы Республики Беларусь существенно снизились. Одной из причин уменьшения сырьевых ресурсов внутренних водоемов является лов рыбы с нарушением Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 года «О животном мире» (далее – Закон «О животном мире») [4], Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты и Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими» (далее – Правила ведения рыболовного хозяйства и рыболовства) [5].

В соответствии с Конвенцией о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г., которая

вступила в силу для Республики Беларусь 29 декабря 1993 г., сохранение биологического разнообразия является общей задачей всего человечества и государства обязаны обеспечивать сохранение биологического разнообразия и устойчивое использование своих биологических, в том числе водных, ресурсов [6].

Правовое регулирование охраны рыбы и других водных животных осуществляется в следующих кодексах и законах Республики Беларусь:

- в Водном кодексе Республики Беларусь [7];
- в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года «Об охране окружающей среды» (в редакции Закона Республики Беларусь от 2 июля 2009 года) [8];
- в Законе Республики Беларусь от 20 октября 1994 года «Об особо охраняемых природных территориях» (в редакции Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года) [9].

Помимо рассмотренных законов имеется ряд подзаконных нормативных правовых актов в исследуемой области.

Так, в целях охраны водных животных, относящихся к редким и находящимся под угрозой

исчезновения видам диких животных, а также к видам диких животных, подпадающим под действие международных договоров, ратифицированных Республикой Беларусь, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 января 2008 г. № 126 утверждены Положения о порядке и условиях регистрации содержащихся и (или) разведенных в неволе диких животных (включая их потомство, достигшее возраста трех месяцев), относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, либо являющихся образцами СИТЕС [10], и Правила регулирования распространения и численности диких животных [11].

Для обеспечения оптимальной численности в природной среде водных животных и их устойчивого возобновляемого использования национальным законодательством установлены нормативы, лимиты, квоты и иные нормы изъятия водных животных, которые определяют на основании Инструкции о порядке проведения мониторинга животного мира, утвержденной постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 11 апреля 2008 г. № 32 [12].

Из содержания этих нормативных правовых актов, а также действующего природоресурсного законодательства в целом вытекает ряд мер, которые мобилизуют общественное внимание к охране рыбных запасов. Проводятся мероприятия организационного порядка, осуществляется борьба с нарушителями правил рыболовства, охрана рыбных запасов при помощи мер общественного воздействия и принудительных мер государственного характера.

Диспозиция ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Незаконная добыча рыбы или других водных животных» носит бланкетный характер, то есть представляет возможность государственным органам самостоятельно устанавливать запреты в названной сфере [2].

Рассмотрим состав этого преступления в разрезе объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны преступления.

Проблема объекта преступления является одной из основных, самых сложных и спорных в теории уголовного права. Теория уголовного права исходит из того, что объектом любого преступления являются общественные отношения, посягающие на рассматриваемый объект. Исследование объекта преступления необходимо для более углубленного понимания общественной опасности преступных посягательств на охрану природных объектов. Истребляя рыбу, ее молодь, личинки и тому подобное, браконьеры тем самым причиняют ущерб общественным отношениям в области рационального использования рыбных запасов и запасов водных животных как компонентов окружающей среды.

Указанные общественные отношения опосредуют функционирование системы «человек – окружающая среда», включающей как пользование природными ресурсами, так и целенаправленное воздействие человека на природу, в целях сохранения рыбных запасов для настоящего поколения и преумножения их для потомков.

Общественная опасность рассматриваемого преступления заключается не только в нарушении экологической безопасности при использовании животного мира как компонента окружающей среды, но и является своеобразной «питательной средой» для таких преступлений, как преступления против здоровья населения (например, добыча рыбы в зоне отчуждения Чернобыльской атомной электростанции). Если же при добыче рыбы используются взрывчатые либо химические вещества, то объектом преступления посягательства также становятся и отношения по поводу общественной безопасности.

Совершая браконьерство на территории заповедников и других участках окружающей среды, имеющих экологическое, научное и культурно-просветительное значение, виновные наносят ущерб общественным отношениям в области использования ихтиофауны в зоне особо охраняемых природных территорий.

Предметом как составной частью объекта преступления являются рыба или водные животные, обитающие в воде и имеющие для этого характерные приспособления: раки, моллюски, дафнии, хирономиды (мотыль) и другие, – воздействуя на которые лица посягают на те или иные общественные отношения.

Согласно пункту 2 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства, вид рыбы – это таксономическая единица, генетически и (или) репродуктивно изолированная совокупность особей рыбы, образующих популяцию, обладающих общими морфологическими признаками, занимающих общий (сплошной и частично разорванный) ареал [5].

Согласно же ст. 1 Водного кодекса Республики Беларусь, водные животные – это дикие животные (рыбы и водные беспозвоночные), обитающие в воде и имеющие для этого характерные приспособления [7].

К диким животным, являющимся объектами рыболовства, относятся все виды рыбы, раков, креветок, миног, относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь [5].

Согласно пункту 58 ст. 1 Закона «О животном мире», рыболовство – это поиск, попытка добычи и (или) добыча рыбы, обитающей в условиях естественной свободы [4].

Не относится к добыче рыбы и других водных животных изъятие водных животных из среды обитания с сохранением их жизни.

Отлов водных животных может осуществляться в научных, образовательных, рекреационных целях, в целях содержания и (или) разведения в неволе либо в целях вселения, интродукции, реинтродукции, акклиматизации, скрещивания этих животных.

Рыболовство с нарушением Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства либо иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы охраны и использования рыбы и среды ее обитания, в пункте 2 Правил ведения рыболовного хозяйства и рыболовства называется браконьерством [5].

В теории уголовного права под объективной стороной преступления понимается совокупность предусмотренных законом признаков, характеризующих внешне проявления общественно опасного деяния, посягающего на объекты уголовно-правовой охраны, а также объективные их условия (место, время, способ и обстановку), с которыми связано преступное посягательство. Обязательным признаком объективной стороны для состава преступления является общественно опасное деяние.

Согласно части 1 ст. 281 УК предусматривается ответственность за добычу рыбы или других водных животных без надлежащего на то разрешения, либо в запретное время, либо в недозволенных местах, либо недозволенными орудиями, способами и приемами. Преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий, то есть данное деяние образует формальный состав преступления.

Незаконная добыча рыбы или других водных животных, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (часть 3 ст. 281 УК), образует также и формальный состав преступления.

В части 2 ст. 281 УК отмечается, что незаконная добыча рыбы или других водных животных, повлекшая причинение ущерба в крупном размере, либо добыча рыбы или других водных животных, заведомо для виновного занесенных в Красную книгу Республики Беларусь, признается оконченным составом преступления с момента наступления указанных последствий, то есть в этом случае состав будет материальным. Если те же действия совершаются в особо крупном размере, то состав будет также материальным и квалифицировать его следует по части 3 ст. 281 УК.

Для правильной квалификации данного преступления необходимо разграничить следующие понятия: добыча рыбы и других водных животных, добыча в запретное время, добыча в недозволенных местах, недозволенные способы и приемы добычи.

Под добычей следует понимать процесс улова, отлова либо иного изъятия из природной сре-

ды рыб и других водных животных, имеющий своим результатом фактическое обладание предметом добычи.

Добыча в запретное время выражается в том, что она производится в сроки, запрещенные для лова определенных видов рыб или других водных животных, либо в то время, когда любая рыбная ловля или добыча водных животных запрещается. К примеру, продолжительность запрета (ограничения) промыслового и любительского рыболовства в период весеннего нереста во всех водоемах на все виды рыб составляет не менее 60 дней.

Добыча в недозволенных местах представляет собой лов рыбы (водных животных) в местах, запрещенных соответствующими нормативными правовыми актами (например, в водоемах заповедников и заповедных зон национальных парков, в местах нереста или на миграционных путях к ним).

К недозволенным орудиям улова относятся, прежде всего, обычные сети и бредни.

К опасным способам рыбной ловли относят применение взрывчатых веществ и электрического тока, которые приводят к массовой гибели рыбы и других водных животных, их травлению, уничтожению мальков, молоди либо икры. Запрещено применение колющих орудий (багров, острог, копий и т.д.). Например, использование хитроумной крючковой снасти, изготовленной из 90–100 крупных крючков, сделанных из особо прочных углеродистых электродов, которые, впиваясь как жало, жертву уже не отпускают. Крепится все это на двух якорях и держится на поплавках. Раненая этим устройством рыба уходит глубоко под воду, где погибает.

Запрещено также использование огнестрельного и пневматического оружия (за исключением ружей и пистолетов для подводной охоты) [13].

Существенное значение для квалификации преступления имеет размер нанесенного ущерба (крупный размер на сумму, в 40 и более раз превышающую размер базовой величины, а особо крупный – в 100 и более раз превышающую размер базовой величины на день совершения преступления) [2].

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного частью 1 ст. 281 УК, является время совершения преступления в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение.

Определение субъективных признаков данного преступления необходимо при решении вопросов о квалификации преступления.

Как считают некоторые ученые (А.И.Лукашов и др.), данное преступление совершается только с прямым умыслом. Однако оно может совершаться и с косвенным умыслом. Напри-

мер, когда лицо намеревается выловить рыбу, используя взрывчатые вещества, причиняя своими действиями крупный ущерб значительному количеству водных животных. К их гибели субъект преступления относится безразлично, и такое общественно опасное деяние в уголовном праве признается как совершенное с косвенным умыслом. Из этого следует, что данное преступление совершается умышленно, как с прямым, так и косвенным умыслом.

Общим субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, ранее привлекавшееся к административной ответственности [3].

Специальным субъектом данного преступления являются должностные лица рыбопромышленных предприятий и рыбохозяйственных организаций, занимающихся отловом рыбы для акклиматизации, рыборазведения или контроля лова, а также научно-исследовательских учреждений, вылавливающих рыбу для

научных целей, и должностные лица, призванные осуществлять контроль и надзор за использованием ихтиофауны Республики Беларусь.

В ст. 55 Конституции Республики Беларусь закреплен долг каждого гражданина охранять окружающую среду [1]. Мы исходим из того, что действующие нормы природоохранного законодательства должны быть направлены на пресечение деятельности, которая причиняет или способна причинить вред окружающей среде и составляющим ее компонентам.

Только такой подход, по нашему мнению, принципиально меняет представление об общественной опасности исследованных преступлений в отношении незаконной добычи рыбы и других водных животных, переводит их из хозяйственной сферы в сферу обеспечения выживания человека как биологического вида, сохранения окружающей его среды обитания на благо настоящего и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск: Беларусь, 2004. – 92 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 76. – 2/50; 2006. – № 122. – 2/1259.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г. – Минск: Амалфея, 2003.
4. О животном мире: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3 [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://www.spravka-jurist.com>. – Дата доступа: 13.01.2013.
5. Правила ведения охотничьего хозяйства и охоты. Правила ведения рыболовного хозяйства и рыболовства. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 208 с.
6. Конвенция от 5 июня 1992 г. о биологическом разнообразии // Международное право в документах: учеб. пособие / сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2002. – 824 с.
7. Водный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 18 июня 1998 г.: одобрен Советом Респ. 29 июня 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 2 июля 2009 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 2 июля 2009 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
9. Об особо охраняемых природных территориях: Закон Респ. Беларусь, 20 окт. 1994 г., № 3335-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
10. Положение о порядке и условиях регистрации содержащихся и (или) разведенных в неволе диких животных (включая их потомство, достигшее возраста трех месяцев), относящихся к видам, включенным в Красную книгу Республики Беларусь, либо являющихся образцами СИТЕС: утв. по-

становлением Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2008 г., № 126 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 32. – 5/26736.

11. Правила регулирования распространения и численности диких животных: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2008 г., № 126 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 32. – 5/26736.

12. Инструкция о порядке проведения мониторинга животного мира: утв. постановлением М-ва природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 11 апр. 2008 г., № 32: в ред. постановления М-ва природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь от 31 марта 2009 г. № 13 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 105. – 8/18656.

13. Ермолинский, П.М. Лесонарушения и проблемы борьбы с ними: моногр. / П.М. Ермолинский. – 2-е изд. – Минск: Тесей, 2011. – 278 с.

Дата поступления статьи в редакцию 13.01.2013

СИСТЕМА ТИПОВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

МАРКОВА О.В.,

доцент кафедры криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

КУЛИКОВСКАЯ А.И.,

адъюнкт научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Через призму ситуационного подхода рассматривается деятельность по расследованию уголовных дел о преступлениях транснационального характера. С учетом специфики преступлений рассматриваемой группы, а также условий, в которых проводится расследование, определяются факторы, детерминирующие ситуационный характер этой деятельности. Уделяется внимание выявлению и анализу системы типовых следственных ситуаций по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, возникновение которых обусловлено необходимостью соблюдать в ходе расследования требования двух и более национальных правовых систем. Рассматривается содержание каждой из выделенных типовых следственных ситуаций, а также уровень определяемых ими задач.

The activity on the investigation of criminal cases involving crimes of a transnational nature is considered through the prism of the situational approach. Given the nature of socially dangerous acts of this group, as well as the circumstances in which the investigation is pursued, the factors that cause the situational nature of this activity are determined. The attention is paid to the identification and analysis of the system of the typical investigative situations in criminal cases involving crimes of a transnational nature, arising from the interaction of different national legal systems. The strategic or tactic level of the aims that are determined by each typical investigative situation is defined.

К вопросу об использовании ситуационного анализа в криминалистических исследованиях и практической деятельности правоохранительных органов неоднократно обращались Р.С. Белкин, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимов, И.М. Лузгин, В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблочкин и др. Развитие научных взглядов в этом направлении послужило основой для формирования теории следственных ситуаций [1] и криминалистической ситуалогии [2–5]. Интенсивно ситуационный подход используется и в работах исследователей на современном этапе [6–9]. Его благотворное влияние на разрешение многих теоретических, прикладных проблем раскрытия и расследования преступлений отмечали многие ученые-криминалисты [2, с. 6; 6, с. 3; 10, с. 6, 27; 11, с. 90]. В то же время относительно расследования преступлений транснационального харак-

тера это направление детальному исследованию не подвергалось, что закономерно негативным образом сказывается на криминалистическом обеспечении практических работников научно-методической базой.

Как точно подметила Н.Л. Гранат, «следственная ситуация – сложное, многогранное, многоуровневое явление, имеющее множество аспектов и соответственно могущее быть определено по-разному в зависимости от цели субъекта, дающего такое определение» [10, с. 36].

Следственная ситуация как криминалистическая категория рассматривалась в различных научных публикациях [11, с. 47; 12, с. 27; 13, с. 11]. Она представляет собой сложную систему в результате вариативных комбинаций компонентов информационного, процессуально-

го, тактического, организационно-технического характера и др. [8, с. 13; 10, с. 57; 14, с. 72]. Ее содержание детерминировано воздействием различных объективных и субъективных факторов, все многообразие которых Т.С. Волчецкая представила в виде трех групп: а) относящиеся к расследуемому деянию и свидетельствующие о степени осведомленности следователя о преступлении; б) характеризующие систему расследования, его процессуальное, тактическое состояние и т.д.; в) относящиеся к внешней среде, обстановке, в которой ведется расследование [2, с. 98–103]. В то же время две последние имеют тесную взаимосвязь. Как считает В.А. Образцов, любая система социального порядка при взаимодействии со средой «использует, объединяет, интегрирует элементы последней, преобразует их соответственно собственной природе» [15, с. 40].

Следственные ситуации как криминалистические категории по своему объему значительно уже конкретных следственных ситуаций, которые складываются на практике, и представляют собой «наиболее значимые и типичные характеристики» обстоятельств, определяющих характер необходимых действий следователя на том или ином этапе расследования [16, с. 232]. Выделение следственных ситуаций в теории происходит на основе одного из составляющих конкретную следственную ситуацию компонентов, а точнее «лишь по одному из образующих этот компонент элементов» [14, с. 73]. Для определения следственных ситуаций в криминалистической науке используются термины «типичные» и « типовые », которые, по мнению ряда авторов, не могут быть использованы как синонимы [2, с. 106–107; 7, с. 21]. Так, типичными, как правило, называются наиболее часто повторяющиеся в практике расследования преступлений объективные положения [10, с. 57]. В то же время следственные ситуации, характерные для расследования преступлений определенных вида, группы, относят к типовым [10, с. 72]. Отнесение их к типовым – результат «отвлечения от частностей» [3, с. 15; 17, с. 7] и научного обобщения «существенных отличительных признаков, общих для определенной группы реальных ситуаций» [10, с. 12].

Для преступлений транснационального характера свойственно выделение именно типовых следственных ситуаций, обладающих универсальной степенью общности для различных видов охватываемых общественно опасных деяний, которые являются основой для разработки методических рекомендаций, направленных на решение конкретных групповых задач расследования. Чтобы разработанные методические рекомендации имели практическое значение, в процессе выделения типовых следственных ситуаций необходимо отталкиваться от аспек-

тов, которые обуславливают сходство различных преступлений и лежат в основе комплексирования последних в одну группу [10, с. 74]. Некоторые исследователи отмечают детерминированность возникающих типовых следственных ситуаций особенностями вида, группы преступлений [2, с. 87; 7, с. 10].

Обстоятельством, объединяющим различные преступления в одну группу по признаку наличия транснационального характера, является связь каждого из них с территориями двух или более государств, юрисдикции которых ограничены, то есть с точками пространства, в которых функционируют различные национальные правовые системы. В связи с этим следовая и иная криминалистически значимая информация, необходимая для познания преступного деяния и доказывания по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой группы, также находится на территориях различных государств. Это обстоятельство является ключевым в определении типовых следственных ситуаций при расследовании преступлений транснационального характера.

Кроме того, анализ теоретического материала и практического опыта расследования уголовных дел рассматриваемой группы преступлений дает возможность выделить ряд типовых следственных ситуаций, простое перечисление которых не позволяет в полной мере раскрыть их специфическое значение для процесса расследования. Поэтому все они представлены и детально рассмотрены в системе с учетом детерминирующих их факторов и определяемых ими задач (см. схему).

Итак, первым фактором, детерминирующим типовые следственные ситуации по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, является информация, относящаяся к расследуемому деянию [2, с. 99; 10, с. 57]. В данном случае важное значение имеет то, какая необходимая для познания и доказывания информация находится за рубежом. Этот фактор позволяет выделить следующие типовые следственные ситуации, связанные с нахождением на территории иностранного государства данных в объеме, позволяющем установить и познать:

1) отдельные действия, приемы, операции, составляющие способ совершения расследуемого деяния и отражающие транснациональную связь;

2) отдельные явления, процессы и лица, к ним причастные, детерминировавшие совершение расследуемого деяния и установление транснациональной связи;

3) состояние отдельных объектов, предметов и процессов окружающего мира, явившихся следствием расследуемого деяния и опосредованных к нему транснациональной связью;

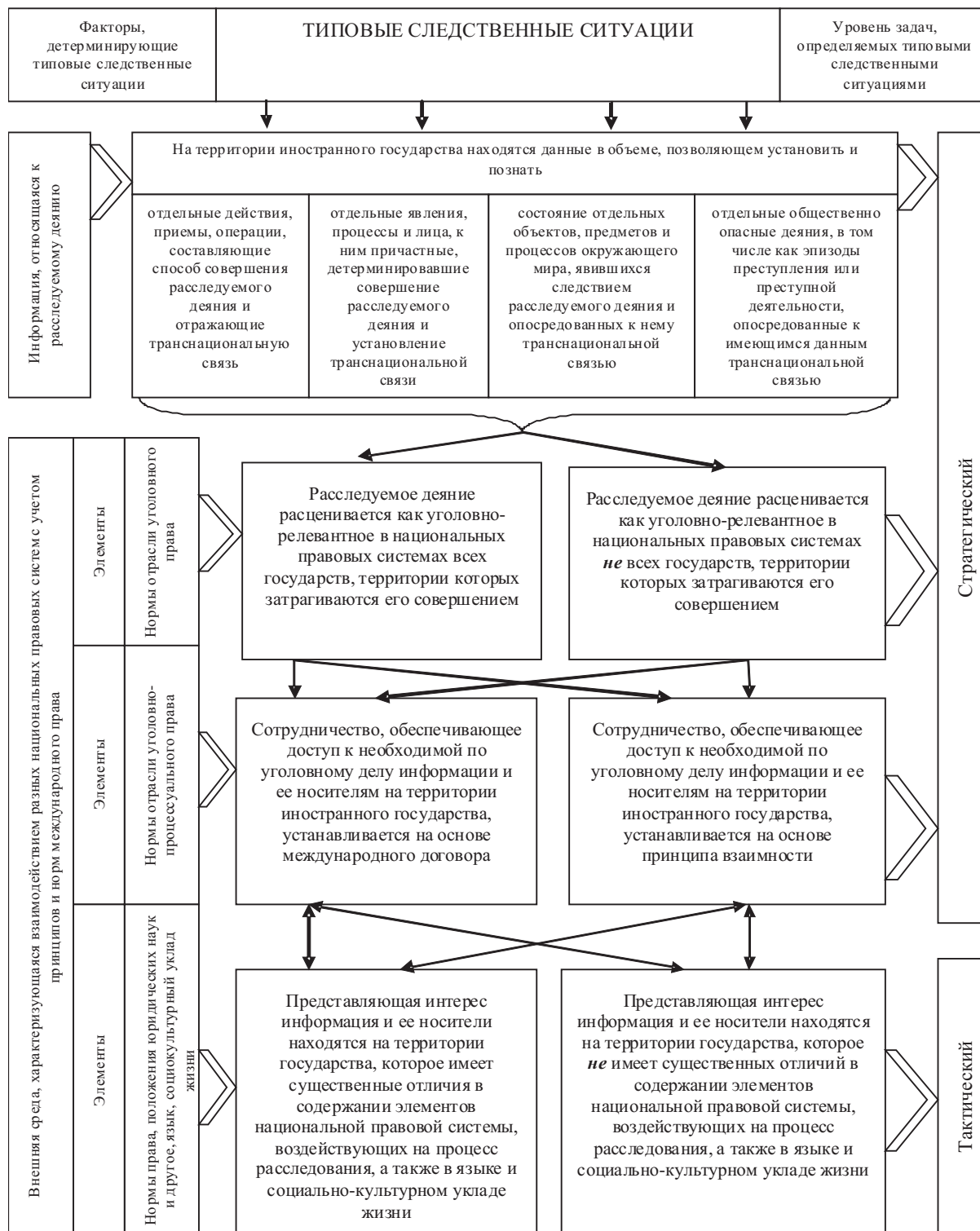

Схема. Система типовых следственных ситуаций, возникающих по уголовным делам о преступлениях транснационального характера

4) отдельные общественно опасные деяния, в том числе как эпизоды преступления или преступной деятельности, опосредованные к имеющимся данным транснациональной связью.

Указанные типовые следственные ситуации ставят перед лицом, ведущим уголовный процесс, общие задачи, которые конкретизируются с учетом признаков расследуемого вида преступлений.

Вторым фактором, детерминирующим следственные ситуации по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, является внешняя среда, характеризующаяся взаимодействием разных национальных правовых систем с учетом принципов и норм международного права. Данный фактор является достаточно объемным по своей природе, поскольку каждая национальная правовая система включает обширный круг составляющих: нормы отраслей уголовного и уголовно-процессуального права, положения юридических наук, правоприменительную практику и другие элементы, которые непосредственно влияют как на уголовную политику, так и на содержание деятельности по расследованию преступлений. Поэтому в научных целях рассматриваемый нами фактор нуждается в детализации. Очевидно, это позволит выделить существенные, информационно значимые для расследования обстоятельства.

Целесообразно более подробно остановиться на рассмотрении отдельных элементов внешней среды как результатов взаимодействия национальных правовых систем различных государств.

Ведущим элементом, предопределяющим типовые следственные ситуации по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, следует назвать нормы отрасли уголовного права каждой страны относительно криминализации расследуемого деяния. Так, «понятие преступного – это всегда оценочное понятие» [18, с. 6], которое находит свое отражение в нормах уголовного права, закрепленных в Уголовном кодексе отдельно взятой страны. При этом «преступление отличается от других правонарушений <...> степенью общественной опасности» [18, с. 13]. В каждом же социально-культурном обществе, а следовательно, и в каждой отдельно взятой стране критерии оценки степени общественной опасности деяния являются различными. Поэтому не всегда определенное деяние, криминализируемое в одном государстве, признается уголовно наказуемым в другом, либо имеют место разные взгляды на степень уголовной ответственности за его совершение. Однако наличие противоположных взглядов на правовую природу конкретного деяния не освобождает правоохранительные органы той страны, территорию которой это деяние затрагивает

и в которой оно признается преступным, от осуществления надлежащего расследования и привлечения виновного лица к ответственности. В то же время ничто не обязывает страну, занимающую противоположную позицию относительно криминализации деяния, каким-либо образом участвовать в его расследовании или содействовать ему.

Следовательно, в результате взаимодействия национальных правовых систем в части норм отрасли уголовного права можно выделить две типовые следственные ситуации по делам о преступлениях транснационального характера:

1) когда расследуемое деяние расценивается как уголовно-релевантное в национальных правовых системах всех государств, территории которых затрагиваются его совершением;

2) когда расследуемое деяние расценивается как уголовно-релевантное не во всех национальных правовых системах государств, территории которых затрагиваются его совершением.

Как указывал еще в XIX веке И.А.Ивановский, обобщив взгляды своих предшественников и современников, обстоятельства второй выделенной ситуации могут не приниматься во внимание, если государство, в котором деяние признается уголовно наказуемым, заинтересовано в информации, могущей оправдать преследуемое лицо, то есть служащей интересам установления справедливости [19, с. 100]. Примечательно, что специалисты некоторых стран принцип двойной преступности деяния, отражающий обстоятельство первой выделенной ситуации, считают скорее договорным, чем универсальным принципом международного уголовного права [20, с. 124]. Так, возможность в организации эффективного расследования по уголовному делу о преступлении транснационального характера присутствует в каждой из выделенных ситуаций, хотя в первой из них ее доля значительно больше.

Другим элементом, предопределяющим типовые следственные ситуации по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой группы, являются нормы отрасли уголовно-процессуального права каждой страны. Они устанавливают в иностранстве своего действия допустимые формы и методы расследования, а также круг компетентных органов и лиц, уполномоченных проводить следственные и иные процессуальные действия. В связи с этим возникает необходимость в сотрудничестве со специальными организациями, компетентными учреждениями и лицами, уполномоченными получать необходимую по уголовному делу информацию и взаимодействовать с ее носителями на территории иностранного государства. На этапе формирования желаемых отношений можно говорить о возникновении следующих типовых следственных ситуаций:

1) сотрудничество, обеспечивающее доступ к необходимой по уголовному делу информации и

ее источникам на территории иностранного государства, устанавливается на основе международного договора;

2) сотрудничество, обеспечивающее доступ к необходимой по уголовному делу информации и ее источникам на территории иностранного государства, устанавливается на основе принципа взаимности.

Следует отметить, что если заключенный Республикой Беларусь международный договор об оказании правовой помощи по уголовным делам содержит положение принципа двойной преступности деяния, то в ряде случаев сделать запрос о необходимом сотрудничестве с компетентными органами и лицами на территории зарубежного государства на его основе не представляется возможным.

Разрешение же таких ситуаций наступает в результате получения из-за рубежа информации и (или) ее носителей, представляющих интерес по уголовному делу. Решаемые в условиях указанных типовых следственных ситуаций задачи связаны с необходимостью приведения в систему деятельности следователя и сотрудничающих с ним других участников расследования, а также с упорядочением структуры такой деятельности, поэтому носят организационно-управленческий характер [1, с. 7]. Так, принцип взаимности только предполагает достижение согласия на различных условиях о сотрудничестве, обеспечивающем доступ к необходимой по уголовному делу информации и ее носителям на территории иностранного государства. Международный договор об оказании правовой помощи по уголовным делам между странами, чьи территории затронуты преступлением транснационального характера, уже свидетельствует о наличии такого согласия. Кроме того, он определяет возможные формы, виды и процедурные механизмы сотрудничества, поэтому первая выделенная ситуация содержит в себе большой потенциал для разрешения возникших проблем.

Складывающиеся в ходе расследования положения, во многом определяемые обстоятельствами, облегчающими или затрудняющими и даже делающими невозможным достижение конечных целей расследования, учеными-криминалистами предложено относить к ситуациям, имеющим стратегический характер [21, с. 172; 22, с. 140]. Это в полной мере относится ко всем выделенным выше типовым следственным ситуациям, детерминированным разными факторами и их элементами. Соответственно, уровень, на котором возникают решаемые в условиях таких ситуаций задачи расследования, можно назвать стратегическим.

Менее масштабны по своей сути задачи тактического уровня, которые, как правило, имеют место при производстве следственных действий, тактических операций. Следственные ситуации,

характеризующие обстановку расследования в таких случаях, принято считать частными, или тактическими [10, с. 6–7, 41]. На данном уровне по уголовным делам о преступлениях транснационального характера главным является получение информации и (или) ее носителей, находящихся на территории иностранного государства и представляющих интерес для уголовного дела, в полном объеме и надлежащего качества. Специфические особенности элементов внешней среды, характеризующейся взаимодействием разных национальных правовых систем, а также существующие между государствами различия в социально-культурном укладе жизни и языке часто ставят ряд проблем в достижении указанной цели. Так, существенные различия в криминалистическом обеспечении, оперативно-розыском сопровождении и уголовно-процессуальном регулировании порядка получения необходимых фактических данных могут стать причиной затруднения в оценке допустимости их дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовным делам в другой стране. Кроме того, представитель компетентных органов иностранного государства, которому поручено проведение конкретных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий в рамках международного сотрудничества, может сталкиваться с трудностями, обусловленными полным или частичным отсутствием у него данных о различных обстоятельствах по уголовному делу, или с логико-познавательными барьерами [1, с. 7]. В результате собранная им информация может не иметь существенного значения для дальнейшего расследования или объем ее быть не полным. Причиной искажения необходимой информации в процессе ее восприятия и передачи от первоисточника лицу, ведущему уголовный процесс, может стать также наличие звеньев цепочки в лице представителей иностранного государства и переводчиков. Некоторые из указанных проблем более подробно рассмотрены в предыдущей работе [23]. Следовательно, относительно того государства, где находится основное производство по уголовному делу, имеют место следующие типовые следственные ситуации:

1) представляющая интерес информация и ее носители находятся на территории государства, которое имеет существенные отличия в содержании элементов национальной правовой системы, воздействующих на процесс расследования, а также в языке и социально-культурном укладе жизни;

2) представляющая интерес информация находится на территории государства, которое не имеет существенных отличий в содержании элементов национальной правовой системы, воздействующих на процесс расследования, а также в языке и социально-культурном укладе жизни.

Первая выделенная ситуация чаще сопряжена с тактико-управленческими трудностями вследствие сложности организации и проведения конкретных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, когда предпринятые меры не гарантируют обязательного достижения намеченных целей, а в ряде случаев не исключают риска наступления дополнительных негативных последствий [1, с. 7]. Очевидно, вторая выделенная ситуация относительно указанных обстоятельств является более благоприятной. Также следует отметить, что обстоятельства выделенных типовых следственных ситуаций в определенном роде предопределяют наиболее целесообразные с точки зрения эффективности расследования формы, виды и способы сотрудничества, обеспечивающего доступ к необходимой по уголовному делу информации и ее носителям.

Таким образом, наличие закономерных структурных связей между всеми выделенными типовыми следственными ситуациями позволяет констатировать их систему как единство важных для расследования объективных обстоятельств, каждое из которых определяет конкретные задачи, подчиненные одной цели, – установлению данных, подлежащих доказыванию по уголовным делам о преступлениях транснационального характера.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы о том, что наличие зависимости между анализом следственных ситуаций и эффективностью принятия решений в ходе расследования общественно опасных деяний предопределяет необходимость выделения и изучения типовых следственных ситуаций по

уголовным делам о преступлениях транснационального характера.

Результаты научного исследования с учетом обстоятельства, лежащего в основе комплексирования преступлений транснационального характера в одну группу, позволяют выделить типовые следственные ситуации и представить их в системе, предоставляющей возможность оптимизировать деятельность по расследованию уголовных дел рассматриваемой категории.

Факторами, детерминирующими типовые следственные ситуации по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, являются информация, относящаяся к расследуемому деянию, и внешняя среда, характеризующаяся взаимодействием разных национальных правовых систем с учетом принципов и норм международного права.

Задачи, требующие своего разрешения в типовых следственных ситуациях, отражающих объем находящейся на территории иностранного государства необходимой информации, положение о криминализации расследуемого деяния в различных национальных правовых системах и основу для установления сотрудничества, обеспечивающего доступ к необходимой по уголовному делу информации и ее носителям, относятся к стратегическому уровню.

Задачи, возникающие при проведении конкретных действий на территории иностранного государства в условиях наличия или отсутствия существенных отличий в содержании элементов взаимодействующих национальных правовых систем, языке и социально-культурном укладе жизни, относятся к тактическому уровню.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драпкин, Л.Я. Основы теории следственных ситуаций: моногр. / Л.Я. Драпкин; науч. ред. И.Ф. Герасимов. – Свердловск: Урал. ун-т, 1987. – 168 с.
2. Волчецкая, Т.С. Криминалистическая ситуалогия: моногр. / Т.С. Волчецкая; под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова; Калининград: Калининград. гос. ун-т, 1997. – 248 с.
3. Волчецкая, Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. пособие / Т.С. Волчецкая. – Калининград: Калининград. гос. ун-т, 1999. – 74 с.
4. Зорин, Г.А. Теоретические основы криминалистики / Г.А. Зорин. – Минск: Амалфея, 2000. – 416 с.
5. Зорин, Г.А. Криминалистическая методология / Г.А. Зорин. – Минск: Амалфея, 2000. – 608 с.
6. Святненко, А.И. Тактическая операция как способ разрешения следственных ситуаций с высокой степенью информационной неопределенности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.И. Святненко; Нижегород. гос. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 26 с.

7. Канаев, А.С. Следственные ситуации в общей теории раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.С. Канаев; Караганд. юрид. ин-т МВД Респ. Казахстан. – Караганда, 2009. – 27 с.
8. Зюзина, М.В. Ситуационный подход в криминалистической методике расследования и судебного следствия по уголовным делам о квартирных кражах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.В. Зюзина; Балтийск. федер. ун-т. – Калининград, 2012. – 18 с.
9. Крамаренко, В.П. Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.П. Крамаренко; Балтийск. федер. ун-т. – Калининград, 2012. – 23 с.
10. Следственная ситуация: сб. науч. тр. / Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупр. преступности; кол. авт.: Р.С. Белкин [и др.]; отв. ред. В.В. Клочков. – М., 1985. – 80 с.
11. Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения: сб. науч. тр. / МВД Рос. Федерации; Высш. юрид. заоч. школа; редкол.: В.П. Илларионов [и др.]; отв. ред. В.П. Лавров. – М.: ВЮЗШ МВД РФ, 1991. – 152 с.
12. Филиппов, А.Г. К вопросу об особенностях расследования отдельных видов и групп преступлений / А.Г. Филиппов // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений: межвуз. сб. науч. тр. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Свердловск. юр. ин-т; редкол.: И.Ф. Герасимов [и др.]; отв. ред. И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 22–30.
13. Батюк, О.В. Следственные ситуации и их значение при расследовании нарушений правил охраны труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.В. Батюк; Киевск. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев, 1989. – 25 с.
14. Белкин, Р.С. Следственная ситуация и тактическая комбинация / Р.С. Белкин // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / авт. кол.: Т.В. Аверьянова [и др.]; под. ред. проф. Т.В. Аверьяновой, проф. Р.С. Белкина. – М.: Новый юрист, 1997. – С. 70–89.
15. Образцов, В.А. Криминалистическая классификация преступлений / А.В. Образцов. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1988. – 176 с.
16. Баев, О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. – М.: Экзамен, 2001. – 288 с.
17. Копылов, И.А. Следственная ситуация и тактическое решение: учеб. пособие / И.А. Копылов. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1988. – 24 с.
18. Коган, В.Н. Социальные свойства преступности: учеб. пособие / В.Н. Коган. – М.: Акад. МВД СССР, 1977. – 90 с.
19. Ивановский, И.А. Взаимодействие государств в производстве следствий по делам уголовным / И.А. Ивановский. – Одесса: Тип. «Одесского вестника», 1889. – [Репринтное изд.], 2005. – 149 с.
20. Иногамова-Хегай, Л.В. Международное уголовное право / Л.В. Иногамова-Хегай. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 495 с.
21. Куликов, В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности / В.И. Куликов. – Ульяновск: Филиал МГУ, 1994. – 256 с.
22. Яблоков, Н.П. Расследование организованной преступной деятельности / Н.П. Яблоков. – М.: Юристъ, 2002. – 172 с.
23. Куликовская, А.И. Особенности собирания и проверки доказательств при расследовании преступлений транснационального характера / А.И. Куликовская // Вест. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 2 (16). – С. 134–138.

Дата поступления статьи в редакцию 09.01.2013

УДК 347.918:347.963

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ (АРБИТРАЖНОМ) ПРОЦЕССЕ СТРАН – ЧЛЕНОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ПЕСЕНКО С.В.,соискатель кафедры гражданского процесса и трудового права
Белорусского государственного университета

В статье проведен анализ процессуального положения прокурора при его участии в хозяйственном процессе Республики Беларусь и стран Содружества Независимых Государств. Освещены вопросы правового положения и процессуальных особенностей его участия по законодательству стран Содружества Независимых Государств.

In the article the analysis of procedural position of the prosecutor is carried out with his participation in economic process of the Republic of Belarus and CIS countries. Questions of a legal status and procedural features of its participation by the legislation of CIS countries are taken up.

Введение

В настоящей статье исследуются правовое положение, полномочия и процессуальные особенности участия прокурора в хозяйственном (арбитражном) процессе стран – членов Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Ранее данные вопросы были предметом исследования как белорусских, так и российских ученых. Однако поскольку вопрос об участии прокурора в хозяйственном процессе все еще остается актуальным, то он рассмотрен в свете последних изменений законодательства стран СНГ. Основная цель работы состоит в выявлении тех норм, которые могут быть использованы в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем процессуальное положение прокурора в хозяйственном процессе.

Основная часть

Вопрос об участии прокурора и его полномочиях в судопроизводстве не остается без активного внимания правоведов СНГ. Основная тема дискуссий посвящена объему полномочий прокурора в суде [1, с. 55].

Неслучайно поэтому в России и других странах СНГ продолжают ожесточенные споры о

месте и роли прокуратуры, вносятся диаметрально противоположные предложения о необходимости обновления законодательства об органах прокуратуры в соответствии с принципом разделения властей, особенностями развития государственного устройства и становления новых правовых отношений [2, с. 7].

На протяжении всей истории деятельности прокуратура остается важнейшим институтом правовой системы любого государства. Участие прокурора в хозяйственном (арбитражном) процессе является специфической формой государственного воздействия на состояние законности в экономической сфере. Вхождение прокурора в хозяйственный (арбитражный) процесс не умаляет его особого статуса представителя государства, призванного стремиться всей своей деятельностью к обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод граждан, законных интересов общества и государства [3, с. 34].

Однако правовое положение прокурора в процессе соответствующие процессуальные кодексы, действующие в различных странах СНГ, регулируют неодинаково [4, с. 53]. При этом каждая страна выработала свою концепцию построения прокуратуры, создала собственную модель ее функционирования. В какой-то степе-

ни на выбор модели оказали влияние бывшая советская модель, в какой-то мере модели других стран, а также в меньшей степени исторические досоветские традиции [2, с. 6].

Общим для органов прокуратуры бывших союзных республик является то, что основы статуса прокуратур этих независимых государств установлены в той или иной степени в их конституциях [5, с. 523].

В конституциях большинства государств закреплено, что организация, компетенция, структура, порядок деятельности органов прокуратуры этих государств определяются специальным законом [5, с. 523].

По-разному решены вопросы об отнесении прокуратуры к тем или иным ветвям власти [6, с. 116]. В Азербайджанской Республике, Республике Армения, Грузии, Республике Казахстан и Республике Молдова прокуратура помещена в главу (в Казахстане – в раздел), посвященную судебной власти [7, с. 179]. В Российской Федерации – также в главу, посвященную судебной власти (ст. 129 Конституции) [8].

Однако как в конституциях, так и в законах о прокуратуре подчеркивается, что прокуратура – это единая централизованная система, подчиненная Генеральному прокурору, независимая от судов. И только в Грузии как Конституцией, так и законом прокуратура отнесена четко к судебной власти [6, с. 116].

Законодательство Беларуси, Таджикистана, Туркмении, Украины и Узбекистана выделяет прокуратуру из других ветвей власти и отводит ей особое место в отдельных главах в конституциях [6, с. 116].

В Республике Беларусь прокуратура включена в раздел VI Конституции – «Прокуратура. Комитет государственного контроля» [7, с. 179].

По Конституции Кыргызской Республики прокуратура включена в раздел седьмой «Иные государственные органы» [9].

В государствах – участниках СНГ реализуются различные модели функциональной деятельности органов прокуратуры. В четырех странах (Азербайджане, Армении, Грузии и Молдове) упразднена функция «общего» надзора. В восьми государствах – России, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Украине функция «общего» надзора остается [2, с. 199].

При этом порядок участия прокурора в рассмотрении дел по-разному определен законами о прокуратуре в странах СНГ.

Следует отметить, что в ряде стран СНГ в качестве самостоятельной функции выделено представительство интересов государства в суде, что нашло свое отражение в их основных законах – конституциях. Такое нормативное положение закреплено в ст. 104 Конституции

Кыргызстана, ст. 83 Конституции Казахстана, ст. 121 Конституции Украины [9–11].

Норма о представительстве нашла свое дальнейшее закрепление в законах о прокуратуре вышеупомянутых государств. Так, согласно ст.ст. 1, 4 Закона Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2709 «О прокуратуре» (далее – Закон РК) представительство интересов гражданина или государства относится к основным направлениям деятельности прокуратуры. В соответствии со ст. 3 Закона Кыргызской Республики от 17 июля 2009 г. № 224 «О прокуратуре Кыргызской Республики» (далее – Закон КР) осуществление представительства интересов гражданина или государства в суде также отнесено к основным направлениям деятельности прокуратуры. Статьей 5 Закона Украины от 5 ноября 1991 г. № 1789-ХІІ «О прокуратуре» (далее – Закон Украины) представительство интересов гражданина или государства в суде отнесено не к основным направлениям деятельности, а к функциям прокуратуры [12–14].

При этом в главе 5 «Представительство интересов государства в суде» (ст.ст. 30–33) Закона РК в общих чертах регламентируется данное направление деятельности, а в ст. 36-1 «Представительство прокуратурой интересов гражданина или государства в суде» Закона Украины дается подробная регламентация данной функции прокуратуры, определены основания и формы представительства.

Так, представительство заключается в осуществлении прокурорами от имени государства процессуальных и иных действий, направленных на защиту в суде интересов гражданина или государства в случаях, предусмотренных законом. Основанием представительства в суде интересов гражданина является его неспособность ввиду физического или материального состояния, преклонного возраста или по другим уважительным причинам самостоятельно защитить свои нарушенные или оспариваемые права или реализовать процессуальные полномочия, а интересов государства – наличие нарушений или угрозы нарушений экономических, политических и иных государственных интересов в результате противоправных действий (бездействия) физических или юридических лиц, которые совершаются в отношениях между ними или с государством.

Формами представительства являются: обращение в суд с исками или заявлениями о защите прав и свобод другого лица, неопределенного круга лиц, прав юридических лиц, когда нарушаются интересы государства, или о признании незаконными правовых актов, действий либо решений органов и должностных лиц; участие в рассмотрении судами дел. Прокурор, кроме того, может внести апелляционную, кассационную жалобу на судебные решения или заяв-

ления об их пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам.

Прокурор самостоятельно определяет основания для представительства в судах, форму его осуществления и может осуществлять представительство в любой стадии судопроизводства в порядке, предусмотренном процессуальным законом [14].

В ст. 5 Конституционного закона Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г. № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» (далее – Закон РТ) к основным направлениям деятельности органов прокуратуры относится защита прав и свобод человека и гражданина, государственных интересов, разных форм государственной и негосударственной собственности в судебном процессе [15].

Таким образом, нормы о представительстве интересов гражданина или государства в суде предусмотрены в Законе РК, Законе КР, Законе Украины.

В странах СНГ законы о прокуратуре предоставляют прокурору достаточно широкие полномочия для устранения выявленных нарушений законности. С этой целью в них четко регламентируются формы прокурорского реагирования, которым в большинстве законов о прокуратуре государств – участников СНГ посвящены специальные разделы (главы) [2, с. 143].

В законах о прокуратуре ряда государств предусмотрены нормы о том, что прокурор принимает участие в рассмотрении дел судами.

Это закреплено в: Законе КР (ст. 3); Законе РТ (ст. 5); Законе Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон Республики Беларусь) (ст. 4); Законе Республики Молдова от 25 декабря 2008 г. № 294 «О Прокуратуре» (далее – Закон РМ) (ст. 5); Федеральном законе Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон РФ) (ст. 1); Законе Туркменистана от 15 августа 2009 г. № 50-IV «О прокуратуре Туркменистана» (далее – Закон Туркменистана) (ст.ст. 1, 3); Законе Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 г. № 746-ХП «О прокуратуре» (далее – Закон РУ) (ст. 4) [13; 15–20].

Статья 5 Закона РМ к дополнительным полномочиям прокурора относит предъявление гражданских исков [17].

В Азербайджанской Республике и Республике Армения в законах о прокуратуре речь идет не об участии прокурора в рассмотрении дел в судах, а о возбуждении им в суде иска.

Так, Законом Азербайджанской Республики от 7 декабря 1999 г. № 767-ПГ «О прокуратуре» (далее – Закон АР) (ст. 4) установлено, что прокуратура возбуждает в суде иск (подаёт заявление), принимает участие в качестве истца при рассмотрении дел по экономическим спорам. За-

коном Республики Армения от 29 марта 2007 г. № НО-126 «О Прокуратуре» (далее – Закон РА) (ст. 4) к полномочиям прокуратуры отнесено возбуждение в суде иска о защите государственных интересов [21; 22].

В ряде государств в законах о прокуратуре предусмотрена норма о том, что прокурор опротестовывает решения судов. Положение об этом можно найти в законах о прокуратуре таких государств, как Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

В Законе КР (ст. 3) речь идет не о протесте, а о внесении представления на противоречащие закону решения, определения и постановления судов [13].

В Законе Украины (ст. 37) предусмотрено право прокурора на внесение апелляционной, кассационной жалобы, которое предоставляется прокурору и заместителю прокурора в пределах их компетенции, независимо от их участия в разбирательстве дела в суде первой инстанции. Помощники же прокурора, прокуроры управлений и отделов могут вносить апелляционные, кассационные и отдельные представления только по делам, в разбирательстве которых они принимали участие [14].

В ст. 20 Закона РМ также отмечается, что при рассмотрении судебной инстанцией гражданских дел (включая дела административного судопроизводства) и дел о правонарушениях, производство по которым возбуждено прокурором или участие прокурора в которых предусмотрено законом, прокурор вправе обжаловать как в обычном, так и в исключительном порядке решения, которые находит незаконными или необоснованными [17].

И только в Законе Республики Беларусь не содержится конкретной нормы, регламентирующей право прокурора на опротестование решений судов.

В Законе КР, Законе РФ, Законе Украины предусмотрено право вступления прокурора в дело в любой стадии процесса.

Так, в разделе V Закона КР (ст. 40) и разделе IV Закона РФ (ст. 35) предусмотрено, что прокурор вправе вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства [13; 18]. Законом Украины (ст. 35) предусмотрено, что прокурор может вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита конституционных прав граждан, интересов государства и общества, и обязан своевременно принять предусмотренные законом меры к устранению нарушений закона, от кого бы они не исходили [14].

Интересен подход к участию прокурора в судебном рассмотрении по экономическим делам в Законе РТ. Согласно ст. 36 Закона РТ прокурор

участвует в делах исходя из их актуальности или когда это признано необходимым самим прокурором, судом или когда это предусмотрено законом [15].

Необходимо отметить, что в Законе Туркменистана и Законе РУ предусмотрено, что при участии прокурора в рассмотрении дел судами он: заявляет свое мнение при рассмотрении арбитражных дел в кассационном и надзорном порядке (ст. 45 Закона Туркменистана) и излагает мнение относительно применения закона (ст. 33 Закона РУ) [19; 20].

Таким образом, законами о прокуратуре других стран СНГ (во всех, где сохранена функция общего надзора) предусмотрены следующие дополнительные полномочия прокурора при его участии в процессе: представительство интересов гражданина или государства в суде (ст.ст. 1, 4, глава 5 (ст.ст. 30–33) Закона РК, ст. 3 Закона КР, ст.ст. 5, 36-1 Закона Украины); вступление прокурора в дело в любой стадии процесса (ст. 40 Закона КР, ст. 35 Закона РФ, ст. 35 Закона Украины, ст. 36 Закона РТ); заявление (изложение) мнения (ст. 45 Закона Туркменистана, ст. 33 Закона РУ).

И только в Республике Беларусь прокурор не наделен никакими дополнительными полномочиями при участии в хозяйственном процессе, что, на наш взгляд, является не в полной мере обоснованным.

Сравнительно-правовой анализ национального законодательства о прокуратуре показал, что во всех странах СНГ протест является одним из основных актов прокурорского реагирования на нарушение законности [2, с. 144].

В законах о прокуратуре Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана к актам прокурора отнесено исковое заявление или заявление, с которым прокурор имеет право обратиться в суд для защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства [2, с. 157].

Законом РК к актам прокурорского надзора наравне с протестом отнесено заявление, с которым прокурор вправе обратиться в суд и которое не облагается государственной пошлиной и иными сборами (ст.ст. 18, 23). Согласно ст. 20 Закона КР при осуществлении надзорных полномочий прокурор наравне с протестом применяет исковое заявление. При этом, участвуя в рассмотрении дел судами, прокурор также применяет заявление, представление, внесенное в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, а также частное представление. В соответствии со ст. 52 Закона Туркменистана в систему актов прокурорского реагирования помимо протеста включено исковое заявление, с которым прокурор вправе обращаться в суды (ст. 57). Согласно ст. 37 Закона РУ к актам прокурорского надзора наравне с протестом отнесе-

но заявление, с которым прокурор имеет право обратиться в суд и с которого государственная пошлина не взимается (ст. 41). К видам прокурорских актов наравне с протестом Закон АР (ст. 21) относит исковое заявление (заявление), с которым прокурор может обратиться в суд (ст. 26) [12; 13; 19–21].

Дополнительные нормы об иске (заявлении) содержатся в следующих законах.

Согласно ст. 26 «Обращение в судебные органы» Закона КР прокурор вправе обратиться с заявлением в суд для восстановления нарушенных прав и защиты интересов граждан, общества и государства. Исковое заявление прокурора не облагается государственной пошлиной по искам, подаваемым в интересах физических и юридических лиц, а также в защиту общественных и государственных интересов [13].

В ст. 26 «Иск прокурора в суде» Закона РУ предусматривается, что в случае нарушения прав и свобод гражданина, защищаемых в судебном порядке, прокурор предъявляет и поддерживает иск в суде. Однако в данной статье не регламентируются порядок и случаи предъявления иска [20].

В ст. 27 «Возбуждение иска о защите государственных интересов» Закона РА очень подробно регламентируется вопрос о возбуждении прокурором в суде иска, что представляет особый интерес [22].

Так, согласно нормам этой статьи возбуждение прокурором иска о защите государственных интересов включает: 1) возбуждение иска о защите имущественных интересов государства в порядке гражданского судопроизводства; 2) возбуждение иска о защите имущественных и неимущественных интересов государства в порядке административного судопроизводства; 3) возбуждение иска о возмещении имущественного ущерба, причиненного преступлением непосредственно государству, в порядке уголовного судопроизводства.

Иск о защите государственных интересов возбуждается прокурором, только если: 1) при осуществлении своих полномочий обнаруживает, что государственный орган или орган местного самоуправления, к компетенции которого отнесено предъявление иска по данным вопросам защиты государственных интересов, будучи осведомленным о факте нарушения государственных интересов, не предъявил иск в разумные сроки или не предъявляет иск после получения предложения прокурора о предъявлении иска; 2) нарушение государственных интересов имело место по вопросам, по которым предъявление иска законодательством не отнесено к компетенции государственного органа или органа местного самоуправления; 3) компетентный государственный орган или орган местного самоуправления обратились к прокурору с ходатайством о

возбуждении иска; 4) имущественный ущерб преступлением причинен непосредственно государству; 5) иск о защите государственных интересов возбуждается в судах других стран или в арбитражах, проходящих за пределами территории Республики Армения, за исключением случаев, когда Правительство Республики Армения уполномочивает другой орган или организацию. Если прокурор сочтет, что для возбуждения иска о защите интересов государства существуют достаточные основания, то он вправе до возбуждения иска предупредить лицо, причинившее ущерб интересам государства, о добровольном возмещении ущерба. По смыслу настоящей статьи полномочие на возбуждение иска включает осуществление всех тех прав и обязанностей, которые отнесены процессуальным законом к компетенции истца, заявителя или ответчика. В целях подготовки материалов при наличии оснований для возбуждения иска о защите государственных интересов прокурор имеет право своим решением: 1) осуществлять проверки в государственных органах, органах местного самоуправления и государственных некоммерческих организациях, истребовать и получать от них правовые акты, документы и иные сведения; 2) истребовать и получать объяснения от должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления и государственных некоммерческих организаций [22].

Таким образом, в законах о прокуратуре вышеназванных стран СНГ содержатся нормы о таких актах прокурора, как исковое заявление (заявление): Закон АР (ст.ст. 21, 26), Закон КР (ст.ст. 20, 26); исковое заявление: Закон Туркменистана (ст.ст. 52, 57); заявление: Закон РУ (ст.ст. 26, 37, 41); Закон РК (ст.ст. 18, 23).

Законами о прокуратуре стран СНГ (во всех, где сохранена функция общего надзора) предусмотрены такие дополнительные полномочия прокурора при его участии в процессе, как представительство, вступление прокурора в дело в любой стадии процесса, заявление (изложение) мнения.

По процессуальному законодательству практически всех стран СНГ (за исключением Армении) прокурор признается лицом, участвующим в деле. Это отражено в Гражданском процессуальном кодексе Азербайджанской Республики (ст. 46), Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – ГПК Казахстана) (ст. 44), Гражданском процессуальном кодексе Кыргызской Республики (далее – ГПК Кыргызстана) (ст.ст. 2, 34), Гражданском процессуальном кодексе Республики Молдова (ст. 55), Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (ст. 54), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) (ст. 40), Экономическом про-

цессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее – ЭПК Таджикистана) (ст. 39), Арбитражном процессуальном кодексе Туркменистана (ст. 32), Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее – ХПК Узбекистана) (ст. 34), Хозяйственном процессуальном кодексе Украины (далее – ХПК Украины) (ст. 18) [23–32].

В Гражданском процессуальном кодексе Республики Армения прокурор не входит в состав лиц, участвующих в деле (ст. 27). Однако в ст. 37 «Участие в деле государственных органов» предусмотрено, что прокурор возбуждает иск в защиту имущественных интересов государства в случаях, предусмотренных Законом РА (а именно в случаях, предусмотренных ст. 27 Закона РА) [33].

Необходимо отметить, что в ряде кодексов закреплено право прокурора на вступление в дело на любой стадии процесса. Так, согласно ст. 55 ГПК Казахстана прокурор вправе вступить в процесс по своей инициативе или по инициативе суда для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на него обязанностей и для защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, общественных или государственных интересов. Указанные полномочия прокурора обеспечиваются путем своевременного извещения судом обо всех назначенных к рассмотрению делах. В ст. 213 «Заключение прокурора» ГПК Казахстана прокурору, не являющемуся стороной по делу и вступившему в процесс, предоставляется право дачи заключения по существу дела в целом. В соответствии со ст. 45 ГПК Кыргызстана прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое в суде, если этого требует охрана прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан, государственных или общественных интересов. Прокурор вступает в процесс по делам, а также в иных случаях в целях осуществления возложенных на него полномочий. Согласно ст. 52 АПК РФ по делам, указанным в части 1 ст. 52, прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности. В соответствии со ст. 51 ЭПК Таджикистана по делам, предусмотренным частью 1 ст. 51, прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое экономическим судом, на любой стадии экономического судопроизводства с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности. Согласно ст. 40 АПК Туркменистана прокурор имеет право вступить в дело в любой стадии процесса. В соответствии со ст. 29 ХПК Украины прокурор может вступить по своей инициативе в дело, возбужденное по иску других лиц, на любой ста-

дии его рассмотрения для представительства интересов гражданина или государства. С целью вступления в дело прокурор может подать апелляционную, кассационную жалобу, заявление о пересмотре решения Верховным Судом Украины по вновь открывшимся обстоятельствам или уведомить суд и принять участие в рассмотрении дела, возбужденного по иску других лиц. В ст. 43 ХПК Узбекистана отражена общая норма о том, что прокурор вправе участвовать в судебном заседании по всем делам [24; 25; 28–30; 32].

В ст. 43 ХПК Узбекистана предусмотрено, что прокурор вправе участвовать по всем делам [31].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что нормы об участии прокурора в хозяйственном (арбитражном или гражданском) процессе предусмотрены в законодательстве всех странах СНГ.

Во всех государствах (кроме Республики Беларусь), где сохранена функция общего надзора, предусмотрены дополнительные полномочия прокуроров при их участии в процессе. Вступление прокурора в дело оговорено в процессу-

альных кодексах этих стран, за исключением Азербайджана, Армении, Грузии и Молдовы, где функция общего надзора упразднена.

На наш взгляд, Республика Беларусь не должна являться исключением.

По мнению автора, необходимо на законодательном уровне проанализировать вопрос о возможности вступления прокурора в дело в любой стадии хозяйственного процесса, если этого требует защита прав и интересов граждан или государства. Для реализации этого права нужно рассмотреть предложение о наделении прокурора правом дачи заключения по делу.

Автор полагает, что это будет способствовать повышению уровня эффективности прокурорского надзора и обеспечению надлежащей защиты прокурором прав и законных интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организаций, не являющихся юридическими лицами, и других граждан, а также государственных и общественных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменков, В.С. Прокурор в хозяйственном процессе Беларуси и в арбитражном процессе России / В.С. Каменков // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 20. – С. 54–66.
2. Щерба, С.П. Прокуратура в странах СНГ: правовой статус, функции, полномочия: науч. и учеб. пособие / С.П. Щерба. – М.: Экзамен, 2007. – 557 с.
3. Гловацкий, П.В. Прокурор в хозяйственном (арбитражном) процессе: опыт Республики Беларусь и стран СНГ / П.В. Гловацкий // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2010. – № 8. – С. 27–34.
4. Каменков, В.С. Прокурор в хозяйственном (арбитражном) процессе: опыт Беларуси и иных стран постсоветского пространства / В.С. Каменков // ВНИИ. Юрид. мир. – 2004. – № 7. – С. 53–60.
5. Бессарабов, В.Г. Прокурорский надзор: учеб. / В.Г. Бессарабов. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 544 с.
6. Рохлин, В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение / В.И. Рохлин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 305 с.
7. Бессарабов, В.Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02, 12.00.11 / В.Г. Бессарабов. – М., 2001. – 483 л.
8. Конституция Российской Федерации 1993 года // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
9. Конституция Кыргызской Республики 2010 года // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
10. Конституция Республики Казахстан 1995 года // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
11. Конституция Украины 1996 года // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
12. О прокуратуре: Закон Респ. Казахстан, 21 дек. 1995 г., № 2709 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
13. О прокуратуре Кыргызской Республики: Закон Кыргызск. Респ., 17 июля 2009 г., № 224 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.

14. О прокуратуре: Закон Украины, 5 нояб. 1991 г., № 1789-ХІІ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
15. Об органах прокуратуры Республики Таджикистан: Конституц. закон Респ. Таджикистан, 25 июля 2005 г., № 107 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
16. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
17. О прокуратуре: Закон Респ. Молдова, 25 дек. 2008 г., № 294 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
18. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
19. О прокуратуре Туркменистана: Закон Туркменистана, 15 авг. 2009 г., № 50-IV // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
20. О прокуратуре: Закон Респ. Узбекистан, 9 дек. 1992 г., № 746-ХІІ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
21. О прокуратуре: Закон Азербайдж. Респ., 7 дек. 1999 г., № 767-ІІ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
22. О прокуратуре: Закон Респ. Армения, 29 марта 2007 г., № НО-126 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
23. Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: Кодекс, 28 дек. 1999 г., № 780-ІQ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
24. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс, 13 июля 1999 г., № 411-І // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
25. Гражданский процессуальный кодекс Республики Кыргызстан: Кодекс, 29 дек. 1999 г., № 146 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
26. Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова: Кодекс, 30 мая 2003 г., № 225-ХV // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
27. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс, 15 дек. 1998 г., № 219-З // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
28. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Кодекс, 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
29. Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан: Кодекс, 5 янв. 2008 г. // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
30. Арбитражный процессуальный кодекс Туркменистана: Кодекс, 19 дек. 2000 г., № 52-ІІ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
31. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Узбекистан: Кодекс, 30 авг. 1997 г., № 478-1 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
32. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины: Кодекс, 6 нояб. 1991 г., № 1799-ХІІ // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.
33. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения: Кодекс, 7 авг. 1998 г., № ЗР-247 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spinform.ru/>. – Дата доступа: 20.12.2012.

Дата поступления статьи в редакцию 20.12.2012

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

РЯБОВОЛОВ В.А.,

первый заместитель начальника Оперативно-аналитического центра
при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Рассматриваются концептуальные подходы к определению системы нормативных правовых актов в сфере государственной охраны и ее места в общей системе нормативных правовых актов Республики Беларусь; выделяются специальные нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере государственной охраны.

The conceptual approaches with regard to the definition of the legislation system in the state protection sphere and its role in the comprehensive legal system of the Republic of Belarus are analyzed; special legal acts are pointed out which regulate public relations in the state protection sphere.

Бурно меняющийся мир характеризуется возрастающим уровнем трансграничной преступности и террористических угроз. Данный фактор обуславливает особое внимание к проблеме совершенствования безопасности высших должностных лиц государства. В числе приоритетных направлений ее решения рассматриваются вопросы правового обеспечения государственной охраны.

В настоящее время вопросы нормативно-правового регулирования общественных отношений в сфере государственной охраны нашли свое отражение в работах К.С.Бельского, С.А.Воронцова, Р.М.Козлова, С.Никифорова, В.М.Редкоуса, А.Г.Синцова, А.В.Шляпникова и ряда других ученых. Однако считать достаточным уровень научной разработанности рассматриваемой проблемы преждевременно. Образовавшиеся определенные теоретические пробелы и, как следствие, пробелы и коллизии в действующем законодательстве сдерживают создание комплексной, на различных уровнях, правовой базы о государственной охране. В этой связи исследование вопросов систематизации нормативных правовых актов в сфере государственной охраны представляется актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Общественные отношения, складывающиеся при осуществлении государственной охраны, прямо или опосредованно связаны со многими

сторонами общественной жизни. Это предопределяет согласованность правовых норм, регулирующих государственную охрану, с общей системой права и присущими ей признаками целостности и системности.

Термин «система» имеет несколько значений. Под системой принято понимать: определенный порядок в расположении, связи и действии составляющих что-либо частей; совокупность принципов, служащих основанием какого-либо учения, мировоззрения; совокупность учреждений, объединенных в единое целое; то, что стало обычным, регулярным; форму общественного устройства [1, с. 272].

С точки зрения философии, система – это объективное единство связанных друг с другом предметов, явлений в целом, состоящее из частей, упорядоченных по определенным законам или принципам [2, с. 278–279].

При решении вопроса систематизации нормативных правовых актов в сфере государственной охраны следует обозначить другой вопрос, на который однозначный ответ в науке отсутствует: о соотношении понятий «система права» и «система законодательства».

По мнению большинства ученых, право и законодательство – явления разноплановые: одно является системой норм, регулирующих определенные общественные отношения, а другое – системой нормативных актов. При таком подходе

де право и законодательство соотносятся между собой как содержание и форма одного и того же явления [3, с. 233; 4, с. 84; 5, с. 300].

Этой же позиции придерживается С.А. Комаров, утверждающий, что «система права – внутренняя форма права, его строение по отраслям и институтам. Система законодательства – внешняя форма права, к которой отрасли и институты права выражены» [6, с. 315].

В то же время Ю.К. Толстой считает чисто умозрительными попытки положить в основу разграничения права и законодательства ту первичную клеточку, из которой они произрастают. Первичной клеточкой отрасли права признается норма права, а отрасли законодательства – нормативный акт. Между тем и отрасли права, и отрасли законодательства состоят из норм и нормативных актов, и попытки вычленив из последних отдельные нормы во многом искусственны, поскольку каждая норма живет и работает в системе норм, а следовательно, и в системе нормативных актов, в которых указанные нормы находят свое воплощение [7, с. 128].

Не ставя перед собой задачу всестороннего анализа научных позиций, акцентируем внимание на неразрывную связь системы права и системы законодательства. Эти понятия взаимно обогащают и дополняют друг друга. По мнению Н.Л. Бондаренко, связующим звеном между правом и законодательством выступают принципы права, которые положены в основу как права, так и законодательства [8, с. 72].

Основными элементами системы права являются отрасли, подотрасли права, институты права и нормы права [9, с. 221]. Правовые нормы, составляющие содержание институтов и отраслей права, создаются в результате нормотворческой деятельности уполномоченных государственных органов. В результате данной деятельности правовые нормы приобретают внешние формы своего проявления, в качестве которых, прежде всего, выступают правовые акты.

Нормативные правовые акты приводятся в систему посредством взаимного согласования и определения их иерархии. При этом система должна характеризоваться внутренней согласованностью и обеспечивать правовое регулирование общественных отношений [10, ст. 5].

Известны различные подходы к систематизации законодательства. Структурно система законодательства может включать в себя следующие виды отраслей законодательства: отраслевое (горизонтальное) законодательство; внутриотраслевое; вертикальное (иерархическое), отражающее иерархию органов государственной власти и нормативных правовых актов по их юридической силе; комплексное законодательство, включающее нормы нескольких отраслей права [11, с. 172–173]. Дифференциация может проводиться по видам нормативных правовых

актов [10, ст. 2]. Представляется целесообразным комплексное применение в рамках исследуемой проблемы изложенных общепризнанных и закрепленных в действующем законодательстве подходов систематизации [10, ст. 5]. Это позволит более четко определить место рассматриваемой нами системы нормативных правовых актов о государственной охране в общей системе действующего законодательства.

Правовой основой регулирования общественных отношений в сфере государственной охраны являются нормы Конституции Республики Беларусь. Данный нормативный правовой акт является Основным Законом Республики Беларусь, имеющим высшую юридическую силу и закрепляющим основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений [10, ст. 2].

Конституция Республики Беларусь содержит в себе нормы, являющиеся «опорными» для правового регулирования государственной охраны.

Основным Законом декларировано, что в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права. Государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства [12, ст. 7].

Государство в лице государственных органов, должностных и иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций, обязано принимать меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан [12, ст. 59].

Конституцией закрепляется особый правовой статус Президента Республики Беларусь как Главы государства, гаранта Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина, охраны суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности [12, ст. 79].

Данные нормы предопределяют конституционный принцип неприкосновенности Президента Республики Беларусь, охрану законом его чести и достоинства, создание необходимых условий для реализации им своих полномочий. Основным Законом обязывает уполномоченные государственные органы принимать меры по поддержанию установленного порядка, включая обеспечение безопасности органов государственной власти и высших должностных лиц государства.

Нормативными правовыми актами, закрепляющими принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений, являются законы Республики Беларусь. При этом законами, обеспечивающими полное системное регулирование определенных областей общественных отношений, выступают кодексы. Данные

кодифицированные нормативные правовые акты имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам [10, ст.ст. 2, 10]. В настоящее время отсутствует кодифицированный законодательный акт Республики Беларусь в сфере государственной охраны. В то же время в ряде кодексов содержатся правовые предписания, регулирующие вопросы обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями. Следует отметить, что его нормы непосредственно не регламентируют государственную охрану как вид деятельности. Это касается и положений Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и ряда иных кодексов. В то же время в указанных актах содержится материальные и процессуальные нормы о правонарушениях, предупреждение, выявление и пресечение которых входит в круг задач субъектов обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов.

В УК закреплены следующие составы преступлений, имеющие отношение к сфере государственной охраны:

преступления террористической направленности, против общественной безопасности, государства (террористический акт против представителя иностранного государства (ст. 124), нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 125), международный терроризм (ст. 126), терроризм (ст. 289), угроза совершения акта терроризма (ст. 290), захват заложника (ст. 291), захват зданий и сооружений (ст. 292), массовые беспорядки (ст. 293), террористический акт (ст. 359);

преступления против собственности (кража (ст. 205), грабеж (ст. 206), разбой (ст. 207), умышленное уничтожение либо повреждение имущества (ст. 218);

преступления против порядка управления (сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок (ст. 363), насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг (ст. 366);

воинские преступления (халатное отношение к службе (ст. 456 УК) [13].

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) устанавливает права и обязанности участников уголовного процесса; единый и обязательный порядок производства по материалам и уголовным делам для всех органов, должностных лиц и иных участников уголовного процесса.

В соответствии с пунктами 1–3 части 1 ст. 37 УПК государственными органами и должност-

ными лицами, уполномоченными законом осуществлять дознание в сфере государственной охраны, могут выступать:

органы внутренних дел;
органы государственной безопасности – по делам, отнесенным к их ведению;
руководитель органа государственной охраны, являющийся командиром воинской части, – по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, на которых распространяется статус военнослужащих, о преступлениях, совершенных гражданским персоналом органа государственной охраны в связи с исполнением последними служебных обязанностей в расположении воинской части [14].

Особое место в регулировании общественных отношений в сфере государственной охраны занимают Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь и Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь.

Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь Кодекс (далее – КоАП):

регулирует отдельные вопросы административной ответственности за правонарушения в сфере государственной охраны;

определяет конкретные виды административных правонарушений;

устанавливает меры взысканий за их совершение.

К административным правонарушениям, затрагивающим сферу государственной охраны, согласно нормам КоАП могут быть отнесены:

правонарушения против порядка управления (неисполнение выраженного в установленной законодательством форме требования, предписания либо представления об устранении нарушения (ст. 23.1), неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных обязанностей (ст. 23.4), оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий (ст. 23.5), нарушение порядка организации или проведения массового мероприятия или пикетирования (ст. 23.34), умышленное повреждение или срыв печати (пломбы) (ст. 23.35), нарушение правил обращения с огнестрельным оружием, взрывоопасными, легковоспламеняющимися, едкими веществами или пиротехническими изделиями (ст. 23.48);

правонарушения против правосудия и деятельности уголовной и административной юрисдикции (непринятие мер по частному определению (постановлению) суда или представлению об устранении нарушений законодательства, причин и условий, способствующих совершению правонарушений (ст. 24.3) и др. [15].

Часть 74 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об адми-

нистративных правонарушениях к лицам, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, относит уполномоченных должностных лиц органа государственной охраны (по ст. 24.3 КоАП) [16].

Многие правовые вопросы повседневной деятельности органов государственной охраны регулируются нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь и Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь. Важное место в правовом обеспечении государственной охраны занимают нормы Воздушного кодекса Республики Беларусь, Кодекса Республики Беларусь о земле, Водного кодекса Республики Беларусь, Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь.

Основным законом, регулирующим общественные отношения в сфере государственной охраны, является Закон Республики Беларусь от 8 мая 2009 года «О государственной охране» [17, ст. 16]. Документ определяет предназначение и принципы государственной охраны, устанавливает охраняемых лиц, полномочия органов государственной охраны, основы контроля и надзора за их деятельностью.

Предметом правового регулирования указанного Закона в прямой постановке вопроса являются общественные отношения, возникающие вследствие осуществления государственной охраны. В то же время целый ряд иных законов закрепляет нормы, в той или иной мере затрагивающие сферу государственной охраны и уточняющие правовые нормы этого Закона.

Закон Республики Беларусь от 21 февраля 1995 года «О Президенте Республики Беларусь» закрепляет статус официальной государственной резиденции, в которой находятся рабочие и представительные помещения Президента Республики Беларусь, устанавливает предоставление Главе государства транспорта специального назначения, государственной дачи и охраны, возлагаемой на службу специального назначения [18, ст. 37].

Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 года «О борьбе с терроризмом»:

относит к числу субъектов, непосредственно осуществляющих борьбу с терроризмом, орган государственной охраны (Службу безопасности Президента Республики Беларусь) и определяет его компетенцию;

закрепляет право органа государственной охраны в соответствии со своей компетенцией создавать возглавляемый его представителем оперативный штаб по управлению контртеррористической операцией [19, ст.ст. 6, 7, 10].

Закон Республики Беларусь от 9 июля 1999 года «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет право осуществлять оперативно-розыскную деятельность на территории Республики Беларусь оперативным подразделени-

ям органа государственной охраны (Службы безопасности Президента Республики Беларусь) [20, ст. 7].

Различные вопросы правового статуса и деятельности Службы безопасности Президента Республики Беларусь как государственного органа системы обеспечения национальной безопасности и воинского формирования регламентируются законами Республики Беларусь от 3 ноября 1992 года «Об обороне» [21], от 4 января 2010 года «О статусе военнослужащих» [22], от 14 июня 2003 года «О государственной службе в Республике Беларусь» [23] и др.

Нормативными правовыми актами Главы государства, издаваемыми в целях реализации его полномочий и устанавливающими (изменяющими, отменяющими) определенные правовые нормы в сфере государственной охраны, являются указы Президента Республики Беларусь, а также утверждаемые ими уставы, регламенты, положения, правила, инструкции, имеющие юридическую силу Указа [10, ст.ст. 2, 10].

Нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь, регулирующие отношения в сфере государственной охраны, можно подразделить на следующие группы:

- а) определяющие место государственной охраны в общей системе по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь;
- б) закрепляющие общий порядок совместной деятельности государственных органов и организаций по обеспечению безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов;
- в) определяющие объекты государственной охраны;
- г) устанавливающие компетенцию государственных органов, принимающих участие в решении задач государственной охраны;
- д) непосредственно не регулирующие вопросы государственной охраны, однако содержащие правовые нормы, затрагивающие те или иные стороны деятельности органов государственной охраны.

В соответствии с законодательством Совет Министров Республики Беларусь уполномочен принимать меры по обеспечению национальной безопасности, охране общественного порядка, борьбе с преступностью [12, ст. 107], обеспечивать защиту личности от посягательств на жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство, а также защиту гражданина Республики Беларусь как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами [24, ст. 19]. Постановления Правительства Республики Беларусь имеют обязательную силу на всей территории Республики Беларусь [12, ст. 108].

Нормативные правовые акты Совета Министров Республики Беларусь непосредственно не регулируют вопросы государственной охраны в силу того, что органы государственной охраны

не входят в систему государственных органов и иных организаций, подчиненных Правительству. В то же время нормы целого ряда правовых актов Правительства Республики Беларусь являются обязательными для руководства, когда они затрагивают вопросы функционирования Службы безопасности Президента Республики Беларусь как государственного органа и воинского формирования. В качестве примера к таким актам можно отнести Положение о Межведомственном координационном совете по взаимодействию кинологических подразделений государственных органов системы обеспечения безопасности, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2010 г. № 1261 [25].

Важную роль в системе правовых актов, регулирующих вопросы непосредственного осуществления государственной охраны и решения иных вопросов обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов, играют нормативные правовые акты республиканских государственных органов.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления принимаются (издаются) в форме постановлений и приказов. Ими могут утверждаться положения, инструкции и иные виды нормативных правовых актов.

Постановление – нормативный правовой акт, принимаемый на коллегиальной основе. Приказ республиканского органа государственного управления – нормативный правовой акт функционально-отраслевого характера, издаваемый руководителем республиканского органа государственного управления [10, ст. 2].

В этой связи обращает на себя внимание противоречие в действующем законодательстве. Правовые предписания Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» не в полной мере соотносятся с правовыми нормами законодательства о государственной охране.

Вышеуказанный Закон предусматривает возможность принятия нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан или носящих межведомственный характер, министерствами, иными республиканскими органами государственного управления коллегиально в форме постановлений. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственной охране» Служба безопасности Президента Республики Беларусь определена государственным органом, а не органом государственного управления. В ней наличие коллегиального органа не предусматривается. В то же время законодатель наделяет орган государст-

венной охраны правом устанавливать обязательные для выполнения гражданами и организациями требования при проведении охранных мероприятий, правила поведения на охраняемых объектах, в местах пребывания охраняемых лиц, а также особые условия использования территорий, водных объектов и воздушного пространства в местах пребывания охраняемых лиц, охранных зонах. Более того, прямо закреплена норма, наделяющая орган государственной охраны правом «принимать в установленном порядке самостоятельно или совместно с другими государственными органами нормативные правовые акты в сфере государственной охраны» [17, ст. 16].

Таким образом, можно констатировать, что орган государственной охраны уполномочен издавать не только локальные нормативные правовые акты, но и акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан. Налицо коллизия правовых норм двух законов, требующая своего разрешения. Актуальность этого объясняется тем, что снятие вышеизложенных противоречий будет способствовать обеспечению гласности в нормотворческой деятельности в сфере государственной охраны. Нормативные правовые акты органа государственной охраны, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, в установленном порядке будут проходить юридическую экспертизу в Министерстве юстиции Республики Беларусь и включаться в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь.

Нормативные правовые акты государственных органов в сфере государственной охраны условно могут быть подразделены на две группы: издаваемые государственными органами самостоятельно и совместно.

Как правило, в сфере государственной охраны самостоятельно издаются нормативные правовые акты органа государственной охраны. В то же время в необходимых случаях могут издаваться правовые акты иных государственных органов, принимающих участие в обеспечении безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов. Указанные нормативные правовые акты представлены приказами, положениями, инструкциями и иными правовыми актами, регулирующими различные стороны осуществления государственной охраны.

Издание нормативных правовых актов органом государственной охраны совместно с иными государственными органами имеет своей главной задачей выработку единого и согласованного порядка применения сил и средств различных государственных органов и организаций на совместных мероприятиях по обеспечению безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов.

Совместные нормативные правовые акты в сфере государственной охраны могут быть подразделены на две основные группы: регламенти-

рующие общие вопросы совместной деятельности государственных органов и регулирующие отдельные направления обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов.

Проведенный в рамках данного исследования анализ позволяет сделать обобщения и сформулировать выводы.

1. Нормативные правовые акты, содержащие правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере государственной охраны, образуют систему нормативных правовых актов, входящую в состав общей системы нормативных правовых актов Республики Беларусь.

К системе нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере государственной охраны Республики Беларусь, с учетом иерархии органов государственной власти и юридической силы нормативных правовых актов относятся:

Конституция Республики Беларусь;
кодексы Республики Беларусь;
законы Республики Беларусь;
указы и иные нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь;
постановления Совета Министров Республики Беларусь;

акты республиканских государственных органов.

2. Дифференциация нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере государственной охраны, может быть проведена по другим основаниям:

а) в зависимости от степени регулирования вопросов государственной охраны – на три группы правовых актов:

непосредственно регламентирующие принятие мер по осуществлению государственной охраны и решение основных задач органов государственной охраны;

регулирующие вопросы осуществления государственной охраны опосредованно;

комплексно регулирующие, содержащие нормы как непосредственного, так и опосредованного регулирования вопросов государственной охраны;

б) исходя из публичности содержащихся в них предписаний, – на нормативные правовые акты:

затрагивающие права, свободы и обязанности граждан;

локальные;

в) по множественности субъекта правового регулирования нормативные правовые акты подразделяются на:

издаваемые государственными органами самостоятельно;

совместные;

г) в зависимости от назначения:

общие;

специальные.

3. К специальным нормативным правовым актам, регулирующим общественные отношения в сфере государственной охраны Республики Беларусь, относятся:

а) Закон Республики Беларусь «О государственной охране»;

б) указы и иные нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь, регламентирующие следующие вопросы:

общий порядок совместной деятельности органа государственной охраны и иных организаций по обеспечению безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов;

перечень объектов государственной охраны;

компетенцию органа государственной охраны;

в) нормативные правовые акты органа государственной охраны по вопросам обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов;

г) совместные инструкции и иные нормативные правовые акты органа государственной охраны и иных государственных органов.

4. Целостность системы нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере государственной охраны, обеспечивается специально изданным Законом Республики Беларусь «О государственной охране». Содержание указанного нормативного правового акта позволяет выделить специфический предмет и метод правового регулирования, присущий нормам права, регулирующим общественные отношения в сфере государственной охраны.

5. В качестве перспективного направления дальнейшего исследования представляется рассмотрение вопроса признания системы права, регулирующего общественные отношения в сфере государственной охраны, самостоятельным комплексным межотраслевым правовым институтом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – Т. 3: Р–Я. – С. 272.

2. Общая теория государства и права: учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. проф. В.А. Кучинского. – 2-е изд., доп. – Минск: Амалфея, 2004. – С. 278–279.

3. Алексеев, С.С. Право. Азбука. Теория. Философия: опыт комплекс. исслед. / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
4. Гражданское право: учеб.: в 4 т. / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – Т. 1: Общая часть. – 720 с.
5. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. – Минск: Тесей, 2002. – 560 с.
6. Комаров, С.А. Общая теория государства и права / С.А. Комаров. – Минск, 2005. – 315 с.
7. Толстой, Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство / Ю.К. Толстой // Изд. вузов. Сер. Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 128–149.
8. Бондаренко, Н.Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в нормотворческой и правоприменительной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Л. Бондаренко. – Минск, 2009. – 256 с.
9. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учеб. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. В.А. Кучинского. – Минск: Интегралполиграф, 2009. – 552 с.
10. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 7. – 2/136.
11. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: курс лекций / А.Ф. Вишневский. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2010. – 368 с.
12. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0.
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 12 янв. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 76. – 2/50.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 12 янв. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 77-78. – 2/71.
15. Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь: принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 12 янв. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 63. – 2/946.
16. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.: одобрен Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 12 янв. 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 14. – 2/1291.
17. О государственной охране: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2009 г., № 16-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 119. – 2/1568.
18. О Президенте Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 21 февр. 1995 г., № 3602-ХП // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1997. – № 24. – Ст. 463.
19. О борьбе с терроризмом: Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 6. – 2/825.
20. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-З: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 57. – 2/64.
21. Об обороне: Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-ХП: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 84. – 2/878.
22. О статусе военнослужащих: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 100-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 15. – 2/1652.
23. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 70. – 2/953.
24. О Совете Министров Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 424-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 дек. 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1521.
25. О создании Межведомственного координационного совета по взаимодействию кинологических подразделений государственных органов системы обеспечения национальной безопасности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 авг. 2010 г., № 1261 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 212. – 5/32414.

Дата поступления статьи в редакцию 26.02.2013

УДК 341.24(1-6 СНГ)

СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ВЕЖНОВЕЦ В.Н.,советник Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств,
кандидат юридических наук, доцент**МУКАШЕВ С.И.,**советник Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств,
кандидат юридических наук

Анализируются основные положения международных договоров, заключаемых в рамках Содружества Независимых Государств, и даются рекомендации, направленные на совершенствование договорной практики Содружества.

The main provisions of the international agreements concluded within the CIS are analyzed, and recommendations aimed at improvement of the contractual practice of the Commonwealth are provided.

Международный договор является результатом международного нормотворчества как процесса согласования воли заинтересованных государств, а также формой, содержащей нормы международного права, регулирующие межгосударственные отношения путем установления прав и обязанностей самих государств – участников договора.

В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция) дается определение договора как международного соглашения, заключенного между государствами в письменной форме и регулируемого международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования [5, с. 64].

За двадцатилетний период в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) было подписано свыше 3 тысяч правовых документов, из них более 500 договоров. Высокие темпы нормотворчества имели некоторые негативные последствия, влияющие на качественный уровень подписанных соглашений. Это связано в первую очередь с недостаточной предварительной проработкой проектов соглашений, что приводит к необходимости внесения изменений и дополнений во вступившие в силу догово-

ры. Несмотря на то, что большая часть договоров, подписанных в рамках СНГ, носит нормативный характер, в ряде случаев они не содержат положений, регулирующих права и обязанности их участников в той или иной сфере международных отношений, что в конечном итоге создает определенные проблемы в их практической реализации.

В марте 2008 года в рамках СНГ приняты Методические рекомендации по разработке проектов международных договоров, заключаемых в рамках Содружества Независимых Государств (далее – Методические рекомендации). Документом были упорядочены виды и формы принимаемых правовых актов, установлено четкое соотношение между собой, а также предложены способы преодоления возникающих юридических коллизий [6].

Особое внимание в правовом акте уделяется структуре проектов договоров, заключаемых в рамках СНГ. Первым ее элементом является официальное наименование, которое имеет существенное значение при определении объекта и целей договора. Наименование может быть полным и неполным. Последнее характерно для договоров в упрощенной форме, в которых указывается лишь название самого акта, например «Конвенция о правовой помощи», все остальные сведения содержатся в преамбуле или основной

части договора. Полное наименование состоит из названия самого акта, указания на его содержание, полного наименования сторон, например «Договор о сотрудничестве в охране границ государств – участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество». Если преследуется цель урегулировать в целом правовое положение того или иного органа или системы органов СНГ, то в названии документа СНГ применяются выражения: «Положение о...», «Устав...». При этом в названии такого документа не допускается употребление выражений: «О вопросах...», «Вопросы...» и т.д.

В названии проекта документа СНГ о внесении изменений и дополнений в другие документы приводится полное наименование документа, в который вносятся изменения и дополнения.

Следующим элементом является преамбула, представляющая собой вводную часть договора, в которой содержится целеполагание будущих его участников. Как уже отмечалось выше, преамбула не является обязательной частью договора и ее отсутствие не влияет на юридическую силу договора, однако, по нашему мнению, это будет затруднять восприятие соглашения. Преамбула, как правило, состоит из ряда составных частей.

Преамбула начинается с наименования государств или органов, которым от имени государств поручено заключить договор.

Согласно Венской конвенции стороной в договоре является государство в целом, как таковое, а не его органы. В то же время следует отметить, что в Законе Республики Беларусь от 23 июля 2008 года «О международных договорах» его установления распространяются на межгосударственные, межправительственные и межведомственные договоры. Разъясняются эти понятия следующим образом: межгосударственный договор – договор, заключаемый от имени Республики Беларусь, межправительственный договор – Правительством Республики Беларусь, международный договор межведомственного характера – государственным органом Республики Беларусь [4].

Представляется, что эти понятия явно расходятся с определениями, содержащимися в Венской конвенции. Тем не менее, такова договорная практика, с которой необходимо согласиться. Полагаем, что независимо от того, какой орган государства заключил договор, обязательство по нему будет нести только государство.

Таким образом, в зависимости от уровня многостороннего договора в начале преамбулы указываются его договаривающиеся стороны, например, «государства – участники Содружества Независимых Государств, далее именуемые Сторонами» или «министерства ... государств – участников Содружества Независимых Государств, далее именуемые Сторонами».

В преамбуле закрепляются мотивы и цели договора, отсюда все положения договора должны толковаться и осуществляться в соответствии с зафиксированными мотивами и целями.

Завершается преамбула официальным одобрением изложенных в ней целей и принципов: «согласились о нижеследующем» или «договорились о нижеследующем».

За ней следует основная часть договора, содержащая положения и нормы, призванные содействовать достижению установленных преамбулой целей в соответствии с зафиксированными в ней принципами. В зависимости от объема текста договора и усмотрения договаривающихся сторон основная часть может подразделяться на главы, статьи, пункты, абзацы. Все эти деления имеют значение при выяснении смысла договора и его отдельных положений. Статьи и пункты документа – его основные структурные элементы, содержащие законченные правовые предписания.

Статьи могут иметь названия, отражающие их содержание. В договорах о внесении изменений и дополнений в действующие правовые акты СНГ, кроме случаев изложения их в новой редакции, названия статей текста не указываются. Текст договора должен представлять собой единый и монолитный механизм, имеющий общую функциональную направленность на регулирование определенного вида межгосударственных отношений. Все его составные части должны быть подчинены одной цели – упорядочению определенного вида межгосударственных отношений. Этим обеспечивается, во-первых, логическая системность, во-вторых, логическое единство документа, в-третьих, системность всей правовой базы Содружества, в которой каждый ее элемент занимает свое определенное место в предмете правового регулирования положения. Немаловажное значение для усиления регулятивных возможностей договора имеет логическая последовательность изложения правовых предписаний. Логичные, связанные между собой по смыслу правовые положения позволяют более полно и точно понять их, оказывая эффективное психологическое воздействие, что предполагает гармоничное согласование всех правовых положений, изложение их в определенной последовательности и во взаимосвязи между собой. Эти требования к построению договора во многом определяют его структуру, обеспечивают единство формы и содержания [2, с. 104–108].

Заключительные положения многосторонних договоров состоят из статей, носящих процессуальный характер. В них обычно излагаются условия вступления в силу, выхода из договора, прекращения его действия, урегулирования споров, внесения поправок и его пересмотра, порядка подписания, ратификации, присоедине-

ния к нему, оговорок, назначения депозитария и др. Помимо того, в договор могут включаться статьи, устанавливающие связь договора с другими договорами, порядок временного применения.

С технической точки зрения порядок формулирования заключительных положений договоров за последние двадцать лет в Содружестве претерпел определенные позитивные изменения. Во многом это связано с применением правил юридической техники, изложенных в Методических рекомендациях. Согласно им заключительные положения договоров начинаются со статьи, указывающей, что договор не затрагивает прав и обязанностей каждой из сторон, вытекающих для нее из других международных договоров, участницей которых она является.

Особое место в заключительных положениях занимают положения, формулирующие порядок внесения изменений и дополнений в проекты договоров в соответствии со ст.ст. 39–41 Венской конвенции. Большинство договоров, заключенных в рамках СНГ, содержат статьи об изменениях и дополнениях. Чаще всего в них указывается, что по согласию сторон в договор могут вноситься изменения и дополнения, оформляемые соответствующим протоколом. В таком случае, как правило, в протоколе указывается, что он является неотъемлемой частью договора, и, следовательно, договор с протоколом должны восприниматься как единый документ.

Если же протокол не содержит таких положений и дополнений к первоначальному договору, регулиющему определенные межгосударственные отношения, то тогда он должен восприниматься как самостоятельный правовой акт.

Вступившие в силу изменения и дополнения становятся обязательными для тех государств, которые официально их приняли. В таком случае в рамках одного и того же договора возникают различные правовые режимы его применения. Один режим будет действовать для государств, принявших поправку, а другой – для тех государств, которые остаются участниками только первоначального договора, то есть не принявших поправку.

В Содружестве сложилась практика, согласно которой при наличии большого количества поправок в тех или иных соглашениях государства – участники СНГ предпочитают заключать договор в новой редакции с отменой прежнего. Такое положение согласуется в целом с международно-правовой практикой.

Приложения к договорам СНГ, как правило, являются их неотъемлемой частью, и, если прямо не предусмотрено иное, ссылка на договор представляет собой в то же время ссылку на любое приложение к нему. В таком случае изменения и дополнения к приложениям должны рассматриваться как изменения и дополнения к са-

мому договору. В то же время в договоре может конкретизироваться порядок внесения изменений и дополнений в приложения к нему. В этом случае необходимо руководствоваться порядком, предусмотренным договором.

Особое место в заключительной части занимают положения, закрепляющие механизмы урегулирования споров, обеспечивающие соблюдение договоров.

В Методических рекомендациях предлагаются два варианта изложения механизмов урегулирования спорных вопросов в договорах, заключаемых в рамках СНГ. В соответствии со ст. 15 Договора о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР от 1991 года все споры между двумя или несколькими сторонами по выполнению и толкованию этого Договора будут разрешаться путем переговоров на основе подачи соответствующей письменной претензии. В случае невозможности урегулировать спорные вопросы путем консультаций и переговоров стороны по согласию обращаются в Экономический Суд СНГ или к другой процедуре.

В качестве основного судебного средства разрешения споров в Содружестве выступает Экономический Суд СНГ, юрисдикция которого по урегулированию споров прописана в 36 международных договорах. В соответствии со ст. 32 Устава СНГ Экономический Суд разрешает межгосударственные экономические споры, возникающие при исполнении экономических обязательств, предусмотренных соглашениями, решениями Совета глав государств, Совета глав правительств и других его институтов, о соответствии нормативных и других актов государств – участников СНГ, принятых по экономическим вопросам, соглашениям и иным актам Содружества.

Следует отметить, что Экономический Суд СНГ имеет довольно узкую компетенцию, которая ограничена рассмотрением лишь межгосударственных экономических споров, при этом принимаемые по ним решения не являются обязательными для исполнения сторонами спора. Иными словами, деятельность Суда определена в пределах и объеме, согласованных государствами как субъектами международного права. В то же время, как показывает практика, наиболее активно Экономический Суд СНГ проводит толковательную работу по международно-правовым актам, заключенным в рамках Содружества.

В Методических рекомендациях определено, что по обоюдному согласию стороны могут обращаться к другой процедуре, если спор не разрешен при помощи согласительных средств. В последнем случае речь идет о возможной передаче спора на рассмотрение высшего органа Содружества – Совета глав государств СНГ.

Международное право предусматривает также другие средства разрешения межгосударственных споров: примирительные (согласительные) комиссии, добрые услуги и посредничество, международный третейский суд (арбитраж), международные судебные органы. В договорной практике СНГ вышеперечисленные средства разрешения споров почти не используются.

В заключительной части структуры договора особое положение занимает институт оговорок. В некоторых случаях после подписания, ратификации, принятия, утверждения какого-либо договора или присоединения к нему государства выступают с определенными заявлениями. Такие заявления могут именоваться «оговорками», «заявлениями», «разъяснительными заявлениями», «декларациями, или заявлениями о толковании». Независимо от формулировки или названия любое такое заявление, направленное на исключение или изменение юридического действия некоторых положений договора в их применении к заявителю, представляет собой по существу оговорку. Оговорка может позволить государству стать стороной в многостороннем договоре, участвовать в котором в противном случае оно либо не пожелало бы, либо не смогло. Более детально практика использования института оговорок в праве СНГ изложена авторами в ранее опубликованной работе [1, с. 64–69].

Вступление договора в силу – завершающая стадия правотворческого процесса, означающая, что договор становится юридически обязательным для подписавших его сторон. Свое согласие на обязательность для него договора государство может выразить подписанием, обменом документами, образующими договор, ратификацией, принятием, утверждением или присоединением. В международном праве различают два вида подписания договора: простое и окончательное [3]. В многосторонних договорах, как правило, содержатся положения о подписании договора с условием последующих процедур ратификации, принятия, утверждения, что также называется простым подписанием. Акт подписания обязывает государство воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Этот основополагающий принцип права международных договоров закреплен в ст. 18 Венской конвенции.

Анализ договорной базы СНГ показывает, что в ряде соглашений предусматривается их вступление в силу с момента подписания. В таком порядке вступило в силу Соглашение о безвизовом передвижении граждан государств Содружества Независимых Государств по территории его участников от 9 октября 1992 г. Вместе с тем во внутригосударственном праве большинства государств – участников СНГ закреплен принцип, согласно которому договоры, затрагивающие права юридических и физических лиц, стано-

вятся обязательными лишь после их официального опубликования. В частности, этот принцип оговорен в Законе Республики Беларусь «О международных договорах», а также в Положении о процедурных вопросах заключения международных договоров Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 11 мая 1999 г. № 261. К тому же национальные суды стран Содружества могут применять только вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы.

Из этого следует, что момент вступления в силу договора и момент его применения как части внутригосударственного права не всегда совпадают. На наш взгляд, это создает определенные трудности для правоприменения.

Методические рекомендации допускают временное применение договора в соответствии со ст. 25 Венской конвенции. После того как договор временно вступает в силу, он порождает обязательства для сторон, которые согласились ввести его в силу именно таким образом. Государство-подписант может продолжить временное применение договора даже после его вступления в силу до тех пор, пока не выполнит соответствующие внутригосударственные процедуры (не ратифицирует, не утвердит, не примет договор). Временное применение договора государством прекращается, если это государство уведомит депозитарий о своем намерении не становиться его участником. Так, например, Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24 декабря 1993 г. предусматривает временное применение с момента подписания и вступает в силу с даты сдачи на хранение депозитарию третьего уведомления о выполнении подписавшими его сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу. Соглашение подписано всеми государствами – участниками СНГ и вступило в силу в ноябре 1994 года для шести государств Содружества, а временно применяется для четырех государств СНГ. Российская Федерация до апреля 2002 года временно применяла Соглашение, а затем уведомила депозитарий о намерении не становиться его участником.

Таким образом, государства СНГ временно применяют вступившие в силу договоры, когда в соответствии с положениями этих договоров они в одностороннем порядке обязываются временно выполнять договорные обязательства, даже если еще не до конца соблюдены требования их внутригосударственной процедуры в отношении ратификации, утверждения, принятия или присоединения к ним.

Окончательное вступление в силу – это момент, когда договор становится юридически обязательным для сторон договора. При этом положения договора определяют момент его вступ-

ления в силу. Это может быть дата, указанная в договоре, или дата, когда определенное число ратификационных грамот или документов об утверждении, принятии или присоединении будет сдано на хранение депозитарию. В качестве примеров можно привести: Соглашение о сотрудничестве в области экологического мониторинга от 13 января 1999 г., которое вступает в силу с даты сдачи на хранение депозитарию третьего уведомления о выполнении подписавшими его сторонами всех необходимых внутригосударственных процедур; Протокол о прекращении многосторонних договоров, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств, от 1 декабря 2000 г., который вступает в силу с даты получения депозитарием последнего письменного уведомления о выполнении подписавшими его сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Окончательное согласие государства на обязательность для него международного договора может выражаться в акте ратификации. Согласно подпункту b пункта 1 ст. 2 Венской конвенции, под ратификацией понимается имеющий такое наименование международный акт, посредством которого государство выражает в международном плане свое согласие на обязательность для него договора. В международном плане ратификация представляет собой процесс, с помощью которого это согласие обретает международно-правовое значение и порождает международные последствия. Следует различать ратификацию как международный акт, свидетельствующий о готовности государства принять на себя обязательства по соответствующему договору, и ратификацию на национальном уровне, которая осуществляется государством до выражения своего согласия на обязательность договора на международном уровне. Для установления намерения государства принять на себя международные обязательства недостаточно только ратификации на национальном уровне. Соответствующие действия необходимо предпринять и на международном уровне. Ратификация международного договора государством находит отражение в особом документе – ратификационной грамоте. При заключении многостороннего договора в рамках СНГ она сдается депозитарию. Так, в соответствии со ст. 13 Соглашения об общих условиях и механизме поддержки развития производственной кооперации, предприятий и отраслей государств – участников Содружества Независимых Государств от 23 декабря 1993 г., оно подлежит ратификации сторонами в соответствии с их конституционной процедурой и вступает в силу после сдачи государству-депозитарию третьей ратификационной грамоты.

Не всегда представляется возможным определить время вступления договора в силу, под-

лежит ли он одобрению парламентами или будет выражена его обязательность иным способом. Например, в ст. 14 Соглашения о Коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению от 24 сентября 1993 г. предусмотрено, что оно вступает в силу для каждого из государств-участников в соответствии с его законодательными процедурами.

Договорная практика СНГ предусматривает также такие способы вступления в силу международных договоров, как принятие или утверждение. По сравнению с ратификационными грамотами документы о принятии или утверждении не имеют тождественного вида и четко установленной формы. Обычно это ноты или письма, которые подписываются от имени Правительства Министром иностранных дел или его заместителем.

Принятие международного договора как форма выражения согласия на обязательность международного договора используется для упрощенного выражения согласия государства на обязательность для него договора, когда к ратификации прибегать нецелесообразно. В некоторых случаях термин «принятие» включается в договоры, с тем чтобы присоединение государства к договору не зависело от его ратификации. Принятию предшествует подписание, которое является одной из возможных форм выражения согласия государства на обязательность для него международного договора.

Необходимо подчеркнуть, что утверждение в форме закона возможно как самостоятельная процедура в отношении международных договоров. Договоры, заключаемые в рамках СНГ, как правило, предусматривают вступление их в силу с момента, когда депозитарию будет сдано на хранение определенное число ратификационных грамот или документов о выполнении иных процедур. На практике встречаются международные договоры, где на усмотрение сторон предлагается несколько возможных способов вступления их в силу.

Присоединение означает согласие на обязательность договора для субъекта международного права, который его не подписал или вообще не принимал участия в его подготовке. В Методических рекомендациях предусмотрено присоединение только после вступления договора в силу. Между тем, по мнению некоторых ученых-юристов, право на присоединение существует независимо от вступления договора в силу [7, с. 44].

Разделяя эту точку зрения, полагаем, что именно в таком смысле формулируются заключительные положения принимаемых в настоящее время международных договоров, тем более что Венская конвенция не содержит никаких условий, препятствующих или определяющих условия присоединения к договору.

К заключительным элементам структуры международного договора могут относиться приложения, конкретизирующие правовые предписания его основной части.

В большинстве договоров СНГ приложения обладают обязательной силой. В таких случаях в основном тексте договора указывается, что приложения являются его неотъемлемой частью. Например, в ст. 1 Соглашения об образовании Совета председателей высших арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, разрешающих дела по спорам в сфере экономики, от 7 октября 2002 г. говорится, что Совет осуществляет свою деятельность на основе Положения, которое является неотъемлемой частью настоящего Соглашения. Виды приложений многообразны: географические карты, схемы, планы, бланки с реквизитами документов, списки, таблицы, положения об органах отраслевого сотрудничества СНГ и др. Приложения могут относиться как к договору в целом, так и к отдельным его статьям. Подписание приложений не является обязательным, если стороны не договорились об этом. Во всех случаях приложения должны иметь заголовки и грифы, которые связывают их с основным текстом договора. Они нумеруются арабскими

цифрами. Реквизиты помещаются в правом верхнем углу с отметкой, указывающей, к какому договору они относятся.

В заключение хотелось бы отметить, что в системе межгосударственных отношений, подлежащей правовому регулированию, особое внимание уделяется не только содержанию, но и структуре договоров. Разработка договорного текста становится все более сложным и наукоемким процессом, требующим обширных знаний и высокого профессионализма от его разработчиков. Им необходимо учитывать многие факторы развития международного права, а также хорошо владеть приемами юридической техники, тем более что каждый договор действует не сам по себе, а во взаимосвязи с другими международными договорами и обычными нормами международного права. В этом контексте при проектировании и конструировании договора значительное внимание следует уделять обеспечению соответствия его правовых предписаний, включая терминологию, актам и нормам, с которыми он будет взаимодействовать. Договорные постановления должны формулироваться таким образом, чтобы при их имплементации во внутригосударственное право не возникало никаких неясностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежновец, В.Н. Об оговорках к международным договорам, заключаемым в рамках Содружества Независимых Государств / В.Н. Вежновец, С.И. Мукашев // Судовы весн. – 2011. – № 1. – С. 64–69.
2. Вежновец, В.Н. Юридическая техника в договорной практике Содружества Независимых Государств / В.Н. Вежновец, С.И. Мукашев // Право by. – 2012. – № 6. – 104–108.
3. Заключительные статьи многосторонних договоров: руководство / ООН. – 2004.
4. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
5. Международное право в документах: учеб. пособие / сост.: Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – 880 с.
6. О Методических рекомендациях по разработке проектов международных договоров, заключаемых в рамках Содружества Независимых Государств: решение Совета министров иностранных дел СНГ от 28 марта 2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
7. Талалаев, А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / А.Н. Талалаев. – М., 1997. – 336 с.

Дата поступления статьи в редакцию 19.11.2012

УДК 341.231.14

ПРАВО НА ПИТАНИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ ГОСУДАРСТВ

ПРОХАЗКА А.А.,

соискатель кафедры международного права Национального университета
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого», г. Харьков

Статья посвящена вопросу реализации права на питание и обязательства государств по его защите, уважению и выполнению в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Рассматриваются проблема применения права на питание в национальном правовом порядке и особенности его правовой, в том числе судебной, защиты. В связи с этим обосновывается необходимость урегулирования внутреннего законодательства на предмет его соответствия международным обязательствам, проведения четкой государственной политики и выработки единой национальной стратегии в вопросах питания и продовольствия для населения.

The article is dedicated to the question of the realization of the right to food and the obligation of states on its protection, respect and fulfil in accordance with International pact on economic, social and cultural rights 1966. The problem is considered of the enforcement of the right to food in national law and order and particularities it's legal, including judicial, protection. In this connection, the necessity is motivated to the adjusting of domestic legislation on the subject of its correspondence to international obligations, undertaking of the clear state politics and the production of the united national strategy in questions of the food and the provisions for the population.

В последние десятилетия, учитывая рост экономического потенциала передовых стран и последствия ряда глобальных кризисов, охвативших мир, большое значение приобрела необходимость надлежащего соблюдения основных прав человека, в том числе тех, которые до недавнего времени рассматривались как второстепенные. Речь идет о таких экономических, социальных и культурных правах человека, как право на питание и право на свободу от голода, изложенные в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года (далее – Пакт 1966 года) [1, с. 36].

Закрепившееся в теории международного права мнение о разделении прав человека на отдельные поколения позволило сформулировать подход к экономическим, социальным и культурным правам как к необязательным, осуществление которых возможно отложить на долгие годы или оставить на усмотрение правительств.

Подобные представления препятствовали дальнейшему развитию этой группы прав на международном и национальных уровнях, придавая им в отдельных случаях явно декларативный характер.

Исследования М.Видар, М.В.Гребенюка, К.Голея, В.А.Карташкина, Л.Кнуф, К.Кертиса, О. де Шуттера, А.Эйде и ряда других ученых

позволили в значительной мере изменить эту ситуацию, вместе с тем на постсоветском пространстве проблема остается неизученной.

Принятые в ряде независимых республик нормативные акты в основном касаются пищевых стандартов, критериев безопасности и качества продовольствия и не предусматривают реальной защиты с позиции соблюдения прав человека. В литературе не раз обращалось внимание на то, что даже в вопросах обеспечения продовольственной безопасности в Украине, Грузии, Казахстане и Молдове нет специальных законодательных актов. По этому поводу М.В.Гребенюк отмечает, что в Украине более трех лет существует законопроект от 7 сентября 2005 г. за № 8098 «О продовольственной безопасности», который так и не рассмотрен Парламентом [2, с. 167].

Закрепляющий права человека Пакт 1966 года прошел ратификацию Украиной и Республикой Беларусь в октябре 1973 года в указах Президиумов Верховных Советов. Вместе с тем только в ст. 21 Конституции Республики Беларусь 1994 года [3] и ст. 48 Конституции Украины 1996 года формулировка права на питание получила свое надлежащее закрепление [4, с. 246–251].

Вопросы питания в праве Украины и Беларуси появились в ряде законодательных актов, касающихся социальной помощи, детского питания, защиты прав потребителей при отсутствии специального нормативного правового акта. В Положении о порядке предоставления государственной адресной социальной помощи, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 41, среди прочих регулируются проблемы бесплатного питания детей первых двух лет жизни (подпункт 2.5 пункта 2) [5, с. 10]. В Украине, в свою очередь, действует Закон от 14 сентября 2006 г. «О детском питании» [6].

Вместе с тем правовое закрепление права на питание в конституциях еще не означает, что государства гарантируют его обеспечение. Это связано с тем, что выполнение экономических, социальных и культурных прав ставится в зависимость от экономических возможностей страны или же ориентировано на их постепенное осуществление. В зарубежной правовой литературе соблюдение права на питание и свободу от голода закрепляется за каждым человеком, хотя и часто соединяется с обеспечением прав определенных категорий населения: женщин, детей, инвалидов, беженцев, коренных народов. Частично право на питание отражено в таких международных документах, как Конвенция о правах ребенка 1989 года, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, Конвенция о правах инвалидов 2006 года [7, с. 381, 405–478]. Ратифицируя эти документы, Украина и Беларусь приняли на себя обязательство по исполнению содержащихся в них норм.

В нормах «мягкого» права, к примеру, в Замечаниях общего порядка от 12 мая 1999 г. № 12 право на питание признается за каждым человеком и его семьей и не означает каких-либо ограничений в плане применения этого права к физическим лицам или к домашним хозяйствам, которые возглавляют женщины. По мнению Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, проблема голода и недоедания содержится в отсутствии не продовольствия, а доступа широких слоев населения к нему, в частности, в связи с бедностью (пункты 1, 5–6) [8, с. 1–3].

В международном праве свобода от голода отнесена к фундаментальным правам человека и непосредственно влияет на его выживание, а право на питание – не только на существование, но и на его нормальное физическое и духовное развитие. Установленный государством стандарт должен обеспечивать человеку хотя бы минимальные условия для жизни и не противоречить культурным, возрастным, религиозным, национальным потребностям. Человек может умереть от голода, отказываясь употреблять

пищу, противоречащую его культуре, убеждениям или привычке. Это же является серьезным нарушением права на питание, поскольку может лишить человека полноценного питания и вызвать хроническое недоедание или спровоцировать голод.

В отношении обязательств государств по осуществлению Пакта 1966 года А.Ейде предложил рассматривать право на питание с позиции его уважения, защиты и выполнения, в свою очередь выполнение права на питание разделять на облегчение и обеспечение [9, с. 37–38]. В дальнейшем этот подход был окончательно закреплен в Замечаниях общего порядка от 12 мая 1999 г. № 12. Важность предложенной структуры заключалась в том, что впервые были сформулированы конкретные задачи для национальных правительств в отношении выполнения указанной категории прав.

Намерения международного сообщества выровнять ситуацию в вопросе равной защиты обоих поколений прав человека наблюдается и в принятом в 2009 года Факультативном протоколе к Пакту 1966 года. По мнению В.А.Карташкина, полномочия, предоставленные Комитету по экономическим, социальным и культурным правам в данном протоколе, позволят последнему судить о соответствии законов, судебной и административной практики требованиям Пакта 1966 года и поставят государства перед необходимостью исполнять рекомендации Комитета по недопущению подобных нарушений в будущем [10, с. 425–426].

Поскольку международные механизмы защиты прав человека всегда рассматривались как дополнительные к соответствующим средствам защиты национальных государств, то сегодня можно говорить, что право на питание постепенно получает свое признание и закрепление во внутреннем праве отдельных государств. Анализируя проникновение права на питание в национальное право стран мира, необходимо отметить, что его закрепление появляется в национальных конституциях, в принятии отдельных базовых нормативных правовых актов, формулировании национальных стратегий питания и продовольственной безопасности населения. Оно также отражается в деятельности национальных правовых институтов, комиссий, общественных организаций, в сфере образования, решениях государственных органов власти и, наконец, в судебной практике.

Зарубежные исследователи Л.Кнуф и М.Видар предложили конституционное признание права на питание разделить на четыре широкие категории: а) явное и прямое признание в качестве отдельного права, так и в части другого, более широкого права; б) право на питание, которое не явно определено в более широком праве человека; в) явное признание права на пита-

ние в качестве цели или определяющего конституционного принципа в пределах конституционного порядка; г) косвенное признание через интерпретацию других прав человека судебной властью [11, с. 14].

В последние годы право на питание также закрепились во внутреннем праве: в Аргентине в 2003 году; Гватемале в 2005 году; Эквадоре в 2006 году; Бразилии в 2006 году; Венесуэле в 2008 году. В других 10 латиноамериканских странах и странах Карибского бассейна похожие законопроекты предлагаются для принятия национальным парламентам [12, с. 3]. Испытывая трудности в обеспечении населения продовольствием, правительство Гватемалы в 2006 году утвердило Национальную стратегию по уменьшению хронического недоедания на 2006–2016 годы, с тем чтобы помочь детям младше 5 лет. В 2009 году Национальным советом по продовольственной безопасности Гватемалы был сформулирован Стратегический план в отношении питания и продовольственной безопасности на 2009–2012 годы [13, с. 13].

Право на питание находит свое закрепление и в деятельности разных типов национальных учреждений, которые обеспечивают защиту прав человека. К таким структурам можно отнести национальные комиссии по правам человека, управления омбудсмана, общественные организации, деятельность защитников прав человека, народных посредников и народных защитников. Представители этих учреждений часто пользуются полномочиями защиты интересов отдельных граждан, групп, сообществ в органах государственной власти, международных учреждениях по вопросам прав человека.

Деятельность подобных организаций регламентирована принятыми в 1991 году Парижскими принципами. Они могут быть определены как постоянные и независимые структуры, созданные с целью продвижения и защиты прав человека и обеспечивающие наиболее авторитетное нормативное основание, существующее на международном уровне, для определения особенностей национальных учреждений по поощрению и защите прав человека [14, с. 6–10]. Так, в 2003 году Национальной комиссией по правам человека в Индии рассматривался случай *Orissa Starvation Deaths Proceedings*, фактически подтвердивший, что нормы Конституции Индии, касающиеся уровня жизни населения, относятся также и к праву на питание, которое гарантируется конституционным правом страны. Среди прочего Комиссия заявила, что требования Конституции совместимы со ст. 11 Пакта 1966 года [15, с. 52].

Наиболее спорным на сегодня вопросом остается судебная защита экономических, социальных и культурных прав, в том числе таких базовых, как право на достойный уровень жизни,

включая питание, одежду и жилье. На региональном уровне возможность судебной защиты права на питание может быть представлена, исходя из полномочий Африканского суда по правам человека. В свою очередь, Межамериканский суд по правам человека, в основном занимающийся вопросами защиты гражданских и политических прав, не раз выступал в защиту особо уязвимых групп населения, включая работающих иммигрантов, задержанных лиц, детей и коренного населения.

Последнее может быть подтверждено Е.Бек, по мнению которой юридически обязательные основания системы прав человека были созданы Американской конвенцией о правах человека и включают перечень гражданских и политических прав. Вместе с тем экономические, социальные и культурные права в ней явно не перечислены, хотя в ст. 26 государства соглашаются принять меры по экономическим и техническим вопросам для реализации прав, следующих из экономических, социальных, образовательных и культурных норм, изложенных в Уставе Организации американских государств, и, таким образом, права на питание. Автор считает, что ст. 33 Американской конвенции о правах человека создает основание для судебной защиты экономических, социальных и культурных прав Межамериканским судом по правам человека [16, с. 16].

На национальном уровне защита права человека на питание также нашла свое закрепление в ряде судебных решений. В практике национальных судов рассмотрение вопроса защиты права на питание представлено в решениях высших судов той или иной страны. В отдельных случаях решения по праву на питание принимались конституционным судом, к ним К.Голей относит процедуру «amparo» в Мексике и похожую «tutelage» в Колумбии. Их особенность заключается в том, что физическое лицо или группа лиц, являющихся жертвой нарушения основных прав человека, имеют право обратиться как с индивидуальной, так и с коллективной жалобой, по которой судьи обязаны принять решение. Так, в Аргентине и Колумбии омбудсмен имеет право подать жалобу на нарушение коллективного права на питание. Проблема права на питание в судебных инстанциях отдельных государств поднималась в ходе защиты прав национальных меньшинств, коренных народов, рыбацких общин. Такие случаи проанализированы К.Голеем и были рассмотрены национальными судами Аргентины, Бразилии, Колумбии, Индии [17, с. 47–58].

Право на питание попадало в сферу правового интереса судов как часть права на достойные условия существования человека, а также обеспечения права на жизнь, достойные условия содержания. Рассматривая решения немецких

федеральных конституционного и административных судов, К.Кертис считает, что они обеспечивают примеры понимания «минимального основного содержания» – стратегии, которая основывается на конституционных принципах благосостояния или социального государства и человеческого достоинства. В своих решениях суды пришли к выводу, что эти конституционные принципы предусматривают позитивное обязательство государства обеспечивать жизненный уровень или жизненный минимум, включая доступ к продовольствию, жилью, социальной помощи лицам, которые в ней нуждаются. В свою очередь, Верховный Суд Бангладеш, интерпретируя конституционный пункт, обеспечивающий право на жизнь человеку, решил, что Правительство должно ликвидировать угрозу, вызванную поставками молока, содержащего радиоактивное загрязнение вне допустимых пределов. Суд заявил, что право на жизнь включает защиту здоровья и нормальной продолжительности жизни обыкновенного человека и что этому могут угрожать употребление и маркетинг продовольствия и напитков, которые являются вредными для здоровья. В другом примере решением Верховного Суда Фиджи было отменено наказание, наложенное администрацией тюремного учреждения на осужденного, заключавшееся в уменьшении вдвое его продовольственного пайка. Верховный Суд посчитал, что сокращение продовольственной порции и использование продовольствия как средства контроля несовместимы с пунктом 1 ст. 11 Пакта 1966 года [18, с. 13–15].

Нарушение права человека на питание может проявляться и в отношении задержанных или лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, путем ограничения обеспечения человека продовольствием и питьевой водой и расцениваться как особый вид пытки или же жестокого, унижающего его достоинство обращения. О возможности рассмотрения в судебном порядке подобных случаев свидетельствует как практика, так и позиция Европейского суда по правам человека, которая к унижающему достоинству обращению среди прочего относит не-

удовлетворительное по качеству, количеству и разнообразию питание [19, с. 877].

Актуальность проблемы для Украины подтверждается и докладами Уполномоченного Верховного Совета по правам человека, не раз упоминавшего о недостаточности, несоответствии питания значительной части населения страны, о случаях лишения отдельных категорий граждан доступа к продовольствию, о необходимости пересмотра размера прожиточного минимума, не изменявшегося в государстве более 10 лет [20, с. 37–38]. Таким образом, правовые вопросы питания и продовольственной безопасности находятся в центре решения основных социально-экономических, политических проблем общества и подлежат скорейшему рассмотрению, поскольку способствуют его стабилизации и дальнейшему развитию.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на то, что защита прав человека на питание и свободу от голода в качестве самостоятельной рассматривается только в последние десятилетия, продвижение этого права в национальные правовые системы является достаточно активным. Об этом свидетельствуют увеличение количества государств, закрепивших соответствующие нормы во внутреннем законодательстве, деятельность правозащитных механизмов на международном, региональном и национальных уровнях, а также судебная практика. Тенденции в сфере защиты других экономических, социальных и культурных прав позволяют спрогнозировать необходимость формулирования четкой позиции государств по этому вопросу, принятие соответствующего законодательства, создание правовых механизмов защиты данной категории прав человека. С учетом опыта европейских государств также может быть предложено приобщение к данному процессу широких слоев населения, представленных в виде неправительственных организаций, всевозможных объединений граждан, правозащитных организаций. Надлежащая судебная защита позволит не только обеспечить исполнение обязательств государств, но и сформирует единую правоприменительную практику в этом вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестаков, Л.Н. Права человека. Сборник международных документов / Л.Н. Шестаков. – М.: Госуниверситет, 1986. – 232 с.
2. Гребенюк, М.В. Міжнародно-правовий досвід забезпечення продовольчої безпеки / М.В. Гребенюк // Право України. – 2010. – № 2. – С. 165–172.

3. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press10669.html>. – Дата доступа: 05.12.2012.
4. Конституція України. Науково-практичний коментар. – Харків: Ін Юре, 2003. – 805 с.
5. О государственной адресной социальной помощи: Указ Президента Респ. Беларусь, 19 янв. 2012 г. № 41 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 12. – 1/13263.
6. О детском питании: Закон Украины, 14 сент. 2006 г., № 142-5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/142-16>. – Дата доступа: 05.12.2012.
7. International Instruments // Collection of International Instruments and Legal Texts Concerning Refugees and Others of Concern to UNHCR. – Geneva: Published by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), 2007. – Vol. 1. – P. 381–497.
8. General comment № 12: The right to adequate food (E/C.12/1999/5). – P. 1–10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/comments.htm>. – Дата доступа: 05.12.2012.
9. Ейде, А. Економічні, соціальні й культурні права / під ред. А. Ейде, К. Краузе, А. Розаса; пер. з англ. Г.Є. Краснокутського; наук. ред. Г.І. Чакишева. – Одеса: АО Бахва, 2006. – 728 с.
10. Карташкин, В.А. Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах / В.А. Карташкин // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской науч.-практ. конф., Москва, 9–10 апр. 2010 г. – М.: РУДН, 2011. – Ч. I. – С. 419–427.
11. Knuth, L. Constitutional and legal protection of the right to food around the world / L. Knuth, M. Vidar. – Rome: FAO, 2011. – 36 p.
12. De Schutter, O. Achieving the right to food: from global governance to national implementation Committee on World Food Security, 37th Session Rome, 17–21 / O. De Schutter. – Rome: Committee on World Food Security, 2011. – 8 p.
13. The right to food in Guatemala: Final report of the international Fact-Finding Mission. – Guatemala: FIAN, 2010. – 63 p.
14. Pohjola, A.-E. The Evolution of National Human Rights Institutions – The Role of the United Nations / A.-E. Pohjola. – Copenhagen: The Danish Institute for Human Rights, 2006. – 126 p.
15. Nolan, A. Leading Cases on Economic, Social and Cultural Rights: Summaries / A. Nolan, B. Thiele, M. Langford. – Geneva: Centre on Housing Rights and Evictions (COHRE), 2009. – 79 p.
16. Beck, A. The right to food of indigenous peoples in Latin America / A. Beck. – Heidelberg: FIAN, 2012. – 35 p.
17. Golay, C. The rights to food and access to justice: examples at the national, regional and international levels / C. Golay. – Rome: FAO, 2009. – 65 p.
18. Curtis, C. The right to food as justifiable right: challenges and strategies / C. Curtis // Revista Internacional de Direito e Cidadania. – 2008. – № 1. – P. 7–18.
19. Європейський суд з прав людини. Судова практика / за заг. ред. В.Г. Буткевича // Дод. до журн. «Право України». – Вип. 1. – Ч. 1–2: Ст. 3 ЄКПЛ. Заборона катувань: у 3 ч. – 2011. – 936 с.
20. Щорічна доповідь Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини про стан дотримання та захисту прав і свобод людини в Україні. – Київ: Омбудсман України, 2010. – 95 с.

Дата поступления статьи в редакцию 05.12.2012

ГРУППА ЛИЦ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СГОВОРА КАК ФОРМА СОУЧАСТИЯ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ УКРАИНЫ

КВАША О.А.,

старший научный сотрудник отдела проблем уголовного права, криминологии и судоустройства Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена исследованию проблемных аспектов группы лиц без предварительного сговора как формы соучастия в преступлении. Обосновывается нетождественность понятий «группа лиц без предварительного сговора» и «группа лиц». Отмечено, что «группа лиц» является обобщающим понятием, которое не нашло законодательного закрепления в Уголовном кодексе Украины. Предложено авторское определение понятия группы лиц без предварительного сговора.

The article deals with the problem areas in a group of persons without previous concert as a form of participation in the crime. Nonidentity of concepts «group of persons without previous concert» and a «group of persons» is justified. A special attention is paid to the concept «group of persons» which is considered to be a summarizing concept that does not have the legislative fixing in Criminal code of Ukraine. The author's definition of a group of persons without previous concert is proposed.

Введение

В теории уголовного права проблема соучастия в преступлении пользуется постоянным научным интересом, который не зависит от изменения теоретических воззрений либо социально-политических тенденций. Первая монография, посвященная соучастию в преступлении, была издана еще в 1850 году А.С.Жиряевым. Проблемы соучастия в преступлении изучали дореволюционные ученые Л.С.Белогриц-Котляревский, Г.Е.Колоколов, С.В.Познышев, П.П.Пусторослев, Н.Д.Сергиевский, В.Д.Спасович, Н.С.Таганцев, И.Я.Фойницкий и др.

Различные аспекты соучастия в преступлении исследовали украинские ученые П.П.Андрушко, М.И.Бажанов, Ю.В.Баулин, В.И.Борисов, В.А.Глушков, В.К.Грищук, Н.А.Гуторова, Л.М.Демидова, Г.П.Жаровская, А.П.Закалюк, А.Ф.Зелинский, М.И.Коржанский, А.Н.Костенко, О.М.Литвак, Н.И.Мельник, П.П.Михайленко, А.А.Музыка, В.А.Навроцкий, А.В.Савченко, А.Н.Трайнин, Н.И.Хавронюк, Н.Н.Ярмыш и др.

Особенно следует отметить фундаментальную работу известного украинского профессора Ф.Г.Бурчака «Соучастие: социальные, криминологические и уголовно-правовые проблемы», из-

данную в 1986 году. Импонирует подход ученого к соучастию с позиций социальной психологии. Действительно, без учета положений этой науки невозможно понять сущность соучастия и всех его проявлений как в социальной действительности, так и в действующем уголовном законодательстве.

Применительно к понятию соучастия необходимо отметить, что соучастие – это в первую очередь совместная деятельность. Поскольку любая преступная деятельность является видом социального (вернее асоциального) поведения человека, то формы такой деятельности также должны отвечать основным формам, определенным в философии и психологии.

Деятельность человека как целеустремленное движение реализуется в разнообразных формах: индивидуальной, групповой (совместной) и коллективной. Следует исходить из того, что в основе уголовного права как юридического текста лежат разные виды социального поведения и оно в действительности представляет сложный социально-правовой феномен [1]. Нормы, которые образуют институт соучастия в преступлении, регулируют ответственность за групповую преступную, а также организованную преступную деятельность, которая являет-

ся одним из наиболее опасных проявлений групповой (совместной) преступной деятельности людей.

В Уголовном кодексе Украины (далее – УК) определены четыре формы соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступная организация (ст. 28). Вместе с тем среди ученых существуют разногласия при определении обязательных специфических признаков этих форм, дискуссия об отнесении группы лиц без предварительного сговора к формам соучастия. Также не решены вопросы о соотношении понятий «группа лиц» и «группа лиц по предварительному сговору», об обоснованности законодательного ограничения группы лиц как формы соучастия соисполнительством. Решение обозначенных научных проблем и является целью данной статьи.

Основная часть

Предметом научной дискуссии является вопрос об определении форм соучастия. В.Быков указанные выше формы соучастия рассматривает как виды преступных групп [2]. Однако к групповым формам преступности преимущественно относятся преступления, которые совершаются группами лиц и группами лиц по предварительному сговору.

Согласно части 1 ст. 28 УК, совершение преступления группой лиц предусматривает участие в преступлении нескольких (двух или более) исполнителей без предварительного сговора между собой. То есть совершение преступления группой лиц, по действующему украинскому законодательству, – это всегда соисполнительство, когда все участники преступления полностью или частично производят действия, которые входят в объективную сторону состава соответствующего преступления. Сговор на совершение преступления должен состояться лишь тогда, когда один из исполнителей уже начал выполнять объективную сторону состава конкретного преступления.

Отметим, что отдельные украинские правоведы справедливо отмечают несовершенство законодательного определения данной формы соучастия, поскольку и при соучастии без предварительного сговора возможно распределение ролей. Другие ученые допускают в той или иной степени возможность распределения ролей при совершении преступления группой лиц.

Не можем согласиться с мнением ученых, полагающих, что «неорганизованная группа (*група без предварительного сговора*). – Прим. авт.) в связи с отсутствием необходимого субъективного признака – согласованности или сговора – ни формой соучастия, ни ее разновидностью быть не может» [3]. По нашему мнению, совер-

шение преступления группой лиц без предварительного сговора требует определенной, возможно наименьшей, но организованности, объединения усилий. Именно поэтому организованность мы считаем критерием, по которому осуществлено разделение соучастия на формы, поскольку она в различной мере присуща каждой из форм совместной преступной деятельности.

Таким образом, следует признать, что любой форме соучастия организованность в определенной мере присуща. Подобной точки зрения придерживается и В.М.Быков, по мнению которого одним из характерных признаков понятия преступной группы является признак «члены группы в определенной степени организованы» [4]. Можно сделать вывод, что любая группа без предварительного сговора всегда определенным образом организована, существует пусть минимальная, но определенная степень согласованности, иначе она бы не достигла цели – причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны.

В социальной психологии отмечается, что группа в своем развитии проходит несколько этапов (групповая динамика), причем даже в самых простых из них – диффузных группах (случайных собраниях людей), когда еще отсутствует совместная деятельность, происходит осознание принадлежности к группе, стихийное выделение лидеров, осознание заданий и целей совместной деятельности, мотивация групповых предпочтений [5; 6].

Очевидно, именно как ответ на непризнание группы лиц формой соучастия отечественные ученые предлагали такое определение: преступление совершено группой лиц, если оно совершено лицами, которые объединили свои силы, средства и возможности непосредственно в процессе причинения вреда общественным отношениям [7]. Такое определение имеет ценность в части закрепления термина «объединение», однако в большей степени является криминологическим.

Термин «объединять» означает соединять в одно целое; делать единственным, целым; соединять, интегрировать; соединять между собой [8]. Следует отметить актуальность и важность применения системно-структурного подхода в современных правовых исследованиях, в результате которого соучастие можно определить как системно-структурное образование, органическим свойством которого является целостность. Поэтому термин «объединение», который семантически тяготеет к понятию «целое», «целостное», уместно применять для характеристики всех без исключения форм соучастия. Предлагаем закрепить этот термин в части 1 ст. 28 УК, что, по нашему мнению, разрешит дискуссии об отнесении группы лиц без предварительного сговора к формам соучастия. Соответственно, общность как сущностное ядро соучастия логич-

но соотносится с возможностью соучастия без предварительного сговора.

Современные исследования проблем соучастия в преступлении не всегда содержат глубокий анализ рассматриваемой формы соучастия. Зачастую констатируется, что соучастие без предварительного сговора на практике встречается достаточно редко, «главным образом в форме соисполнительства», то есть присоединения одного лица к преступной деятельности, которая уже начата другими лицами [9]. В данных рассуждениях очевидными являются сомнения авторов подобных высказываний относительно того, что группа лиц может иметь место лишь при соисполнительстве. Вместе с тем возражений против редакции части 1 ст. 28 УК данными авторами не высказывается, внесение соответствующих изменений в уголовное законодательство не предлагается.

В прошлом веке ученый П.Ф.Тельнов писал: «Соучастие с выполнением разных ролей возникает почти всегда по предварительному сговору. Взаимодействие виновных есть здесь более продолжительное, чем при соисполнительстве» [10]. В этом высказывании нам импонируют две позиции: во-первых, автор в определенных случаях допускает возможность распределения ролей и при соисполнительстве, употребляя слово «почти», и, во-вторых, придает весомое значение взаимодействию при соучастии.

Взаимодействие является ключевым понятием для уяснения сущности соучастия и особенностей его форм. Теория управления к философскому толкованию взаимодействия в значении связи и влияния элементов добавляет важное уточнение: взаимодействие – это не просто связь, а форма этих связей и влияния. Соответственно, соучастие, как и любая другая система, является целостным и в основе своей имеет всегда определенную структуру, которая образуется определенной совокупностью взаимодействий и связей.

По нашему мнению, при совершении преступления группой лиц без предварительного сговора возможны и пособничество, и организаторская деятельность (руководство другими участниками на месте преступления). Поэтому следует внести изменения в часть 1 ст. 28 УК. Представляется удачным изложение понятия группы лиц как «участия в преступлении нескольких (двух или более) лиц без предварительного сговора между собой» [11]. П.Л.Фрис разделяет такую позицию и приводит удачный пример группы лиц без предварительного сговора, когда лицо, которое присоединяется к действиям исполнителя, выполняет функции пособника: «Может возникнуть соучастие в ситуации, когда к исполнителю, который совершает кражу, присоединяется другой, который начинает предупреждать о возможной опасности» [12]. Приме-

ры из судебной практики в подтверждение такой позиции приводит и российский исследователь проблем соучастия А.А.Арутюнов [13].

Таким образом, мы предлагаем следующее определение: преступление совершено группой лиц без предварительного сговора, если несколько лиц (два или более) объединили свои действия в процессе его совершения. Использование глагола «объединили» подчеркивает общность и согласованность действий лиц и в группе без предварительного сговора. Объединение чего-либо в единое целое – это интеграция, которая является органическим свойством любой системы. Рассмотрение соучастия как системы обуславливает наличие свойств последней в любой из форм соучастия. Свойства соучастия как единого целостного образования определяются не столько свойствами отдельных соучастников, сколько свойствами ее структуры, особенными интегративными связками. Эти интегративные связи обеспечивают общность деятельности нескольких преступников независимо от наличия предварительного сговора.

Как указывалось выше, в уголовном законодательстве Украины группа лиц понимается как соисполнительство без предварительного сговора. Однако в уголовном законодательстве других стран встречается и иной подход. Так, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) (пункт 12 ст. 4) «под группой лиц, если иное не оговорено в статье Особенной части настоящего Кодекса, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой». На наш взгляд, организованная группа не может относиться к групповым формам соучастия. И только наличие в названии данной формы соучастия термина «группа» сближает ее с «группой лиц».

Закрепление в части 1 ст. 28 УК названия исследуемой формы соучастия как «группы лиц», по нашему мнению, является неудачным, поскольку «группа лиц» воспринимается как родовое понятие. Так, Н.Н.Ярмыш отмечает, что часть 2 ст. 28 УК предусматривает отдельный случай части 1 этой же статьи, где законодатель сформулировал, что такое «группа лиц»: охарактеризовал ее с объективной стороны – определил как двух соисполнителей [14]. Д.Г.Михайленко аргументирует свою позицию тем, что в отличие от части 1, в которой прямо идет речь о нескольких исполнителях, в части 2 ст. 28 УК вид соучастника конкретно не определен, однако, с другой стороны, можно сделать вывод, что в части 2, как и в части 1, речь идет по крайней мере о двух исполнителях (соисполнителях), поскольку эти нормы содержат одно и то же понятие – «группа лиц», что по правилам законодательной техники должно иметь одинаковое со-

держание [16]. Соответственно, группа лиц по предварительномуговору не может определяться по-другому, чем как соисполнительство (в качестве оппонента данной точки зрения выступает А.Арутюнов [15]).

Кроме того, Н.Н.Ярмыш отмечает, что само соисполнительство существенно повышает общественную опасность преступления: не является таким же опасным, как нападение двух исполнителей, посягательство, при котором исполнитель один, а другое лицо когда-то посоветовало ему каким способом осуществить задуманное. По нашему мнению, в подобном высказывании прослеживается позиция Н.Н.Ярмыш и других ученых, которые не признают причинную связь между действиями других соучастников (не исполнителей) и вызванным последствием. Однако разве не является повышенной опасностью соучастия в случае, когда исполнитель убийства – один, а другое лицо предоставило ему редкий яд, без которого исполнитель не мог бы осуществить задуманное, не рискуя разоблачить себя? Полагаем, такая форма соучастия существенно повышает опасность совершенного. Кроме того, наибольшую опасность при совершении преступления в соучастии, как правило, представляет его организатор.

На наш взгляд, законодатель в части 1 ст. 28 УК сформулировал понятие «группа лиц без предварительногоговора», а не «группа лиц», ведь эти понятия не тождественны. Группа лиц является обобщающим понятием, которое не имеет законодательного закрепления. Поэтому предлагаем предусмотренную в части 1 ст. 28 УК форму соучастия «группа лиц» именовать «группой лиц без предварительногоговора».

По нашему мнению, в УК Республики Беларусь, как и в научной литературе Украины, подменяются понятия группы лиц и организованной группы: «совершение преступления группой лиц является общим признаком организованной преступности» [17], с чем нельзя согласиться. Также встречается подмена термина «группа лиц» понятием преступной группы [18]. Последнее является категорией криминологии и не должно применяться в уголовном праве. Что же касается общего понятия группы лиц, то оно определено в пределах социологии и социальной психологии, а уголовное право лишь употребляет эти термины для своих целей при конструировании, в частности, форм соучастия в преступлении.

Недостатком действующего УК считаем отсутствие законодательного закрепления в названии ст. 28 понятия «форма соучастия», что и порождает имеющиеся дискуссии в уголовно-правовой науке.

С учетом изложенного предлагаем внести следующие изменения в название и часть 1 ст. 28 УК:

«Статья 28. Формы соучастия в преступлении

1. Преступление признается совершенным группой лиц без предварительногоговора, если несколько лиц (два или более) объединили свои действия в процессе его совершения.»

Общественная опасность групповых преступлений заключается не в том, что преступники сообща выполняют объективную сторону совершенного преступления, а в том, что преступление совершается сообща объединенными усилиями соучастников, независимо от той роли, которую выполняет каждый из них – однородности их или разнородности. Очевидно, что общность умысла и действий не охватывается понятием «общность выполнения». Причиной наступления вредных последствий в преступлениях, совершенных в соучастии, является совместная деятельность всех соучастников независимо от исполняемых ролей. Действия каждого соучастника являются собой структурную часть системы соучастия, которая вместе с другими факторами является элементом единственной причины. Принцип причинности носит всеобщий характер, одинаково распространяется как на природу, так и на общество; не представляет исключения в этом отношении и проявление преступного поведения, в том числе совершение преступления в соучастии [19].

Групповое преступление – это преступление, совершенное группой лиц без предварительногоговора и группой лиц по предварительномуговору. То есть наличие (отсутствие) предварительногоговора – единственный критерий разделения группового преступления на виды, поскольку каждый вид может проявляться как в простом соучастии (соисполнительство), так и в сложном соучастии (с распределением ролей). Квалифицированный состав групповых преступлений, предусмотренный в Особенной части УК, учитывает повышенную опасность общности не непосредственного выполнения, а действий в совершении преступления в целом.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Понятия «группа лиц без предварительногоговора» и «группа лиц» не тождественны. Группа лиц является обобщающим понятием, которое не имеет законодательного закрепления в УК. Группа лиц без предварительногоговора всегда определенным образом организована, существует пусть минимальная, но определенная степень согласованности действий, иначе группа не достигла бы цели – причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны. При совершении преступления группой лиц без предварительногоговора

ра возможны и пособничество, и организаторская деятельность (руководство другими участниками на месте преступления).

Предложена следующая редакция части 1 ст. 28 УК:

«1. Преступление признается совершенным группой лиц без предварительного сговора, если несколько лиц (два или более) объединили свои действия в процессе его совершения.»

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонтарь, И. Посредственное исполнение: теория и проблемы судебной практики / И. Гонтарь // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 18.
2. Быков, В. Конструкция квалифицирующего признака совершения преступления группой / В. Быков // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 11.
3. Афиногенов, С.В. Соучастие в преступлении (понятие, виды и формы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Афиногенов; Моск. юрид. ин-т. – М., 1991. – С. 10.
4. Быков, В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы / В.М. Быков. – Ташкент: Узбекистан, 1991. – С. 11.
5. Мартенко, О.Л. Психологічний аналіз окремих кримінально-правових понять (за чинним УК України): дис. ... канд. юрид. наук: 19.00.06 / О.Л. Мартенко. – Київ, 2005. – С. 29–30.
6. Петровский, А.В. Социальная психология коллектива / А.В. Петровский, В.В. Шпалинский. – М.: Просвещение, 1978. – С. 64.
7. Савченко, Д.О. Основы правовых норм, що регулюють відповідальність за співучасть у скоєнні злочину: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.О. Савченко; Київ. держ. ун-т. – Київ, 1994. – С. 21.
8. Об'єднання // Новий тлумачний словник української мови: в 3 т. / укл.: В. Яременко, О. Сліпущко. – Вид. 2-е, випр. – Київ: АКОНІТ, 2008. – Т. 2: К-П. – С. 392.
9. Жаровська, Г.П. Співучасть у злочині за кримінальним правом України: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.П. Жаровська. – Київ, 2004. – С. 61.
10. Тельнов, П.Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М.: Юрлит, 1981. – С. 61.
11. Головкин, О.В. Групова злочинність: специфіка виникнення і розвитку, механізми попередження / О.В. Головкин. – Київ: Ін-т законодавчих передбачень і правової експертизи, 2007. – С. 20.
12. Фріс, П.Л. Кримінальне право України. Загальна частина / П.Л. Фріс. – Київ: Атіка, 2009. – С. 253.
13. Арутюнов, А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Арутюнов. – М., 2006. – С. 193.
14. Ярьмыш, Н.Н. Совершение преступления по предварительному сговору группой лиц: проблемы квалификации / Н.Н. Ярьмыш // Актуальні проблеми кримінального права та кримінології: матеріали всеукр. наук.-практ. конф., Донецьк, 24 квітня 2009 р. / Донецьк. юрид. ін-т; Луганск. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка; редкол. Є.О. Письменський [та інш.]. – Донецьк, 2009. – С. 37.
15. Арутюнов, А. Квалификация преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору / А. Арутюнов // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 4.
16. Михайленко, Д.Г. Підстави кримінальної відповідальності за хабарництво (давання та одержання хабара): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Д.Г. Михайленко. – Одеса, 2009. – С. 160.
17. Мельников, А.М. Кримінальна відповідальність за вчинення злочину групою осіб: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.М. Мельников. – Київ, 2004. – С. 13.
18. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 224.
19. Єфремов, С.О. Причинний зв'язок як об'єктивна ознака співучасті у злочині / С.О. Єфремов // Альманах кримінального права. – 2008. – Вип. перший. – С. 225.

Дата поступления статьи в редакцию 06.12.2012

УДК 004:34(470)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

КОЗОРИЗ Н.Л.,

доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент

В статье затрагиваются вопросы предмета правового регулирования информационного права и его интегрального характера. Право в принципе является собой информацию, а основные общественные отношения в предметной области информационного права, как и оборот информации, возможны только в информационной среде и имеют специфику исключительно в области оперирования информацией. Основные различия между взглядами на предмет информационного права ограничиваются разностью признаваемых (выделяемых) видов отношений.

Questions of the subject of the legal regulation of information law and the integral nature of the information rights are touched upon in the article. Right in principle is an information, and the main public relations in the domain of information law, as the turnover of the information, are possible only in the information environment and have the specific character exclusively in the field of handling of information. The main differences between the views on the subject of information law are limited by the difference between the recognized (allocated) types of relations.

Правоприменительная практика как в России, так и за рубежом показывает, что предписания, правовые конструкции и механизмы регулирования традиционных отраслей права в принципе не могут быть применены к общественным отношениям, складывающимся в информационной сфере. Это обстоятельство явилось предпосылкой формирования новой комплексной отрасли российского права, а именно информационного права. Многие специалисты относят комплексность информационного права к явлению временному, которое свойственно периоду становления и накопления нормативной базы. Кроме того, информационное право на сегодняшний день – одна из наиболее спорных областей юриспруденции. Это подтверждается и неопределенностью даже в самом наименовании отрасли, что проявляется в научных диспутах и литературе. Имеют место такие дефиниции, как: «правовая кибернетика», «правовая информатика», «практическая информатика», «компьютерное право», «электронное право», «электронно-компьютерное право», «информационно-компьютерное право» и т.д. Споры о наименовании этой отрасли права в некоторой степени нивелировались лишь с официальным закреплением именно «информационного права» в номенклатуре специальностей научных работников, по которым допускается защита кандидатских и докторских диссертаций (специальность

12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право»).

Согласимся с тем, что информационное право – это совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с информацией (вполне классическое нормативистское определение). Конечно же, как и в случае любой другой отрасли права должны существовать наука информационного права и учебная дисциплина.

Практически все отношения в социуме имеют информационную составляющую. Поэтому об информационном праве можно говорить как в широком, так и в узком смысле слова. В первом случае нормами информационного права пронизано все российское законодательство (например, информационно-правовой характер носят нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о процессуальных действиях со свидетелями и прочими лицами, налогового законодательства о декларировании и отчетности и т.д.) [1]. Однако в этих случаях информационная деятельность играет хотя и важную, но вспомогательную роль, то есть является средством для достижения цели, лежащей за пределами информационной сферы (раскрытие преступления и наказание виновных, взимание налогов и т.д.). К информационному праву в узком или собственном смысле слова могут быть отнесены лишь такие нормы, которые регулируют информаци-

онные процессы, являются самоцелью, то есть когда информация есть не только средство достижения чего-либо иного, но и конечный итог [7, с. 11]. Можем ли мы говорить принципиально о самодостаточности информационной деятельности, или она всегда направлена на получение какого-либо материального результата?

Как известно, отрасли права можно разделить на две большие группы – классические, или «гомогенные» (это, например, уголовное, гражданское, конституционное право), и комплексные, или интегральные. По сути, речь идет о двух, одновременно существующих, способах классификации всего нормативного поля. Информационное право носит интегральный характер, так как состоит из норм, относящихся к классическим отраслям, объединенных спецификой объекта своего воздействия – информационных отношений.

Представляется, что мы имеем право говорить и об обратном процессе, когда нормы информационного права используются в других отраслях. Например, положение о свободе мысли и слова, встречающееся в Конституции Российской Федерации, вполне могло изначально появиться в информационном праве и лишь потом быть интегрировано в конституционное.

Если само понятие информационного права появилось относительно недавно, это не является доказательством того, что обозначаемого им явления не существовало ранее.

Однако вопрос о предмете правового регулирования информационного права остается дискуссионным. Одни специалисты сводят его к предмету регулирования Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (примечательно, что такой позиции в основном придерживаются разработчики этого Закона, видные российские ученые). Другие пытаются выявить в российском законодательстве отношения, которые точно можно признать информационными (находятся все предписания, в которых речь идет о тайне, информации, документах и т.д.), и свести их все в предмет информационного права. Дальше начинаются попытки систематизации.

Многие специалисты пишут в своих работах не о предмете правового регулирования информационного права, а о «предметной области» или «предметных частях» информационного права, только лишь обозначая ее (их). Таким образом, фактически признается бесперспективность установления границ информационного права по отношению к иным отраслям. Сравнительный анализ имеющихся воззрений позволяет говорить о том, что при любом подходе к определению предмета (или предметной области) информационного права в современных условиях все в том или ином виде сводится к отношениям по обороту информации. Таким образом, предмет информационного права – отношения по оборо-

ту информации (документированной или недокументированной, с различными режимами доступа и т.д.). И основные различия между взглядами на предмет информационного права во многом ограничиваются разностью признаваемых (выделяемых) отдельными учеными видов отношений, включаемых в состав этих «предметных областей». При этом имеются и отношения, информационно-правовая сущность которых признается практически всеми. Как правило, они регулируются предписаниями различной отраслевой принадлежности (в том числе сгруппированными в институты и субинституты), в которых фигурирует прямое (буквальное или смысловое) указание на информацию, ее виды и носители. Во-первых, это все тайны, коих в российском праве регламентируется множество (государственная, налоговая, служебная, коммерческая и так далее, вплоть до тайны исповеди). Считается, что если тайна – особый режим доступа к информации, а информационное право регулирует ее оборот, то соответствующие институты основных отраслей права (институт государственной тайны в конституционном праве, институт налоговой тайны в финансовом праве и т.д.) на комплексном уровне системы права необходимо рассматривать в качестве институтов и информационного права тоже. Во-вторых, это все, что связано с носителями информации либо способами ее закрепления (фиксации): от регулируемых ГОСТами и локальными актами стандартов бумажных документов различных видов и порядка составления библиографии до порядка ввода (вывода) и использования информации в информационных системах. В-третьих, все массивы информации и все, что связано с созданием, упорядочением и использованием баз и банков данных. При таком подходе, видимо, не должны оставаться без регулирующего внимания со стороны информационного права и все существующие базы данных правовой информации: «Гарант», «Консультант-Плюс», «Кодекс» и т.д. В-четвертых, это все, что касается не только технологических, но и правовых способов защиты информации, правового статуса пользователей информации. Нетрудно заметить, что интегративного доктринального определения предмета информационного права в современной интерпретации практически нет, он определяется только через отношения по обороту информации и перечисление их видов. Но ведь здесь и «затаились», по меньшей мере, две проблемы.

Первая проблема. При рассмотренном выше подходе не совсем учитывается давно известный в аналитической юриспруденции факт, что право в принципе являет собой информацию. То есть само право имеет информационную природу. Всякая норма российского права, заключенная в любом нормативном правовом акте, – это и есть социальная информация. Кроме того, информация – это материя и одновременно свой-

ство материи. Естественными науками давно установлено, что любые отношения (взаимоотношения) в природе и обществе в том или ином виде есть обмен (оборот) информации: поиск, сбор, обработка, распространение и т.д. Таким образом, все общественные отношения, которые, согласно теории права, только и могут выступать предметом правового регулирования, имеют информационную природу и представляют собой оборот социально значимой информации, чему и отвечает все российское законодательство.

Вторая проблема. Основные общественные отношения, которые относятся специалистами к предметной области информационного права, в определенной степени урегулированы нормами первичных отраслей права. А имеющиеся или выявленные специалистами информационного права пробелы не носят системного характера. Их устранение возможно (и должно) реализовываться в рамках существующих первичных отраслей права. Более того, указанные отношения вряд ли нуждаются в каком-либо дополнительном системном регулировании, помимо отраслевого.

В настоящее время формируются совершенно новые общественные отношения, которые необходимо регулировать нормами права. Порой они остаются вообще без государственного регулирования со всеми негативными для общества последствиями. Эти отношения отличаются в первую очередь особенностями, которые им придает специфическая среда формирования и существования — информационная (в том числе среда компьютерных сетей). Они являют собой общественные отношения, протекающие в большинстве своем в электронной форме в виртуальном пространстве. Это не просто отношения по обороту информации — это отношения в информационной среде. Некоторые авторы отделяют среду оборота информации от информационной среды [2; 3; 5; 8]. Но оборот информации возможен только в инфосреде и имеет специфику исключительно в области оперирования информацией (социальная, техническая, правовая, экономическая, военная и другая информация).

Бурное развитие информационных технологий поставило перед законодателями совершенно новые задачи, попытки решить которые в зарубежных странах привели к возникновению новой отрасли права — так называемого права киберпространства. Точно такие же проблемы стоят и перед Российской Федерацией, а решать их, как нам представляется, может и должна наука информационного права. Но для разрешения этих проблем необходимо предложить несколько иной подход к определению предмета правового регулирования (а значит, и содержания) информационного права.

Как представляется, предметом этой отрасли права должны выступать общественные отношения не просто по обороту информации, а отношения, возникающие, изменяющиеся и (или) прекращаю-

щиеся в информационной среде (в том числе и компьютерных сетей).

При таком подходе одним из определений информационного права может быть совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе использования информационной среды при помощи компьютерных сетей.

Таким образом, предметом правового регулирования информационного права должны выступать общественные отношения, формирующиеся в процессе деятельности в информационной среде. Особый акцент отдельных авторов приходится на электронную экономическую и электронную гуманитарную деятельность. При этом под электронной экономической деятельностью понимается предпринимательская, а также тесно связанная с ней непредпринимательская деятельность (иная не запрещенная законом экономическая деятельность), осуществляемая в принципиально новой, электронной форме — с использованием современных коммуникационных средств в информационной среде глобальной компьютерной сети Интернет, а понятие «электронная экономическая деятельность» предложено в качестве юридического эквивалента более узкому зарубежному экономическому термину «электронная коммерция» [4; 6; 9]. В свою очередь, электронная гуманитарная деятельность представляет собой деятельность неэкономического характера, формирующаяся в информационной среде в процессе обеспечения государством (в лице его органов) прав и законных интересов граждан и организаций по свободному информационному обороту, в том числе в сфере доступа к государственному и муниципальному управлению. На наш взгляд, выделение экономического и гуманитарного аспектов деятельности в информационной среде недостаточно корректно. Как пример: к какому виду деятельности отнести деятельность по обеспечению информационной безопасности в информационной среде — электронной экономической или электронной гуманитарной?

Поскольку информационное право — это совокупность последовательно расположенных и взаимно увязанных правовых норм, объединенных внутренним единством целей и задач правового регулирования деятельности в информационной среде, постольку нормы информационного права должны группироваться в две части — общую и особенную.

В общую часть включаются институты, нормы которых «обслуживают» все или почти все институты особенной части. При этом институты общей части информационного права конкретизируются в институтах ее особенной части.

Нормы общей части определяют принципы информационного права и регулируют структуру, порядок и принципы функционирования информационной среды, состав информационного законодательства Российской Федерации, уста-

навливают порядок осуществления контроля за соблюдением публичного правопорядка, обеспечения информационной безопасности граждан и государства, а также особенности привлечения к ответственности за нарушения законодательства, совершаемые в информационной среде.

Общая и особенная части, являясь элементами системы информационного права, в свою очередь, представляют собой системы более низкого порядка. Они объединяют обособленные совокупности взаимосвязанных юридических норм, соответственно, институты, субинституты и нормы информационного права.

При этом под институтами информационного права следует понимать взаимосвязанные группы норм, регулирующих видовые родственные отношения. Так, к числу институтов особенной части информационного права относят институт электронных денег, институт электронной цифровой подписи, институт информационных (гуманитарных) прав и свобод.

Субинститутами информационного права выступают составные части (элементы) указанных институтов. Например, в рамках института электронных денег могут быть выделены субинституты сетевых денег, платежных систем, основанных на использовании банковских карт. И, наконец, «первичной ячейкой» системы информационного права являются нормы. В качестве таковых выступают установленные (санкционированные) государством общеобязательные правила должного или допустимого поведения участников информационных правоотношений, охраняемые силой государственного принуждения.

Одним из направлений здесь является внедрение и развитие существующих более чем в

30 странах мира систем «электронного общения». Эта система упрощает диалог между обществом и властью, повышает эффективность и адресность государственного и муниципального управления. Другим направлением выступает обеспечение государством информационных прав граждан, в том числе на свободный оборот незапрещенной (находящейся в открытом доступе) информации, ее сбор, обработку и распространение в электронной форме.

Нормы права содержатся в документах разного происхождения и разной юридической силы. Это международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, законы, подзаконные акты, нормативные акты субъектов федерации и т.д. Кроме того, важное значение для понимания смысла правовых норм имеют уже принятые правоприменительные акты, в первую очередь судебные решения. Хотя согласно общепринятой точке зрения они не являются источниками права (кроме решений Конституционного Суда Российской Федерации), не стоит недооценивать их влияние на правоприменительный процесс.

Сегодня российским правом устанавливаются правовые рамки общественных отношений в информационной сфере и использования информационной среды. В дальнейшем на основе результатов реализации законодательной деятельности будет разрешена и проблема общеправового государственного регулирования в данной области, выработаны механизмы дальнейшего совершенствования российского законодательства в сфере регулирования информационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачило, И.Л. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации / И.Л. Бачило // Гос-во и право. – 2001. – № 2.
2. Михайленко, Е.В. Некоторые практические проблемы правового регулирования интернет-отношений / Е.В. Михайленко // Адвокат. – 2004. – № 6.
3. Михайленко, Е.В. Правовые проблемы использования интернет-технологий. Теоретический аспект / Е.В. Михайленко // Адвокат. – 2004. – № 5.
4. Михайленко, Е.В. Правовые проблемы практической реализации Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» / Е.В. Михайленко // Журнал рос. права. – 2004. – № 5.
5. Петровский, С.В. Законы для электронной коммерции / С.В. Петровский // Рос. юстиция. – 2003. – № 7.
6. Рянский, А.С. Учет затрат предприятия по использованию Интернета / А.С. Рянский // Главбух. – 1999. – № 12.
7. Тедеев, А.А. Информационное право (право Интернета): учеб. пособие / А.А. Тедеев. – М.: Эксмо, 2005.
8. Тедеев, А.А. Правовые проблемы Интернета / А.А. Тедеев. – М., 1998.
9. Тедеев, А.А. Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность): правовое регулирование и налогообложение / А.А. Тедеев. – М., 2002.

Дата поступления статьи в редакцию 28.12.2012

УДК 349.42:339.52

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПОЛЮХОВИЧ Л.И.,преподаватель Аграрного колледжа управления и права
Полтавской государственной аграрной академии

Статья посвящена правовому обеспечению качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине и влиянию права Всемирной торговой организации (ВТО) на регулирование соответствующих общественных отношений. Определены понятия «качество» и «безопасность» сельскохозяйственной продукции с дальнейшим анализом их правового обеспечения посредством нормативных правовых актов Украины и соглашений ВТО. Исследованы особенности разработки международных стандартов, их влияние на технические регламенты, устанавливающие на национальном уровне требования к безопасности сельскохозяйственной продукции. Проанализирована эффективность регулирования качества и безопасности пищевых продуктов техническими регламентами. Особое внимание уделено порядку их разработки, а также участию в этом процессе государств – членов ВТО.

The article is devoted to the legislative environment of quality and safety of agricultural products in the Ukraine and to the influence of WTO law on regulation of relevant social relations. The essence of the concepts «quality» and «safety» of agricultural products is discovered, with further analysis of their legal support through legislative acts of the Ukraine and WTO agreements. The features of development of the international standards and their influence on technical regulations, those set requirements for the safety of agricultural products on the national level, are investigated. It is defined the effectiveness of quality management and food safety through technical regulations. Special attention is paid to the order of their development, including participation of WTO members in this process.

Активизация процессов глобализации в мире влияет на сущность и обуславливает особенности правового регулирования общественных отношений, в том числе связанных с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Ярким проявлением этих процессов является расширение количественного состава такой международной организации, как Всемирная торговая организация (далее – ВТО). По состоянию на 24 августа 2012 г. насчитывалось 157 государств – членов ВТО и 29 государств-наблюдателей, которые, кроме Ватикана, вели переговоры о вступлении в эту организацию [1].

Поскольку в мае 2008 года Украина стала членом ВТО, произошли некоторые изменения в правовом регулировании общественных отношений в сфере сельскохозяйственной деятельно-

сти. Особое внимание следует обратить на правовое обеспечение производства и переработки качественной и безопасной сельскохозяйственной продукции, что непосредственно влияет на продовольственную безопасность государства и здоровье его граждан.

Вопросы правового обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции нашли свое отражение в трудах Г.И.Волковой, М.М.Кузьминой, С.И.Меженской, С.Н.Романко, А.М.Стативки и др. Проблемы правового регулирования соответствующих отношений в условиях ускорения процессов интеграции анализируют В.С.Кайдашов и Ю.С.Канарик. Необходимость согласования правовых предписаний национального законодательства с правом ВТО освещена в трудах В.М.Довганя и С.Г.Осыки. В то

же время малоисследованными остаются правовые аспекты соотношения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине в соответствии с правом ВТО, а также международными стандартами и техническими регламентами, которые являются основными правовыми механизмами их обеспечения.

Исходя из вышеизложенного, темой статьи является правовое обеспечение качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине в контексте членства в ВТО. Цель исследования – определение обусловленных правом ВТО особенностей правового регулирования общественных отношений по обеспечению качества и безопасности сельскохозяйственной продукции. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) выяснить сущность понятий «качество» и «безопасность»; 2) исследовать состояние правового обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине; 3) проанализировать требования ВТО к правовому регулированию качества и безопасности продукции; 4) сравнить международные стандарты и технические регламенты с позиции гарантирования качества и безопасности сельскохозяйственной продукции; 5) исследовать порядок разработки, принятия и введения в действие технических регламентов, которые содержат основные требования к качеству и безопасности продукции.

Одним из условий успешного исследования правового обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции является понимание сущности таких ее свойств, как качество и безопасность.

Следует отметить, что до настоящего времени качество продуктов питания потребители однозначно связывали с их безопасностью, то есть безопасность рассматривалась как неотъемлемая составная качества. Это нашло свое отражение в определении понятия «качество» в нормативных документах.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на общепринятую международную терминологию (ISO 9000:2000; ДСТУ ISO 9000-2001), согласно которой качество – это степень, до которой совокупность собственных характеристик продуктов удовлетворяет требования, предъявляемые к ним [2].

Также качество сельскохозяйственной продукции рассматривается как совокупность ее характеристик, которые определяют соответствие установленным требованиям нормативных документов фактических потребительских и производственных качеств произведенного сельскохозяйственными товаропроизводителями продовольственного сырья и пищевых продуктов с точки зрения удовлетворения потребностей с учетом конкретных целей их использования и потребления на протяжении срока годности [3].

В контексте вышеизложенного следует обратить внимание на то, что под пищевыми продуктами подразумевается и сельскохозяйственная продукция, как это определено ст. 1 Закона Украины от 23 декабря 1997 г. № 771 «О безопасности и качестве пищевых продуктов» (далее – Закон «О безопасности и качестве пищевых продуктов») [4].

Заслуживает внимания и то, что качество сельскохозяйственной продукции определяется как совокупность ее существенных свойств, которые при соблюдении обычных или же установленных в нормативном правовом акте или договоре условий использования такой продукции по назначению не составляют никаких рисков для потребителей такой продукции и окружающей среды (либо же имеющиеся риски не выходят за рамки приемлемых) и способны удовлетворить предварительно обусловленные нужды потребителей [5].

Следует отметить, что общим для всех вышеупомянутых определений является то, что качество продукции подразумевает совокупность ее свойств (нормативных признаков), способных удовлетворить потребности человека [6].

Исходя из того, что качество продукции определяется личностным восприятием, общественной потребностью, которая может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от степени познания свойств пищевого продукта, оно является очень динамичной и относительной категорией [2]. В связи с этим сегодня производители сельскохозяйственной продукции, потребители и контролирующие органы разграничивают понятия качества и безопасности пищевых продуктов. Очевидно, что контроль только показателей качества становится недостаточным для защиты здоровья человека.

После анализа и определения понятия «качество» целесообразно дать правовую характеристику категории «безопасность». Прежде всего, под безопасностью пищевых продуктов и продовольственного сырья имеется в виду их соответствие ветеринарным и санитарным правилам, а также нормативам и отсутствию угрозы их вредного влияния на организм человека [3].

Вполне очевидно, что правовое обеспечение безопасности процесса производства должно подразумевать соблюдение правил техники безопасности, соответствующих стандартов, регламентов и т.д. Например, в растениеводстве этот процесс определяют стандарты на сорта семян, сельскохозяйственные машины, средства охраны растений, удобрения, технологию выращивания отдельной культуры (с использованием интенсивных технологий), сбор, товарную обработку, условия транспортировки, тару и методы определения качества [6].

Таким образом, качество сельскохозяйственной продукции – это способность удовлетворять

потребности, а безопасность – отсутствие вредного влияния на жизнь и здоровье человека.

Следующим важным моментом является исследование правового обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине, которое составляют ряд нормативных правовых актов, например, Хозяйственный кодекс Украины [7], Закон «О безопасности и качестве пищевых продуктов» [4], Закон Украины от 17 мая 2001 г. № 2408 «О стандартизации» (далее – Закон «О стандартизации») [8], Закон Украины от 1 декабря 2005 г. № 3164 «О стандартах, технических регламентах и процедурах оценки соответствия» (далее – Закон «О стандартах, технических регламентах и процедурах оценки соответствия») [9], Декрет Кабинета Министров Украины от 10 мая 1993 г. № 46-93 «О стандартизации и сертификации» [10], Закон Украины от 2 марта 1995 г. № 86/95 «О пестицидах и агрохимикатах» [11], Закон Украины от 12 мая 1991 г. № 1023 «О защите прав потребителей» [12] и др.

Анализ перечисленных нормативных правовых актов дает основание утверждать о несоответствии терминологии, которая в них используется. Например, согласно ст. 1 Закона «О безопасности и качестве пищевых продуктов» обязательным является соблюдение положений таких документов, как стандарты и технические регламенты [4]. Вместе с тем Закон «О стандартизации» определяет стандарт как документ, устанавливающий правила, соблюдение которых обязательно. Определение технического регламента этот Закон не содержит [8]. Исходя из того, что первый из упомянутых законов является специальным применительно к сельскохозяйственной продукции, а второй – общим, следует признать целесообразным установление повышенных требований к пищевой (в том числе и сельскохозяйственной) продукции в части обязательности соблюдения положений стандартов.

Дальнейшим важным шагом является исследование правовых требований к качеству и безопасности сельскохозяйственной продукции в контексте права ВТО, которые содержатся в Соглашении ВТО о технических барьерах в торговле [13], Соглашении ВТО о сельском хозяйстве [14], Соглашении ВТО о применении санитарных и фитосанитарных мер [15], Соглашении ВТО о правилах определения происхождения товаров [16], Соглашении ВТО о процедурах лицензирования импорта [17] и др. Важно отметить, что из содержания Соглашения ВТО о технических барьерах в торговле (далее – Соглашение) следует, что безопасность сельскохозяйственной продукции должна гарантироваться государством, так как она тесно связана с жизнью и здоровьем человека. Что же касается качества сельскохозяйственной продукции, то в его обеспечении заинтересованы, прежде всего, сами сельскохозяйст-

венные товаропроизводители, повышая таким образом конкурентоспособность произведенной продукции. Исходя из этого, Соглашение предусматривает, что сельскохозяйственная продукция должна соответствовать техническим регламентам. Следует отметить, что согласно приложению 1 к Соглашению, технический регламент – это документ, который определяет характеристики товара или связанные с ними производственные процессы или способы производства, в том числе действующие административные положения, соблюдение которых обязательно. Вместе с тем стандарт обозначается как документ, утвержденный признанным органом, который определяет предназначенные к общему и многократному использованию правила, инструкции или характеристики товаров или связанных с ними производственных процессов или способов производства, соблюдение которых обязательно [13]. Таким образом, Соглашение предусматривает наличие технических регламентов как обязательных и стандартов как необязательных к применению.

В связи с вышеизложенным следует обратить внимание на требования Соглашения к техническим регламентам государств – членов ВТО. Прежде всего, они не должны создавать дополнительных препятствий в международной торговле. Вместе с тем допустимыми считаются ограничения, направленные на обеспечение национальной безопасности, предотвращение мощенческих действий, защиту жизни и здоровья человека, животных, растений, охрану окружающей среды [18]. Таким образом, государство определяет в технических регламентах требования к безопасности продукции, а не к ее качеству, так как это может создать препятствия экспортно-импортным операциям. Целесообразно проанализировать и другие требования к техническим регламентам, которые содержатся в Соглашении. Например, согласно пункту 2.8 технические регламенты должны основываться на эксплуатационных качествах товара, а не на его описательных или конструктивных характеристиках. В приложении 1 указывается, что технические регламенты могут содержать только требования к терминологии, обозначениям, упаковке, маркировке, что применяются к определенному товару, производственному процессу или способу производства [13]. Таким образом, соответствие сельскохозяйственной продукции техническим регламентам, как это определяется нормами права ВТО, еще не означает, что он безопасен. В связи с этим стоит отметить, что Закон «О стандартах, технических регламентах и процедурах оценки соответствия» иначе формулирует определение технического регламента, указывая, что он может, кроме остального, содержать требования к терминологии, обозначениям, упаковке или маркировке, которые ис-

пользуются к определенному товару, производственному процессу или способу производства [9]. Исходя из вышеизложенного, ссылка на технический регламент, согласно украинскому законодательству, означает, что сельскохозяйственная продукция соответствует более серьезным требованиям, нежели упаковка или маркировка.

Следующим важным документом, который содержит требования к безопасности и качеству сельскохозяйственной продукции, является стандарт. Согласно Соглашению, он так же, как и технический регламент, может содержать только требования к терминологии, обозначениям, упаковке или маркировке, которые применяются к определенному товару, производственному процессу или способу производства [13], и, исходя из этого, не гарантировать качество продукции. Вместе с тем необязательность соблюдения стандартов позволяет предусмотреть в них повышенные требования к качеству отдельных видов продукции, поскольку это не считается созданием препятствий для международной торговли. Таким образом, производители добровольно принимают на себя дополнительные обязательства, рассчитывая на возрастание спроса со стороны потребителей. В подтверждение вышеуказанного в специальной литературе отмечено, что стандарты дают возможность обеспечить качество на всех стадиях жизненного цикла товара [18].

Следует особо подчеркнуть взаимную связь исследованных выше технических регламентов и стандартов. Она проявляется в требованиях пункта 2.4 Соглашения, согласно которому государство – член ВТО, разрабатывая технические регламенты, обязано использовать в качестве их основы международные стандарты [13]. Вместе с тем, исходя из требований пункта 2.6 Соглашения, члены ВТО должны принимать наиболее полное участие в разработке международными органами по стандартизации международных стандартов для товаров, в отношении которых они уже приняли или намериваются принять технические регламенты [13].

Необходимо обратить внимание на требования к процедуре разработки технических регламентов. Согласно пункту 2.9 Соглашения члены ВТО должны: 1) опубликовать на ранней стадии сообщение в прессе о намерении ввести определенный технический регламент, чтобы заинтересованные стороны в государствах – членах ВТО имели возможность ознакомиться с ним; 2) оповестить других членов ВТО через Секретариат ВТО о товарах, которые охватываются предложенным техническим регламентом, а также предоставить краткое описание задания, которое планируется исполнить, и обоснование разработки регламента; 3) предоставить членам ВТО по их требованию подробное описание или копию предложенного технического рег-

ламента, а также, если это возможно, обозначить те его части, в которых он, по сути, отклоняется от соответствующих международных стандартов; 4) без дискриминации предоставить членам ВТО разумный промежуток времени для того, чтобы они имели возможность подать свои замечания в письменном виде; 5) по требованию членов ВТО обсудить эти замечания, а также взять во внимание результаты их обсуждения. Также необходимо, чтобы все технические регламенты оперативно печатались или предоставлялись иным способом для ознакомления с ними в государствах – членах ВТО. Кроме вышеперечисленных существует требование к установлению сроков между публикацией технических регламентов и вступлением их в силу, с тем чтобы предоставить возможность производителям в странах – членах ВТО, которые экспортируют сельскохозяйственную продукцию, приспособить свои товары или способы производства к требованиям члена ВТО, который производит их импорт [13].

Таким образом, порядок разработки и введения в действие технических регламентов в условиях членства в ВТО усложняется необходимостью доказывать членам ВТО целесообразность их принятия и обеспечивать публичность такого процесса.

На основании проведенного анализа правового обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине в контексте требований ВТО можно сделать следующие выводы: во-первых, учитывая существующие подходы к определению качества и безопасности, под качеством сельскохозяйственной продукции следует понимать ее способность удовлетворять потребности, а под безопасностью – отсутствие вредного влияния на жизнь и здоровье человека; во-вторых, правовое обеспечение качества и безопасности сельскохозяйственной продукции в Украине имеет особенности по сравнению с требованиями права ВТО в части обязательности соблюдения стандартов; в-третьих, согласно с правом ВТО, безопасность сельскохозяйственной продукции должна гарантироваться государством, в отличие от ее качества, в обеспечении которого заинтересованы сами сельскохозяйственные товаропроизводители; в-четвертых, из анализа положений Соглашения следует, что соблюдение технических регламентов не обязательно гарантирует безопасность сельскохозяйственной продукции, а стандартов – ее качество; в-пятых, разрабатывая технические регламенты, государство – член ВТО должно использовать в качестве их основы международные стандарты, а также проинформировать заинтересованных субъектов о своих действиях, предоставить проект соответствующего документа с дальнейшей возможностью внесения замечаний; и в заключение вышеизложенного, порядок разработки и введе-

ния в действие технических регламентов в условиях членства в ВТО усложняется требованиями доказывать государствам – членам ВТО целесообразность их принятия и обеспечивать публичность этого процесса.

Вышеизложенные выводы позволят гармонизировать законодательство Украины в сфере обеспечения качества и безопасности сельскохозяйственной продукции с требованиями ВТО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Світова організація торгівлі [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://wto.in.ua/index.php?lang=ua&get=14>. – Дата доступа: 12.12.2012.
2. Тюрікова, І.С. Системи менеджменту безпечності харчових продуктів для харчових виробництв України в перехідний період приєднання до СОТ: моногр. / І.С. Тюрікова. – Полтава: РВВ ПУСКУ, 2009. – 237 с.
3. Порадник керівникові сільськогосподарського підприємства: навч. і наук.-практ. посібник / В.З. Янчук [та ін.]; за ред. А.П. Гетьмана. – Київ: Юрінком Інтер, 2005. – 624 с.
4. Про безпечність та якість харчових продуктів: Закон України від 23 грудня 1997 р. // Голос України. – 1998. – 3 лютого.
5. Актуальні питання аграрного права: теорія і практика: моногр. / В.Ю. Уркевич [та ін.]; за ред. д-ра юрид. наук, проф. А.М. Статівки. – Харків: ФІНН, 2010. – 240 с.
6. Ковальчук, Т.Г. Правові питання забезпечення екологічної безпеки продуктів харчування: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Т.Г. Ковальчук. – Київ, 1996. – 201 с.
7. Господарський кодекс України: Закон України від 16.01.2003 р. // Голос України. – 2003. – № 49. – 14 березня.
8. Про стандартизацію: Закон України від 17 травня 2001 р. // Голос України. – 2001. – № 108. – 20 червня.
9. Про стандарти, технічні регламенти та процедури оцінки відповідності: Закон України від 1 грудня 2005 р. // Голос України. – 2006. – № 4. – 11 січня.
10. Про стандартизацію і сертифікацію: Декрет Каб. Міністрів України від 10 травня 1993 р. № 46-93 // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 27. – 6 липня.
11. Про пестициди і агрохімікати: Закон України від 2 березня 1995 р. № 86/95 // Відомості Верховної Ради України. – 1995. – № 14. – 4 квітня.
12. Про захист прав споживачів: Закон України від 12 травня 1991 р. № 1023 // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1991. – № 30. – 23 липня.
13. Угода про технічні бар'єри в торгівлі: Угода СОТ від 15.04.1994 р. // Офіційний вісн. України. – 2010. – № 84. – 12 листопада. – Ст. 2989.
14. Угода про сільське господарство: Угода СОТ від 15.04.1994 р. // Офіційний вісн. України. – 2010. – № 84. – 12 листопада. – Ст. 2989.
15. Угода про застосування санітарних та фітосанітарних заходів: Угода СОТ від 15.04.1994 р. // Офіційний вісн. України. – 2010. – № 84. – 12 листопада. – Ст. 2989.
16. Угода про правила визначення походження товарів: Угода СОТ від 15.04.1994 р. // Офіційний вісн. України. – 2010. – № 84. – 12 листопада. – Ст. 2989.
17. Угода про процедури ліцензування імпорту: Угода СОТ від 15.04.1994 р. // Офіційний вісн. України. – 2010. – № 84. – 12 листопада. – Ст. 2989.
18. Кузьміна, М.М. Особливості правового забезпечення якості продукції в Європейському союзі та рамках Світової організації торгівлі / М.М. Кузьміна // Вісн. Нац. юрид. акад. України ім. Я. Мудрого. – 2010. – № 2. – С. 116–126.

Дата поступлення статті в редакцію 25.12.2012

ПОНЯТИЕ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СПОРАХ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

ТРЕГУБОВ Э.Л.,

соискатель Института государства и права Национальной академии наук Украины
им. В.М. Корецкого

Статья посвящена проблеме определения понятия права на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий, а также реализации данного права в административном судопроизводстве Украины. Автор обращает внимание на значение административной юстиции на современном этапе развития ее правовой системы, анализирует доктринальные подходы к понятию права на судебную защиту в публично-правовых спорах, исследует сущность реализации этого права, предлагает авторские определения данных правовых категорий.

This article is devoted to the definition of the right to judicial protection against unlawful decisions, actions or inaction of the subjects of power, as well as the implementation of this right to administrative justice in Ukraine. The author draws attention to the importance of administrative justice at the present stage of development of its legal system, analyzes the doctrinal approaches to the concept of the right to judicial protection in public law disputes, researches the essence of this right, offers the author's definition of these legal categories.

Становление Украины как независимого и правового государства требует качественных изменений и демократических преобразований в направлении обеспечения прав и свобод человека. В этом процессе одной из наиболее важных задач является создание эффективной системы защиты каждого человека от нарушений со стороны государства, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц.

Актуальность данной статьи объясняется тем, что именно в публично-правовых спорах лицо, являющееся невластным субъектом, испытывает наибольшие трудности для эффективной защиты своих нарушенных прав. В этой связи административная юстиция выступает своеобразным индикатором демократичности государства и способности судебной власти обеспечить надлежащее гарантирование прав и свобод человека от нарушений со стороны субъектов властных полномочий.

Проблемы становления административной юстиции в Украине освещались в работах таких авторитетных украинских ученых, как В.Б.Аверьянов, О.Ф.Андрийко, Ю.П.Битяк, М.А.Гурвич, С.В.Кивалов, А.М.Колодий, И.Б.Ко-

лиушко, Е.Б.Кубко, В.Т.Маляренко, Н.М.Онищенко, О.М.Пасенюк, Ю.С.Педько, В.Ф.Погорилко, О.В.Пушкина, П.М.Рабинович, С.В.Шевчук, Ю.С.Шемшученко и др. В то же время, в силу того, что административные суды в Украине созданы не так давно, в научных исследованиях недостаточно полно раскрыты теоретические проблемы реализации права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины.

Целью данной статьи является раскрытие понятия права на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий, а также определение понятия реализации данного права в административном судопроизводстве Украины.

Идея восприятия человека, его прав и свобод в качестве главного ориентира в деятельности аппарата государственного управления длительное время является неотъемлемым признаком европейской правовой традиции. Современная интерпретация международных стандартов прав и свобод человека требует отказа от позитивистского понимания концепции прав человека и утверждения естественно-правовой доктрины и принципов права.

Закономерным результатом развития государственного управления стала необходимость формирования механизма эффективного разрешения споров, возникающих в процессе его осуществления органами государственного управления. Указанное обусловило возникновение административной юстиции как отдельного института административного права.

Административная юстиция является одним из наиболее универсальных и эффективных инструментов разрешения конфликтов в публично-правовых отношениях, в частности, возникающих между гражданами и органами, наделенными властными полномочиями. При этом административная юстиция способна, с одной стороны, обеспечивать эффективную защиту прав и свобод человека в публично-правовых отношениях, а с другой стороны, способствовать устранению недостатков в сфере государственного управления, выполнять функцию контроля над законностью деятельности властных субъектов.

Правовые основы возникновения административной юстиции в Украине были заложены еще в Конституции Украины 1996 года [1]. Так, в части первой ст. 55 Основного Закона установлено, что права и свободы человека и гражданина защищаются судом. Каждому гарантируется право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц. Использование в Конституции Украины формулировки «право на обжалование», а не «право на жалобу», по мнению И.Л.Бородина, является пожеланием законодателя указать на непосредственный объект, которым является обжалование как действие гражданина или коллектива граждан по защите нарушенных прав, а не жалоба как результат данного действия [2, с. 93].

Важнейшими предпосылками появления в Украине административной юстиции были признание и закрепление в части первой ст. 8 Конституции Украины принципа верховенства права. Как указывает А.М.Колодий, из этого принципа непосредственно вытекает, что не государство создает право, а наоборот, право является основой организации и жизнедеятельности государства в лице его органов и должностных лиц, других организаций. Отсюда вытекает и утверждение о том, что не государство предоставляет права и свободы человеку, а народ создает право, чтобы, прежде всего, ограничить им государственную власть [3, с. 33].

По мнению С.П.Погребняка, понимание принципа верховенства права включает как формальный, так и материальный аспекты. С формальной точки зрения, верховенство права состоит в том, что в обществе должны существовать правовые нормы, которых придерживаются все субъекты, в том числе государство. При этом

указанные нормы должны быть четкими, ясными, непротиворечивыми, доступными, стабильными и т.д. Материальный аспект верховенства права состоит в том, что должны существовать достаточно четкие стандарты, которые определяют сущность позитивного права. Это означает, что нормы права должны соответствовать стандартам основных прав и свобод человека и гражданина, общим принципам права, другим принципам естественного права [4, с. 163].

Новейший этап становления административной юстиции в Украине начался 1 сентября 2005 г. со вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства Украины [5]. Основной задачей этого нормативного правового акта является защита прав, свобод и интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц в сфере публично-правовых отношений от нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных и служебных лиц, других субъектов при осуществлении ими властных управленческих функций. В свою очередь, право на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий является основой для всей административной юстиции.

Несмотря на то, что система административных судов создана и действует в Украине более шести лет, в ее работе остается значительное количество проблем и недостатков, обуславливающих нарушения права человека на судебную защиту. Судебная реформа, которая состоялась в Украине в 2010 году и была направлена на решение существующих практических проблем обеспечения права на судебную защиту, также не привела к существенному улучшению эффективности рассмотрения и разрешения публично-правовых споров.

С другой стороны, Украина остается среди лидеров по количеству обращений своих граждан в Европейский суд по правам человека. Значительное количество решений, которые принимаются этим международным судебным учреждением, подтверждают несовершенство и недостаточную эффективность обеспечения в Украине права на судебную защиту. Правовые позиции и рекомендации Европейского суда по правам человека являются ориентиром, который необходимо использовать для дальнейшего совершенствования механизма обеспечения права на судебную защиту в публично-правовых спорах.

Усовершенствование процессуального законодательства Украины в отношении рассмотрения и разрешения публично-правовых споров требует, прежде всего, научного осмысления понятий права на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий, а также

реализации данного права в административном судопроизводстве Украины.

Для украинской правовой доктрины классическим является восприятие дуалистической природы права, которая проявляется в дифференциации объективного и субъективного права. Как указывают О.В.Зайчук и Н.М.Онищенко, нормы объективного права регулируют поведение человека, определяя содержание прав и обязанностей, а субъективное право является средством достижения возможностей и реализации интересов личности. Именно с помощью объективного и субъективного права лицо реализует себя, свой социальный, юридический и нравственный потенциал, интересы [6, с. 46].

После обретения Украиной независимости произошло переосмысление всей концепции прав человека, в результате чего общепризнанным для юридической науки стал подход относительно многоаспектности права. Значительное количество научных исследований было посвящено проблематике субъективных прав человека и их соотношению с правом в объективном смысле.

Можно согласиться с мнением, согласно которому объективное право – это система общеобязательных норм, имеющих формальное выражение, которые устанавливаются и гарантируются государством с целью упорядочения общественных отношений. В свою очередь, субъективным правом является мера юридически возможного поведения, которое удовлетворяет интересы определенного лица.

Исходя из дуалистического характера права как такового, право на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий также может рассматриваться в объективном и субъективном смысле.

Под правом на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий в объективном смысле автором предлагается понимать систему правовых норм, предусмотренных в Конституции Украины [1], Законе Украины от 7 февраля 2002 года «О судостроительстве Украины» [7], Кодексе административного судопроизводства Украины [5], других нормативных правовых актах Украины, которые закрепляют право лица обратиться с иском в административный суд в связи с нарушением его прав, свобод и интересов решениями, действиями или бездействием субъекта властных полномочий, а также регулируют правоотношения, связанные с рассмотрением и разрешением такого публично-правового спора.

Право на судебную защиту в публично-правовых спорах в объективном смысле характеризуется следующими признаками.

1. Системность. Законодательство о праве на судебную защиту в публично-правовых отношениях находится в тесной связи со всей правовой системой, а реализация этого права приводит

не только к возобновлению нарушенного права лица, но и влияет на государственное управление в целом, корректирует практику осуществления государственными органами и должностными лицами своих властных полномочий.

Закрепление возможности лица обратиться с иском в административный суд в случае нарушения его прав решениями, действиями или бездействием субъектов властных полномочий в отдельной статье законодательного акта было бы недостаточным для полного правового регулирования правоотношений по разрешению публично-правового спора. Системность права на судебную защиту в публично-правовых отношениях в объективном смысле проявляется в существовании значительного количества взаимосвязанных правил, которыми определяются процедура рассмотрения и разрешения публично-правового спора, правовой статус лиц, участвующих в деле, порядок обжалования судебного решения и его исполнение, правовые последствия уклонения от исполнения решения административного суда и т.п.

2. Нормативность. Правила поведения, которые определяют способ и порядок судебной защиты прав лица, чьи права нарушаются в публично-правовых отношениях, формулируются в виде правовых норм и закрепляются в статьях нормативных правовых актов, которые являются обязательными для соблюдения всеми субъектами права на территории Украины. Таким образом, право на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины имеет неперсонифицированный характер, распространяет свое действие на неопределенный круг лиц и подлежит многократному применению.

3. Установление государством. Система норм, определяющих право на судебную защиту административным судом, установлена государством в лице его законодательного органа – парламента. Фундаментальные основы права на судебную защиту в публично-правовых спорах предусмотрены в Конституции Украины и детализируются в специальных нормативных правовых актах: Законе Украины «О судостроительстве Украины», Кодексе административного судопроизводства Украины и т.п. Государство в лице ее отдельных органов осуществляет толкование норм права, регламентирующих право на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины.

4. Гарантированность. Положение о праве лица на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины обеспечивается и гарантируется государством. Это нашло свое отражение как в принятии ряда подзаконных нормативных правовых актов и актов толкования, которые детализируют и уточняют механизм реализации права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины, так и в деятельности системы органов государственной власти, направленной на обеспечение со-

блюдения прав и свобод человека в целом. Государство также обладает аппаратом принуждения, с помощью которого обеспечивается неукоснительное соблюдение всеми субъектами правоотношений норм права о праве на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия властных субъектов.

5. Применимость. Административные суды, принимая к рассмотрению иски лиц, которые считают, что их права были нарушены властными субъектами, применяют нормы права, регулирующие процедуру рассмотрения и разрешения публично-правового спора, правовой статус лиц, участвующих в деле, порядок обжалования судебного решения и его исполнения и т.п. Таким образом, реализация данного права требует осуществления административным судом правоприменительной деятельности.

С другой стороны, право на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины может рассматриваться как субъективное право лица. Как указывает К.Г.Вольнка, субъективным правом являются предусмотренные для уполномоченного лица вид и мера возможного или дозволенного поведения, которые обеспечены соответствующими юридическими обязанностями других (обязанных) лиц [8, с. 155].

Исходя из анализа существующих доктринальных подходов к понятию и сущности субъективных прав, автор предлагает следующее определение субъективного права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины: это закрепленная в Конституции Украины, Законе Украины «О судостроительстве Украины», Кодексе административного судопроизводства Украины, других нормативных правовых актах Украины юридическая возможность активных действий субъекта правоотношений в форме обращения с иском в административный суд в случае нарушения его прав решениями, действиями или бездействием субъектов властных полномочий, а также право на рассмотрение его дела административным судом, принятие решения по существу спора и исполнение такого решения.

Если рассматривать право на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины в объективном смысле как массив правовых норм, то под реализацией такого права следует понимать воплощение правил, предусмотренных в указанных правовых нормах, в реальное фактическое предоставление субъекту права защиты его прав и свобод административными судами.

Формами непосредственной реализации права на судебную защиту от противоправных решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий в объективном смысле являются соблюдение запретов, исполнение обязанностей и использование прав. Последнее предусматривает, что субъекты правоотношений, связанные с реализацией права на судеб-

ную защиту в административном судопроизводстве Украины, по своему усмотрению используют субъективные права, закрепленные в нормах права. При исполнении как форме реализации права необходимо активное поведение участников правоотношений, направленное на осуществление установленных юридических обязанностей. В свою очередь, соблюдение требует пассивного поведения в форме воздержания лица от совершения определенных действий, которые запрещены требованиями нормативных правовых актов.

При реализации права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины в объективном смысле происходит воплощение нормативных положений законодательства в предоставлении определенному лицу судебной защиты административным судом. При этом поскольку основой права на судебную защиту и требований к его гарантированию является система различных правовых норм, в процессе его реализации используются всевозможные формы, как непосредственные (соблюдение, исполнение, использование), так и специальные (применение права).

Как указывает М.Д.Гнатюк, в юридической науке применение права традиционно рассматривается наряду с использованием, исполнением и соблюдением как особая форма реализации права и имеет место в случаях, когда для реализации права требуется государственно-властное вмешательство. Применение норм права, по мнению ученого, объединяет, направляет и дополняет в необходимых случаях все остальные правореализационные процессы [9, с. 11].

Поскольку реализация права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины предусматривает систему связанных правомерных действий различных лиц, участвующих в деле, и суда, целесообразно утверждать, что реализация права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины является процессом, который осуществляется на протяжении установленного времени, имеет определенные этапы. Как указывают В.М.Корельский и В.Д.Перевалов, реализация права является сложным процессом, протекающим во времени. В нем участвуют не только стороны, носители субъективных прав и обязанностей, но и государство в лице различных органов: правотворческих, исполнительных, правоприменительных. Реализация права как процесс воплощения права в жизнь включает в себя, во-первых, юридические механизмы реализации права и, во-вторых, формы непосредственной реализации права, когда фактически жизненные отношения приобретают юридические формы [10, с. 377].

Исходя из предложенного автором подхода о дуалистическом понимании права на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины, реализация права на судебную защи-

ту в административном судопроизводстве Украины может определяться также исходя из понимания права на судебную защиту как субъективного права.

Субъективное право лица на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины, по мнению автора, может реализовываться исключительно с помощью одной формы реализации права – использования. В юридической науке под использованием понимается такая форма реализации права, при которой субъекты по своему собственному усмотрению и желанию используют предоставленные им права и возможности, удовлетворяют законные интересы, осуществляют свою дееспособность. Характерной особенностью этой формы является добровольность. Никто не может заставить человека использовать свое право [11], то есть лицо не может быть принуждено к обращению с иском в административный суд.

В отличие от реализации прав в частноправовых отношениях, в которой заинтересован исключительно тот субъект, который имеет соответствующее субъективное право, в реализации права лица на судебную защиту в публично-правовых спорах заинтересованы все субъекты, которые выступают участниками соответствующих правоотношений, – обязанная сторона, субъект властных полномочий, административный суд как орган правоприменения. Это объясняется тем, что конфликты в публично-правовой сфере в целом приводят к снижению эффективности го-

сударственного управления. Решение административного суда приводит не только к восстановлению нарушенных прав лица в случае противоправности решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий, но и исправляет неправомерную практику органов власти, восстанавливая правопорядок.

Юридическим фактом, который предопределяет начало реализации субъективного права лица на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины, является акт реализации права. Под таким актом принято понимать действие субъекта права, участника правовой жизни по воплощению в жизнь предписаний норм права. В этих действиях реально осуществляются выраженные в правах и обязанностях меры возможного и должного поведения [10, с. 270]. Актом реализации субъективного права лица на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины является подача лицом иска в административный суд.

На основании изложенного автор предлагает следующее определение реализации субъективного права лица на судебную защиту в административном судопроизводстве Украины: это обращение лица, право которого нарушается, оспаривается или не признается решениями, действиями или бездействием субъекта властных полномочий, с административным иском в суд, рассмотрение такого иска и разрешение публично-правового спора административным судом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституція України від 23.07.1996 // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
2. Бородин, І.Л. Адміністративно-правові способи захисту прав та свобод людини і громадянина: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.07 / І.Л. Бородин. – Харків, 2004. – 405 с.
3. Колодій, А.М. Конституція і розвиток принципів права України (методологічні питання): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / А.М. Колодій. – Київ, 1998. – 382 с.
4. Погребняк, С.П. Основоположні принципи права (змістозна характеристика): моногр. / С.П. Погребняк. – Харків: Право. – 240 с.
5. Кодекс адміністративного судочинства України: Кодекс України від 06.07.2005 р. № 2747-IV // Офіційний вісн. України. – 2005. – № 32. – С. 11. – Ст. 1918.
6. Теорія держави і права. Академічний курс: підруч. / за ред. О.В. Зайчука, Н.М. Оніщенко. – Київ: Юрінком Інтер, 2006. – 688 с.
7. Про судоустрій України: Закон України від 07.02.2002 р. № 3018-III // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 27. – Ст. 180.
8. Волинка, К.Г. Теорія держави і права: навч. посібник / К.Г. Волинка. – Київ: МАУП, 2003. – 240 с.
9. Гнатюк, М.Д. Правозастосування та його місце в процесі реалізації права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.Д. Гнатюк. – Київ, 2007. – 20 с.
10. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: ИНФРА, 1997. – 570 с.
11. Теория государства и права: учеб. / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Саратов: Юристъ, 2004. – 512 с.

Дата поступления статьи в редакцию 03.12.2012

ВИРТУАЛЬНОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

ЗНАК М.В.,
заведующий отделом обслуживания официальными документами
Национальной библиотеки Беларуси

В статье представлен опыт Национальной библиотеки Беларуси в рамках обслуживания читателей правовыми информационными ресурсами, а также развития виртуального обслуживания удаленных пользователей посредством онлайн-службы «Виртуальный центр правовой информации».

The article presents the experience of the National Library of Belarus in providing the readers with legal information resources as well as the development of virtual services by the Virtual Legal Information Center online service.

В современных условиях развития государства и общественных структур неуклонно растет спрос на правовую информацию. Практически каждому члену общества необходимо владеть информацией о своих правах и обязанностях, а также уметь с ней работать и правильно применять. Таким образом, обеспечение доступности информационных ресурсов в сфере законодательства является одним из приоритетных направлений в деятельности библиотек.

В Национальной библиотеке Беларуси (далее – НББ) свободный и бесплатный доступ к информационным ресурсам правовой тематики организован в традиционном режиме с 2000 года. С 2006 года функционирует зал правовой информации (далее – ЗПИ), в котором осуществляется комплексное обслуживание пользователей печатными документами и электронными информационными ресурсами по праву.

Ежемесячно услугами зала пользуется около 1000 читателей НББ.

Пользователями ЗПИ являются различные категории читателей:

- научные работники, специалисты в различных областях знаний (юристы, предприниматели, педагоги, экономисты, бухгалтера) – 55 %;
- студенты и учащиеся – 17 %;
- пенсионеры, безработные, домохозяйки – 12 %;
- рабочие – 9 %;
- представители органов власти – 3 %;
- другие – 5 %.

Каждая категория пользователей имеет свой характер запросов. Например, профессиональных юристов интересуют нормативные акты, материалы арбитражной, налоговой, судебной практики, а также ненормативные акты (комментарии к кодексам, разъяснения и консультации). Информационные потребности руководящих работников отличаются широтой запросов. Как правило, они изучают и практические, и теоретические вопросы в области государства и права, трудового, налогового и жилищного законодательства, законодательства о социальной защите населения, лицензирования различных видов деятельности и т.п.

Потребности научных работников и преподавателей в правовой информации носят комплексный характер, так как данная группа пользователей обращается к информации по многим смежным в отношении области права научным дисциплинам. Значительное влияние на содержание информационных запросов специалистов, занятых в различных областях науки, культуры, медицины, народного хозяйства, оказывают отрасль производства или научной деятельности, место их работы, занимаемая должность. Данная группа пользователей обращается за получением правовой информации по смежным отраслям знаний – законодательство в области экономики, медицины, техники, образования, культуры.

Правовая информация, интересующая предпринимателей, касается трудового, налогового

законодательства, бухгалтерских документов, договорного и хозяйственного права.

Запросы студентов направлены на удовлетворение информационных потребностей, возникающих в процессе учебы. Их в основном интересуют законодательные акты определенной тематики по направлениям получаемой специальности, такие как уголовное, гражданское, налоговое, трудовое законодательство, материалы для написания курсовых и дипломных работ, статьи из периодических изданий.

Информационные потребности представителей органов законодательной власти определяются следующим кругом тем: техника законодательства, опыт работы представительных органов власти и субъектов хозяйствования Республики Беларусь, социальная политика, комментарии к законам.

Ветеранов войны, пенсионеров, инвалидов интересуют документы о социальных льготах, особенности нового пенсионного законодательства. Достаточно часто обращаются за правовой информацией социально незащищенные слои населения (безработные, домохозяйки, переселенцы) по вопросам о защите прав и свобод личности, социального обеспечения, об особенностях приватизации жилья и т.д.

Активным спросом у читателей пользуются полнотекстовые правовые базы данных, такие как: эталонный банк данных Национального центра правовой информации Республики Беларусь «ЭТАЛОН» (далее – ЭБД «ЭТАЛОН»); справочная правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»); информационно-поисковая система «ЮСИАС» (далее – ИПС «ЮСИАС»); справочная система «Эксперт»; аналитическая правовая система «Бизнес-Инфо» (далее – АПС «Бизнес-Инфо»); информационно-поисковая система «Законодательство стран СНГ Онлайн» (далее – ИПС «Законодательство стран СНГ Онлайн»); электронный банк данных «Судебная практика» хозяйственных судов Республики Беларусь (далее – ЭБД «Судебная практика»), а также не обновляемая с 2010 года база данных «Норма-

тивные акты Украины» (далее – БД «Нормативные акты Украины»), аналогов которой по поиску правовых документов в сфере законодательства Украины на сегодняшний день в Республике Беларусь не существует. Однако при обслуживании пользователей правовыми информационными ресурсами сотрудниками ЗПИ периодически приходится сталкиваться с проблемами выполнения запросов при поиске документов БССР и зарубежных стран в связи с их отсутствием в электронных базах данных по праву.

Запросы пользователей с использованием представленных в ЗПИ электронных ресурсов выполняются в следующем процентном соотношении: ЭБД «ЭТАЛОН» (12,3%), СПС «КонсультантПлюс» (73,9%), ИПС «ЮСИАС» (3,7%), АПС «Бизнес-Инфо» (3,8%), ИПС «Законодательство стран СНГ Онлайн» (1,2%), ЭБД «Судебная практика» (0,7%), справочная система «Эксперт» (3,3%); БД «Нормативные акты Украины» (1,2%).

В соответствии с анализом читательских запросов активно ведется актуализация подсобного фонда зала правовой информации, объем которого на сегодняшний день составляет свыше 30 тысяч единиц хранения на белорусском, русском и иностранных языках, среди которых книги (конституции, кодексы, законы и комментарии к ним, сборники нормативных правовых актов, энциклопедии, словари, справочники и т.д.), а также официальные периодические издания органов государственной власти, министерств и ведомств, высших судебных органов Республики Беларусь, Российской Федерации, стран СНГ и зарубежных стран, а также СССР, РСФСР и БССР.

Благодаря открытости и максимальной приближенности фонда к пользователю, количество обращений к печатным источникам информации значительно увеличивается – ежемесячная книговыдача составляет в среднем 2,5–3 тысячи экземпляров книг и периодических изданий (рис. 1).

Каждый месяц число выполненных справок по правовым вопросам составляет не менее 1000, среди которых: тематические – 39%, уточняющие – 11%,

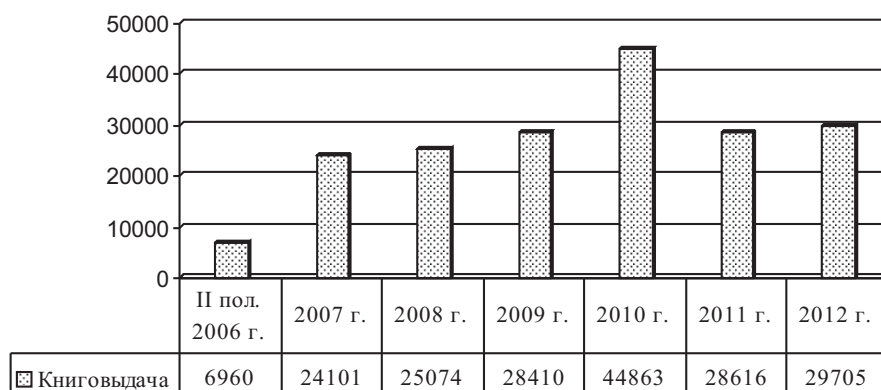

Рис. 1. Сравнительный анализ количества выданных документов (2006–2012 годы)

адресные – 36 %, фактографические – 2 %, библиографические консультации – 12 %.

Однако сегодня невозможно ограничиться рамками традиционного библиотечного обслуживания, так как все большее количество пользователей желает получать необходимую информацию в наиболее полном объеме и с минимальными временными затратами в независимости от их реального местонахождения, что напрямую влияет на изменение информационно-библиографического обслуживания. Главным образом, это внедрение новых форм услуг, основанных на использовании современных информационных технологий и сети Интернет и рассчитанных на качественное обслуживание удаленных пользователей.

С учетом данных тенденций с 2008 года на интернет-портале НББ стала функционировать онлайн-служба «Виртуальный центр правовой информации» (<http://vcpi.nlb.by>) (далее – ВЦПИ), основной задачей которой стало оперативное обеспечение свободного доступа пользователей к нормативным правовым документам посредством сети Интернет, выполнение сложных библиографических и фактографических справок, повышение уровня комфортности обслуживания виртуальных пользователей НББ, а также правовых знаний и правовой культуры населения.

ВЦПИ представляет собой самостоятельный раздел интернет-портала НББ, имеет многоуровневую структуру и содержит постоянно актуализируемую информацию об онлайн-службе, ее основных целях и задачах, о зале правовой информации и электронных ресурсах по законодательству Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины и стран СНГ, предоставляемых в НББ, виртуальных юридических службах и консультациях, деятельности публичных центров правовой информации Республики Беларусь.

На данном виртуальном сервисе сотрудниками ЗПИ еженедельно производится отслеживание и обновление интернет-ссылок и интернет-ресурсов по правовой тематике. Здесь вниманию пользователей также предлагаются виртуальная выставка новых поступлений в фонд зала правовой информации и регулярно обновляемые библиографические списки литературы по актуальным темам правового характера.

Наибольшую популярность у пользователей ВЦПИ имеет рубрика «Задать вопрос», в которой можно не только обратиться с вопросом по правовой теме, но также просмотреть свой личный архив и ответы на уже ранее заданные вопросы. Принимаются тематические, уточняющие и фактографические запросы круглосуточно в любой день недели по широкому спектру правовых проблем, требующие сложного библиографического поиска.

Ответ выполняется от одного часа до двух рабочих дней, публикуется в рубрике «Архив выполненных вопросов» на странице службы и отправляется на электронный адрес пользователя. Непосредственно ответ может включать полное

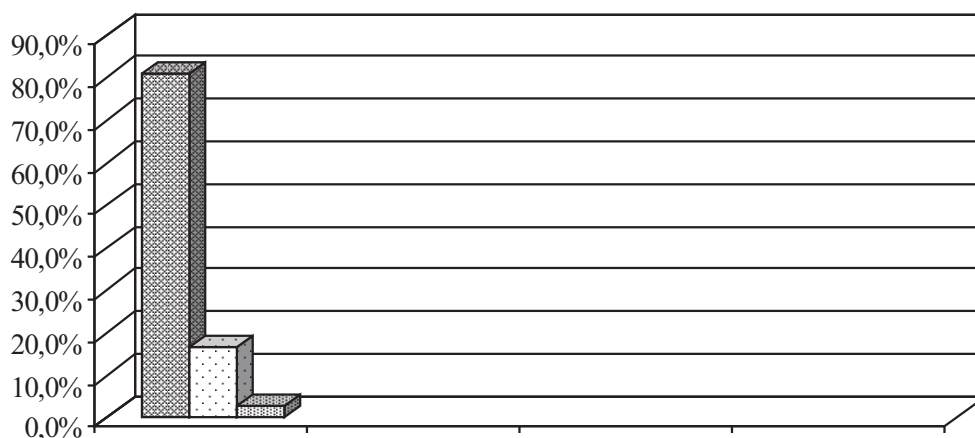
библиографическое описание документа, библиографический список (10 названий), а также либо ссылку на полный текст документа, который может быть заказан через службу электронной доставки документов НББ, либо гиперссылку на полный текст документа, доступный в сети Интернет.

Следует отметить, что пользователи практически всегда обращаются с достаточно сложными запросами, требующими детальной проработки материала и профессиональной юридической консультации. И хотя в отделе работают сотрудники с высшим юридическим образованием, не имея лицензии на предоставление юридических услуг, библиотека не в праве оказывать юридические консультации и заниматься решением конкретных задач по праву. В настоящее время ведется работа по организации онлайн-консультаций пользователям путем создания на сайте ВЦПИ такого сервиса, как «Юридическая клиника», включающего услуги бесплатной информационно-правовой (юридической) помощи.

Неослабевающий интерес к сервисам ВЦПИ, а также неоднократные повторные обращения свидетельствуют о том, что профессиональная библиографическая помощь специалиста, отлично ориентирующегося в правовых информационных ресурсах, также может оказаться неопределимой для наших пользователей, нуждающихся в правовой поддержке. На февраль 2013 года в архиве около 800 выполненных вопросов, ежемесячно посетителям ВЦПИ являются около 2,5 тысячи пользователей из Беларуси, России, Украины, Казахстана, Узбекистана, Израиля, Турции, Франции, Чехии, США и других стран (рис. 2).

Доступ к информационным ресурсам ВЦПИ возможен с любого домашнего компьютера. Более того, при поиске информации выход к данным ресурсам, представленным на портале НББ, возможен через наиболее популярную в сети Интернет поисковую систему Google.

С каждым годом ВЦПИ приобретает все большую популярность у виртуальных пользователей, тем более что все больше организаций, аккумулирующих информацию правового характера, активно используют сеть Интернет для предоставления информационных услуг в удаленном доступе. Так, с 1 июля 2012 г. в Беларуси установлен новый порядок официального опубликования правовых актов. Ранее единственным источником официального опубликования правовых актов являлось периодическое издание Национального центра правовой информации Республики Беларусь «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», который продолжает издаваться в печатном виде, утратив статус официального издания, и с указанной даты данный статус приобрел Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, который является основным государственным информационным интернет-ресурсом в области права и правовой информатизации. Подготовленные к опубликованию тексты правовых

■ Беларусь	80,8%
□ Страны бывшего СССР	16,5%
■ Зарубежные страны	2,7%

Рис. 2. Географическая структура обращений к ВЦПИ

актов ежедневно размещаются в сети Интернет, что позволяет обеспечивать свободный доступ к ним виртуальным пользователям в максимально короткие сроки. Бесспорное преимущество использования сети Интернет заключается в оперативности опубликования и одновременно большей доступности правовой информации по сравнению с печатным изданием, так как количество и объем размещенных там правовых актов не ограничены ни временем, необходимым для изготовления тиража печатного издания, ни периодичностью, ни количеством страниц.

Введение онлайн-сервисов значительно повлияло на показатели обслуживания пользователей НББ: количество виртуальных пользователей с каждым годом увеличивается (рис. 3).

Однако стоит отметить, что с растущим интересом к виртуальным услугам библиотеки у пользователей не ослабевает интерес и к инфор-

мационным ресурсам, предоставляемым непосредственно в читальных залах. Такую тенденцию можно объяснить эксклюзивностью материала, находящегося в правовых базах данных и печатных источниках информации, невозможностью найти его в сети Интернет, а также удобством поиска информации, которая аккумулируется в одном месте – ЗПИ. Также стоит учесть и человеческий фактор, так как часто квалифицированная помощь сотрудников отдела при поиске необходимой информации позволяет решить проблемы пользователей более оперативно и эффективно.

В заключение хотелось бы сказать, что главной целью сочетания традиционного и виртуального обслуживания на современном этапе является повышение качества информационных услуг и обеспечение их максимальной доступности для самых разных категорий пользователей.

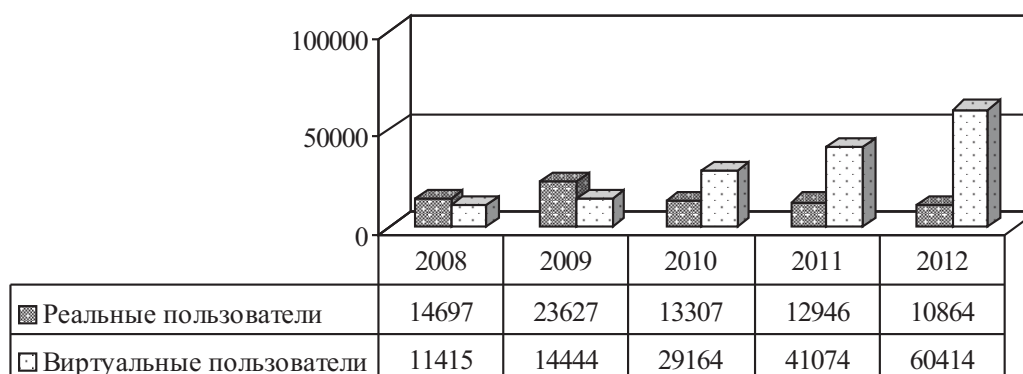

Рис. 3. Сравнительный анализ количества пользователей ЗПИ и ВЦПИ (2008–2012 годы)

Дата поступления статьи в редакцию 28.02.2013

РАЗВИТИЕ СЕТИ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕНТРОВ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ЗАДЕРКОВСКАЯ Н.И.,

главный специалист управления учреждений культуры и народного творчества
Министерства культуры Республики Беларусь

В современных условиях развития нашего государства отмечается неуклонное повышение спроса на правовую информацию и ее активное внедрение во все сферы жизни. Сегодня обладание правовой информацией является необходимым условием образованности всех и каждого. Именно поэтому создание условий для эффективного и качественного обеспечения правовой информацией населения является задачей, которую в нашей стране комплексно и целенаправленно реализуют различные органы государственного управления, в том числе Министерство культуры Республики Беларусь.

На сегодняшний день сеть публичных библиотек Министерства культуры состоит из более чем 3,6 тыс. библиотек, каждая из которых традиционно является важнейшим элементом информационной и культурной среды своего региона, удовлетворяя самые разнообразные запросы пользователей и обеспечивая равный доступ к информации всем категориям населения. Кроме этого, публичные библиотеки также успешно выступают в качестве одного из базовых звеньев национальной системы распространения и предоставления доступа гражданам к правовой информации.

Созданию публичных центров правовой информации (далее – ПЦПИ) на базе общедоступных библиотек положили начало Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 1998 г. № 565 «О порядке распространения правовой информации в Республике Беларусь» и Соглашение между Национальным центром правовой информации Республики Беларусь и Министерством культуры Республики Беларусь «О создании публичных центров правовой информации в Республике Беларусь и развитии сотрудничества в области распространения правовой информации» (2001 г.). В 2001 году были также разработаны и утверждены Типовая программа создания публичных центров правовой информации и Типовое положение о публичном центре правовой информации.

Начиная с данного периода процесс вовлечения публичных библиотек в работу по распро-

странению правовой информации стал носить системный и плановый характер. В результате на сегодняшний день Республика Беларусь обладает устойчивой разветвленной сетью ПЦПИ, функционирующих в публичных библиотеках.

На 01.01.2013 в Республике Беларусь создано и функционирует 531 ПЦПИ, которые представляют собой пункты свободного доступа граждан к официальной правовой информации. Они действуют как в областных, центральных городских и районных, так и в сельских библиотеках, в том числе обслуживающих население агрогородков.

Начиная с 2011 года, развитию и расширению сети ПЦПИ способствовало принятие Плана мероприятий по правовому просвещению граждан на 2011–2015 годы, одним из пунктов которого предусматривается в течение данного периода «развитие сети публичных центров правовой информации, в том числе разработка механизма информационно-правового обеспечения публичных центров правовой информации, публичных и детских библиотек официальными и эталонными источниками правовой информации, а также решение вопроса о выделении целевого финансирования для этой цели». В соответствии с данным планом за период с 2011 по 2012 год в республике создано 67 ПЦПИ (в 2011 г. – 33 центра, 2012 г. – 34).

Так, в 2012 году ПЦПИ созданы в:

Брестской области – на базе библиотеки-филиала Пинской городской библиотечной системы;

Витебской области – на базах сельских библиотек Бешенковичского (1), Браславского (2), Россонского (2) районов, а также на базе библиотеки-филиала библиотечной системы г. Орша;

Гродненской области – на базе сельской библиотеки Свислочского района и детской библиотеки г. Слонима;

Минской области – на базе библиотек агрогородков Клецкого, Крупского, Любанского, Минского, Несвижского и Солигорского районов;

Могилевской области – на базе библиотек агрогородков Бельничского (6), Бобруйского (2), Быховского (1), Костюковичского (7), Краснопольского (1), Кричевского (1) районов, а также на базе детской библиотеки г. Костюковичи.

Согласно статистике за 2010–2012 годы, ежегодные посещения ПЦПИ составляют более 125 тыс.; пользователям выдается свыше 320 тыс. документов правовой тематики (книги, периодические издания и др.); оказывается более 100 тыс. справочных и консультационных услуг. Количество обращений к правовым базам данных достигает 70 тыс.

Интересным фактом является то, что в начале создания ПЦПИ основной группой пользователей, обращавшихся к правовой информации, были студенты. Постепенно к ним присоединились служащие – юристы, предприниматели, руководители предприятий и учреждений, экономисты, бухгалтеры, педагоги и др. В настоящее время данная категория пользователей составляет около половины всех пользователей ПЦПИ (47 %). Студенты составляют 24 %; пенсионеры и безработные – 11 %; учащиеся средних специальных учебных учреждений и школ – 10 %; рабочие – 8 %.

Следует также отметить стойкую тенденцию к росту количества пользователей ПЦПИ, относящихся к социально незащищенным слоям общества (пенсионерам и безработным), а также учащимся средних специальных учебных учреждений и школ.

Тематика пользовательских запросов весьма разнообразна. Наибольшим спросом пользуются правовые документы, которые касаются предпринимательской деятельности, гражданского законодательства, законодательства о труде и занятости населения, жилищного и таможенного законодательства, сферы международных отношений.

В настоящее время ПЦПИ осуществляют целый комплекс услуг, как на бесплатной, так и на платной основе.

На бесплатной основе оказываются, как правило, основные (базовые) услуги: выдача во временное пользование печатных изданий правового характера; предоставление доступа к электронным информационным ресурсам; библиографическое обслуживание (выполнение справок, подбор документов по теме и другое); консультативная помощь в поиске ресурсов правовой тематики. Дополнительные платные услуги связаны с различными формами копирования правовой информации.

К бесплатным услугам ПЦПИ следует также отнести различные мероприятия по правовому просвещению – дни информирования, обзоры в средствах массовой информации, создание специальных страниц и рубрик на сайтах библиотек. Специалистами центров формируются так-

же подборки печатных материалов, тематические папки по актуальным правовым вопросам, оформляются информационные стенды, издаются буклеты и иные информационные материалы с обзором новинок законодательства.

Следует отметить, что правовое просвещение населения, в первую очередь молодежи, на сегодняшний день является одной из важнейших задач для ПЦПИ, специалистам которых очевиден факт необходимости повышать уровень правовой культуры населения в целом, а не только предоставлять ему доступ к правовой информации. С этой целью в ПЦПИ используются традиционные для библиотечной практики формы работы с демонстрацией возможностей ПЦПИ: библиотечно-библиографические уроки, викторины и конкурсы среди пользователей, тематические книжные выставки. «Права человека и гражданина», «За строкой закона», «Человек и закон», «Семья под защитой государства», «Правовой портрет семьи», «Домашний адвокат», «Законодательство и многодетная семья» – это лишь несколько названий выставок, состоявшихся в 2012 году в публичных библиотеках Минской области.

Повышению юридической грамотности населения способствуют также организуемые ПЦПИ встречи с сотрудниками юридических служб, правоохранительных органов, представителей местной власти и др. В рамках таких встреч приглашенные специалисты ведут разъяснительную работу с населением, отвечают на вопросы, обсуждают проблемы жизнеобеспечения регионов, различные аспекты законодательного процесса.

Качественное удовлетворение потребностей в правовой информации невозможно без развитой ресурсной базы ПЦПИ. Для удовлетворения разнообразных вопросов юридической направленности в центрах используются правовые ресурсы на различных носителях информации, как традиционных (печатных), так и электронных.

Так, основу электронных правовых ресурсов ПЦПИ в Республике Беларусь составляет копия эталонного банка данных правовой информации (ЭБДПИ), который включает базы данных «Законодательство Республики Беларусь», «Решение органов местного управления и самоуправления» и «Международные договоры».

Ядро документных фондов ПЦПИ также составляют официальные документы. Так, значительную часть традиционных фондов ПЦПИ составляют экземпляры Национального реестра правовых актов Республики Беларусь, в котором печатаются полные тексты всех новых нормативных правовых актов страны. Используются спросом у читателей научные, учебные, практические и популярные издания по праву и юри-

дическим наукам; справочные издания по праву и юриспруденции.

Безусловно, важным фактором функционирования ПЦПИ является их кадровый потенциал. Следует отметить, что на сегодняшний день подавляющее большинство специалистов ПЦПИ (более 80 %) имеют высшее образование. Как правило, это квалифицированные библиотекари и библиографы, владеющие основными навыками работы с новыми информационными технологиями, обладающие опытом работы с информационно-правовыми ресурсами.

Высокий уровень обслуживания пользователей ПЦПИ основан также на наличии в республике методического руководства деятельностью центров. На республиканском уровне функцию методических и координационных центров успешно выполняют Министерство культуры Республики Беларусь, государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси» и Национальный центр правовой информации Республики Беларусь». На региональном уровне данную функцию реализуют управления культуры областных и Минского городского исполнительных комитетов, областные библиотеки и региональные центры правовой информации.

Тесное межведомственное сотрудничество является важным фактором развития ПЦПИ. Совместными усилиями всех заинтересованных сторон практически ежегодно проводятся семинары на базе областных и городских ПЦПИ, которые позволяют не только обсудить наиболее актуальные проблемы, но и выработать подходы к их решению.

Подчеркивая роль сотрудничества Министерства культуры Республики Беларусь, Национальной библиотеки Беларуси и Национального центра правовой информации Республики Беларусь, необходимо отметить их совместную работу по совершенствованию правовой базы функционирования ПЦПИ. Одним из наиболее значимых результатов такой работы стало в 2012 году вне-

сение изменений и дополнений в Положение о публичном центре правовой информации, утвержденное постановлением Министерства культуры Республики Беларусь от 10 февраля 2011 г. № 4. Так, в Положении было дано уточняющее определение ПЦПИ, конкретизированы цели его создания и функционирования. Положение дополнено весьма значимым абзацем: «содействие правовому просвещению, повышению правовой информированности и правовой культуры граждан» и др.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что созданная в нашей республике национальная система ПЦПИ на базе общедоступных библиотек успешно функционирует. Содержание их деятельности соответствует нормам законодательства, налажено тесное профессиональное взаимодействие между всеми заинтересованными субъектами, осуществляется координация и методическое руководство деятельностью ПЦПИ на всех уровнях.

Таким образом, результаты работы ПЦПИ за более чем десятилетие показали, что использование сети публичных библиотек в качестве опорной базы по формированию системы ПЦПИ, потенциала и многолетнего опыта работы публичных библиотек по удовлетворению разнообразных информационных потребностей населения обеспечили эффективность реализации государственной политики в сфере правового просвещения общества и формирования правовой культуры граждан.

Ближайшие перспективы работы Министерства культуры в данном направлении связаны с продолжением мониторинга деятельности ПЦПИ с целью определения перспективных направлений их развития, участием в разработке показателей статистики и критериев оценки качества работы ПЦПИ, а также методических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию деятельности публичных центров правовой информации.

Дата поступления статьи в редакцию 25.03.2013

ТРЕБОВАНИЯ

к материалам, представляемым для опубликования
в научно-практическом журнале «Право.by»

Общие требования к статьям

При представлении статьи в редакцию автор заключает с НЦПИ договор исключительной (неисключительной) лицензии.

К рассмотрению принимаются статьи на бумажном носителе, набранные на компьютере в программе MS Word, в одном экземпляре, переданные вместе с файлами (файлы могут быть направлены по электронной почте: journal@ncpi.gov.by с уведомлением о доставке).

Объем статей научного и научно-практического характера – от 14 000 до 25 000 печатных знаков (включая список цитированных источников), для статей иного характера – до 14 000 печатных знаков (включая список цитированных источников).

Языки публикуемых статей – русский, белорусский. Принимаются статьи на английском языке (публикуются в переводе на русский язык).

Правила оформления:

все поля – 20 мм. Шрифт Times New Roman 15 пт, одинарный междустрочный интервал;

на первой странице сверху по центру пишется заглавие (на русском и английском языках) полужирным шрифтом прописными (большими) буквами; затем пропускается строка и от середины страницы с прижимом по левому краю (также на русском и английском языках) пишутся инициалы и фамилии авторов с указанием должности, организации, ученого звания и ученой степени; каждый автор – с новой строки;

далее – пропуск строки и аннотация – на русском и английском языках (кегель 12, курсив);

затем – пропуск строки и основной текст.

Рисунки вставляются в текст в формате JPG, BMP после первой ссылки на них в тексте. Каждый рисунок должен иметь название, которое помещается под рисунком. Если в тексте более одного рисунка, то они нумеруются арабскими цифрами (например, Рис. 2). Номер помещается перед названием.

Использование автоматических концевых и обычных сносок не допускается.

В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале.

В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи рабочей группы с автором.

Файл статьи представляется в формате RTF, Word. Рукописи не возвращаются.

Вместе со статьей представляется портретное фото автора в электронном виде в формате JPG.

Требования к научным статьям

Научные статьи подлежат независимой экспертизе (рецензированию). Рецензенты – доктора или кандидаты наук.

Научная статья должна содержать следующие обязательные элементы:

индекс УДК;

название статьи, отражающее основную ее идею;

фамилию и инициалы автора (соавторов) статьи;

аннотацию (до 10 строк), излагающую краткое содержание статьи, пригодную для опубликования отдельно от статьи;

введение, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов, основную цель работы;

основную часть, подробно освещающую рассматриваемые вопросы;

заключение с четко сформулированными выводами;

список цитированных источников, оформленный в соответствии с действующими требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь;

подписи всех авторов статьи (на бумажном носителе).

Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например, [1], [2]).

Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

В случае, если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом ответственному секретарю редакционной коллегии при представлении материала.

Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в информационно-правовых ресурсах, формируемых Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала.

Представленные автором для опубликования материалы должны соответствовать:

нормам современного русского (белорусского) языка;

специализированной, в том числе юридической, терминологии;

принципам изложения текста с использованием делового и научно-делового стиля;

оформительским требованиям, определяемым редакцией.

В случае выявления редакционной коллегией журнала (главным редактором, заместителем главного редактора, членами рабочей группы) несоответствия материалов указанным требованиям автору может быть предложено доработать (переработать) материал с учетом замечаний и предложений.

Доработанный (переработанный) автором материал может быть представлен повторно. Вопрос об опубликовании доработанного (переработанного) материала решается по предложению членов рабочей группы в индивидуальном порядке главным редактором (заместителем главного редактора).

Адрес редакции: ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск

Контактный телефон: 8 (017) 279-99-48;

факс: 8 (017) 279-99-09

Для зарубежных авторов:

контактный телефон: (+375 17) 279-99-48;

факс: (+375 17) 279-99-09